

Целительница: на грани

Светлана
Воропаева

Хочешь ли ты стать счастливой сейчас?

16+

Светлана Воропаева

Целительница: на грани

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48790221

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-08150-5

Аннотация

Сказки часто заканчиваются свадьбой, но в реальной жизни после неё всё только начинается. И ой как нелегко построить счастье назло затайнице-судьбе, которая то и дело подкидывает проблемы, плетёт интриги и заставляет играть по её правилам. Быть хорошей женой, преуспевать на работе и постоянно совершенствовать свой целительский дар – не слишком ли много для одной девушки? «Целительница: на грани» – любовно-производственный роман, вторая часть мистической трилогии, которая приоткрывает секреты жизни банкиров и приглашает в мир потусторонних чудес.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	44
Глава 7	54
Глава 8	63
Глава 9	78
Глава 10	103
Глава 11	129
Глава 12	149
Глава 13	172
Глава 14	212
Глава 15	229
Глава 16	262
Глава 17	295
Глава 18	328

Светлана Воропаева

Целительница: на грани

Глава 1

Виктория стояла на улице, чуть поодаль от входа в ТТК-банк. Рядом на барьерном ограждении красовался бумажный стакан с кофе из «Старбакса». Светило солнце. Вдали поблёскивала Москва-река. Но на душе было пасмурно. Так пасмурно, что совсем не хотелось возвращаться на работу.

Утром приятельница из отдела по работе с персоналом показала Пятницкой по дружбе будущую структуру департамента, которую планировали рассмотреть на ближайшем заседании правления банка. Там было немного изменений, но хватило одного слова в документе, чтобы Виктория сникла: раньше подразделение называлось «Служба развития продуктов среднего бизнеса», а теперь – «Служба развития проектов и продуктов среднего бизнеса». Вика знала, что в банке не бывает должностей, которые дублируют функционал друг друга, и это означало, что её планируют уволить или, что хуже, перевести из прямого подчинения руководителю департамента под кого-то ниже статусом. А ещё это – и в том и в другом случае – завуалированно извещало, что она не справилась с возложенными на неё обязательствами.

Она уже готова была расплакаться, как услышала за спиной голос:

– Твой кофе точно остыл. Держи новый.

Вика обернулась и увидела улыбающегося Алексея со стаканчиком в руках.

– Летом это не страшно, – ответила она. – Но спасибо за заботу. И как ты меня высмотрел? Я специально выбирала место подальше от всех, за поворотом. Метро в другой стороне. Выезд со стоянки тоже.

– Здесь отель. Обедал там в ресторане с одним человеком. И всё смотрел на тебя – красотку.

– Да? – смутилась Виктория и комплименту, и тому, что не учла параметр «гостиница» при дислокации.

– Я поэтому здесь и обедал. Когда нет больших совещаний с участием региональных сотрудников, это место совсем не пользуется популярностью.

– Поняла, – кивнула Вика.

– В общем, место прекрасное, чтобы нам обсудить важную тему. Мне нужен зам, переходи ко мне.

– Это шутка? – опешила Пятницкая.

– Нет, – посерьёзnel Смолин. – Без шуток. Мне нужен руководитель одной службы по должности и мой заместитель по сути. Ты толковая, ответственная, с выстроенными контактами во многих подразделениях нашего банка. Я тебе могу доверять. Подходишь по всем параметрам. Помогать первое время готов.

Пятницкая молча тарасилась на Алексея – слов не было.

– Вика, давай на чистоту. Это отличное предложение, тебе только недавно исполнилось двадцать шесть, а ты будешь так крута. И ваша новая структура... – лукаво улыбнулся он, вытаскивая козырь из кармана и наблюдая за её реакцией. – Тебе же в ней нет места. Твои проекты уйдут под Полянско-го.

– Такое чувство, что весь банк уже давно знает о моём позоре, а я – нет.

– За весь банк говорить не стану, но готов обсудить с заместителем председателя правления, который курирует ваш департамент, чтобы твой переход случился безболезненно. Им тоже будет выгодно по соглашению сторон тебе ничего не платить. Я же и денег добавлю.

– Мою зарплату ты тоже знаешь?

– Знаю, – улыбнулся Смолин. – Куда ты пойдёшь после ТТК-банка? Только в ГорБанк. Всё остальное – понижение. А в ГорБанке твой муж. Согласись, совсем неправильно вам вместе работать в одной структуре. Вы дома филиал банка устроите. Ещё разругаетесь, знаю я твой упёртый нрав.

– Можно подумать, мы с тобой не разругаемся. Вон ты уже всё за меня решил и всё просчитал. Я так не работаю. Николай без надобности в мои дела не лезет.

– Ладно тебе, я умею делегировать. Я большой мальчик. Мы договоримся об уровне твоих полномочий, чтобы всем было комфортно.

– Лёш, я не уверена. Сегодня не тот день, чтобы что-то решать.

– Хорошо, возьми паузу, обсуди с Виктором, – подмигнул Смолин.

– Он в отъезде, придётся подождать.

– Ты долго не тяни. Заседание правления уже на следующей неделе. Да и я передумать могу, – широко улыбнулся Алексей.

– Значит, не очень-то и хотел, – махнула рукой Пятницкая.

– Всё. Я серьёзно. Предложение реальное. Неделю подождать готов, потом буду искать человека. Ты тоже должна понимать, что мне нужен лояльный сотрудник, а не та, которой некуда податься. Я не прост, да и ты по характеру не подарок. Но почти жили вместе, так что найдём способы сработаться. По рукам? – улыбнулся Смолин и протянул ладонь. – Неделю на размышления.

– По рукам, – усмехнулась Вика и протянула руку в ответ.

В момент рукопожатия Пятницкая почувствовала, как кто-то сверлит ей взглядом спину. Она обернулась. У входа в отель стоял служебный автомобиль Краснова, а он сам застыл у задней двери, заинтересованно рассматривая их со Смолиным. Николай и Вика встретились глазами на пару секунд, а после он сел в машину и уехал.

Не успела Пятницкая вернуться на своё рабочее место, как на почту пришла отмена еженедельной встречи с Крас-

новым, запланированная на завтрашнее утро.

Вика спешно набрала Наталью, помощницу Николая.

– Наташенька, привет! Мне пришла отмена встречи с Николаем, а она мне так нужна!

– Он сам попросил. У него завтра какие-то срочные дела, а с тобой, наоборот, нет ничего важного к обсуждению. Это я его цитирую.

– Когда у него будет свободное окно? Может, на другое время или день перенесёшь?

– Всё забито. Он ещё в командировку перед заседанием правления улетает. Может, дождёшься вашей следующей еженедельной встречи?

– Хорошо, я поняла, спасибо. Дождусь, – вежливо сказала Вика и совсем загрустила.

Не было у неё срочных дел к Краснову, а вот его взгляд ей очень не понравился. Так же, как не нравилось, что вторую неделю она и её единственная сотрудница сидели без работы – мелкие поручения не в счёт. Многие проекты завершились или встали на стоп. Рабочие группы по затяжным проектам были настолько предсказуемы, что можно было появляться на них только раз в месяц. И всё это неудачно совпало с введением новой структуры подразделения: теперь казалось логичным отдать её функционал кому-то ещё в дополнение к остальным обязанностям. Пятницкая чувствовала себя ненужной.

Виктория сидела на подоконнике в съёмной квартире и наблюдала, как по Рождественскому бульвару прохаживаются люди, наслаждаясь тёплым летним вечером.

Она уже час гипнотизировала телефон с мыслью «звонить или нет», однако после второго бокала вина к ней пришла решимость.

– Милый, привет! Не буду врать, что я только скучаю, мне нужен твой мудрый совет. Не хотела тебя беспокоить, понимаю, что у тебя важные дела. Но! Утешь меня, что я просто себя накручиваю и что всё не так печально, как мне кажется.

Пятницкая обрисовала мужу ситуацию с новой структурой в их департаменте и рассказала о предложении Смолина.

– Нет, не накручиваешь, – вынес своё резюме Виктор. – Ситуация и правда странная. Поговори напрямую с Николаем. Это единственно верный способ разобраться в том, что происходит.

– Он отменил нашу еженедельную встречу. А у меня, как назло, нет к нему ничего срочного. У него плотный график, времени для меня нет. Я уточняла в приёмной. Не караулить же мне его в коридоре или писать письмо. Это нелепо.

– Согласен, стоит лично поговорить. Тогда жди момента. Вы больше года работаете вместе. Не думаю, что он тебя решит убрать в один день. Ты не давала повода. За тобой нет

каких-то явных и значимых косяков.

– Спасибо, милый, – хохотнула Виктория. – А неявные косяки есть?!

– Не цепляйся к словам. Мы что, непогрешимые люди? Всё бывает. Жди момента и работай как обычно, с полной отдачей.

– Я не против, задания бы были.

– Это временно. Это август. Всегда мёртвый месяц. Ещё будешь скучать по спокойным дням в конце сентября.

– Если не уволят, – грустно заметила Вика.

– Откуда в тебе вдруг появилась эта неуверенность?

– Не знаю. Сама чувствую. И это тоже меня печалит.

– Всё будет хорошо. Через пару дней вернусь. Обниму тебя. Посидим на окне, поболтаем о вечном. Мы вместе – и это главное. Даже если тебя уволят, на качество твоей жизни это не повлияет. Будем решать проблемы по мере их поступления. А сейчас просто жди удачного момента для разговора с Красновым. Люблю тебя!

– Спасибо, милый! И я тебя люблю!

– А про предложение Смолина... Мне оно не нравится. У тебя не будет там никакого развития. Это максимум, который он может тебе предложить. И сам он мне не нравится.

– Поняла тебя, – улыбнулась Пятницкая, немного радуясь его ревности.

«Дорожит мной», – подумала она, отложив телефон в сторону.

Виктор был прав: ей оставалось только ждать, а освободившееся время потратить на борьбу со своими странными страхами. Вот только ей совсем не нравилась перспектива остаться без работы. Конечно, она бы не голодала, Виктор вполне может содержать её, но это такой удар по самооценке! Ведь ей хочется работать и проявлять себя.

Пятницкая решила не спешить с ответом Смолину, несмотря на наказ мужа. «Есть неделя, вот и подожду», – подумала она.

Несколько повеселевшая, она позвонила маме, но та совсем не стала её жалеть:

– И что ты расслабилась? – почти строго сказала Анастасия Георгиевна. – Работы немного, муж в командировке, а ты сидишь дома. А тренироваться кто будет? Или ты думаешь, что Высшие силы всех сами исцелят? Чтоб завтра после работы была у меня. Продолжим твоё обучение.

– Есть, мам! – отчеканила Вика, вытянувшись по струнке и отдавая честь.

Глава 2

На следующий день Вика вновь сидела на парапете со стаканом остывшего кофе. Она смотрела на одну из башен Москва-сити. Где-то там было её рабочее место на втором этаже. А хотелось высоты. Она закрыла глаза и явственно увидела, как стоит и смотрит с верхних этажей вниз. Двадцатый? Тридцатый? Какой? Главное – мой. Мой кабинет. Панорамное окно. Туфли на каблуках. Темно. Огни. Блещет река. Нет, не под ногами, значительно ниже. Высота!

Машинально переключившись на видение, Пятницкая заметила, что мерцает белыми огоньками. Башня, в которой она работала, тоже светилась: сияла и манила холодным блеском. Впрочем, это была уже не башня, а пирамида света.

«Красиво, Господи, как красиво! – мысленно восхитилась Виктория. – Где-то там моё истинное место». И в тот же миг на расстоянии трёх четвертей от низа пирамиды будто зажгли свет в окне.

– Оно... – прошептала Вика и мысленно переместила себя туда, слилась с тем пространством, ощущая себя в нём как дома. – Оно.

Её странный экстаз прервал телефонный звонок.

– Как же я упустила этот момент?! Никогда так больше не делай. Ладно, что уж теперь, наберёшься опыта.

– Мама, о чём ты? – замерла в испуге Вика.

– Не подключайся больше ни к какому эгрегору.

– Эгрегору? – не поняла Пятницкая.

– Да, никогда больше не делай то, что ты сделала только что. Подключиться к эгрегору просто, отключиться – нет. Это потребует времени и отдачи, в прямом смысле этого слова. Особенно тебе. Ты же для эгрегора лакомый кусочек – бесконечная батарейка.

– Я так и не поняла, что такое эгрегор, – снова пробормотала Виктория.

– Эгрегор – это энергоинформационная структура на ментальном плане, то есть на уровне мыслей. Обычные люди её не видят, а ты можешь, что сейчас и произошло. В данном случае световая пирамида. Ты подключилась к эгрегору банка, в котором работаешь. Теперь, если будешь жить по его правилам, всё у тебя будет складываться хорошо: карьерный рост, доходы станут расти; но если пойдёшь против стандартных правил – жди беды. Теперь ты его служительница, увы.

– Но я и так там работала...

– Ранее ты просто работала в банке, а теперь будешь служить, будешь жить этим.

– Мам, да я и так люблю свою работу.

– Однажды ты поймёшь, о чём я. Сейчас, прошу, просто прими мой совет и больше никогда по собственной воле не подключайся к эгрегорам. Жить своей головой, а не транслировать чьи-то идеи – величайшая ценность.

– Ладно, – согласилась Вика, не зная, что ещё сказать.

И вдруг почувствовала спиной чей-то взгляд. Обернулась – никого. «Наверное, показалось после такого странного мамино звонка», – подумала Пятницкая.

* * *

Как и обещала, вечером Вика приехала к родителям. Мама накормила её ужином, а потом налила чай со смородиновым листом и начала рассказывать:

– Есть множество болезней, с которыми прекрасно справляются доктора. А тебе стоит сосредоточиться на психосоматических заболеваниях. Работай с сознанием человека, а не с его телом. Телу достаточно чистой энергии из источника. И да, хоть я и говорила тебе, однако повторяю, так как это важно: истинные целители не отменяют лечение! Бог послал человеку врача, пусть тот его и лечит: назначает или отменяет таблетки, проводит операции. А ты исцеляй сознание. Если после твоей работы дальнейшее лечение не понадобится, это откроется само – может, на повторной диагностике, а может, ещё как. И не печалься, если человеку всё равно потребуется лечение, может, не готов он ещё к чудесам мгновенного исцеления. А так у вас тандем с его доктором получится, ты человеку порядок наведёшь в голове, а он – в теле.

– Мам, я никак понять не могу. Я же раньше исцеляла людей. Это было просто и быстро. Почему сейчас нельзя действовать по той же схеме?

– Ты не всех исцеляла, а придумала себе некую систему фильтрации: мол, сигнал тебе шёл от Высших сил, кого исцелять, а кого нет. А я тебе рассказываю, как с любым человеком можно работать, который к тебе обратится или встретится на пути. Ты верно тогда объяснила, что порой не имела права исцелять человека, так как вмешалась бы в естественный ход событий. Представь, что ты исцелишь женщину сразу и полностью, а ей нужно было полежать в больнице, встретить там своего будущего мужа – врача. А ты им встречу отодвинула своими действиями на пару лет, потому что не прошла она испытание, не заработала достоинство в принятии какой-то ситуации или своих негативных качеств и заплатить ей за счастье своё нечем. Вот она и будет иным путём зарабатывать достоинство и горевать одинокими ночами без любимого. И ещё запомни. Целители не равняют себя с Богом. Исцеляет Бог, а мы свидетельствуем данный факт и оказываем помощь человеку в принятии этого исцеления.

– Мой мозг сейчас закипит. В итоге как я должна исцелять?

– Ты должна увидеть причину болезни человека, помочь человеку устранить её, а уже потом направить в тело чистую энергию из источника с командой об исцелении. Это божественная энергия исцеляет, не ты. Ты наблюдаешь: идёт исцеление или где-то тормозит. Вспомни свой первый случай, когда у тебя не получилось помочь девушке Анне, энергия совсем не проходила через неё. Бывает другое, когда энер-

гия проходит частично. Но хуже, когда исцеление свершается, а через какое-то время негатив возвращается обратно и болезнь соответственно тоже. У больного всегда есть выгода болеть. Если человек не поймёт, что хорошего в том, что он болеет, какая у него выгода, всё вернётся обратно. И именно это верное определение истинной причины болезни мы с тобой и будем тренировать. Хочешь, оставайся у нас или приезжай завтра к открытию нашей поликлиники, к восьми утра. Посидим там у регистратуры, понаблюдаем за людьми.

– Лучше я приеду. Привыкла спать в нашей с Виктором постели. Одеяло им пахнет. Скучаю без него.

– Это дело хорошее, – улыбнулась мама.

* * *

Виктория и Анастасия Георгиевна зашли в поликлинику и присели на стульях чуть поодаль от стойки регистрации, сливаясь с остальными посетителями.

В дверях появилась худая и немного сгорбленная старушка, активная до бесед.

– Наблюдай за этой пожилой женщиной, – сказала дочери Анастасия Георгиевна. – И ответь мне на один вопрос: зачем она пришла сюда?

– Хорошо, – кивнула Вика.

– Где у вас тут что? – не здороваясь, спросила старушка охранника на входе. – А то как ни приду, всё меняют. Вот

стойки этой не было, – ткнула она клюкой в рекламный стенд у стены.

– А что вам, бабушка? – спокойно уточнил мужчина.

– К врачу мне.

– Регистратура у нас слева, там же, где и была в прошлый раз. Там сможете взять талон.

– Да есть у меня ваш талон. Взяла уже.

– Тогда проходите к кабинету.

– Вот я и спрашиваю: где он?

– Кабинет? – переспросил охранник.

– Ну конечно! – рассердилась старушка.

– Какой кабинет указан на талоне?

– Вот, – протянула она бумажку. – Шрифт мелкий сделали. Совсем не видно.

– Вам на третий этаж, лифт слева после регистратуры, из лифта направо и по стрелкам.

– Так я же не вижу. Непонятно, для кого вы такие мелкие таблички повесили.

– Вам подскажут на этаже, – с мертвенным спокойствием ответил охранник.

Старушка вроде бы успокоилась, однако проследовала не к лифту, а к регистратуре.

– Почему у вас талоны такие маленькие? Совсем не думаете о пожилых людях! На них же не видно ничего! – возмущалась она, размахивая талончиком перед лицом сотрудницы регистратуры.

– Это технические особенности оборудования, – выдала заученную фразу девушка за стойкой. – Но мы сообщим о вашей претензии куда следует.

– Сообщите! – стукнула клюкой бабулька и пошла к лифту.

Когда лифт всё же увёз пожилую женщину на третий этаж, охранник и регистратор переглянулись и обменялись усталыми улыбками: мол, опять пришла.

Пока длилось это действие, Пятницкая просканировала бабушку на предмет болезней. Искривление верхнего отдела позвоночника она видела и невооружённым глазом, а ещё обнаружила грыжу в поясничном отделе. В сердце считывалось периодическое нарушение ритма, и щитовидная железа была не в порядке. В общем-то и всё. Для преклонных лет это был вполне понятный и отнюдь не длинный список болезней.

– Я не про перечень её заболеваний спрашиваю, – опередила мать Вику, когда та уже собиралась отчитаться. – Зачем эта старушка пришла сюда?

– Судя по твоему вопросу, ответ не очевиден на первый взгляд. И значит, не к врачу.

– Нет, – подтвердила Анастасия Георгиевна. – Смотри глубже, постарайся увидеть первопричину. Какая выгода у старушки приходить в поликлинику? Что она здесь получает?

– Помощь? – неуверенно произнесла Вика.

– Послушай этих женщин, – лишь сказала Анастасия Георгиевна, кивком головы указывая на сидящих напротив дам.

– Ты представляешь, муж на своей работе сидит за пятнадцать тысяч и считает, что великие деньги домой приносит. Я говорю ему: уходи. Лучше ремонт дома сделаешь, обои-то уже отклеиваются. Новые купили года три назад, да всё времени нет приклеить. Вот и уходи, говорю. Лучше пусть пенсию оформляют. Меньше точно не будет, он же москвич и всю жизнь работал. А муж совсем не слушает, всё ходит и ходит на свою работу. Так обои и лежат.

– И я хочу давно ремонт сделать, а всё никак. Дочь обещала помочь, но у неё трое детей, куда там. Вот сама, что могу: где окно подкрасу, где плинтус прибью. А твои-то внуки как?

– Младший уж в школу пошёл в этом году.

– Да ты что! Как быстро летит время.

– И не говори! Время летит. Внуки растут. И только ремонт не делается.

– Мам, они просто общаются, – констатировала Пятницкая, отпуская нить чужого разговора.

– И? Развивай дальше эту мысль.

– Они приходят поговорить... Им не хватает внимания, – вдруг поняла Виктория.

– Правильно. Опустит на этих женщин энергию из первоисточника. Проходит?

– Не совсем. Есть места, которые всё равно остаются тёмными.

– Почему?

– Получается, они не готовы к исцелению.

– Не готовы. Понимаешь почему?

– Нет, – честно призналась Пятницкая.

– Сколько раз ты исцеляла мать твоего начальника?

– Три.

– О чём ты каждый раз говорила с ней?

– О том, что её любят близкие, что она нужна им. И с каждым разом она всё больше и больше убеждалась в этом.

– И у неё отпала необходимость умирать, чтобы побыстрее освободить родных от лишнего бремени, – Анастасия Георгиевна помогла закончить мысль. – Исчезла первопричина. И это ещё благополучная и дружная семья. Сейчас же ты наблюдала трёх женщин, которым не хватает внимания. Где они его получают, если перестанут ходить в поликлинику? Точно не дома. Вот эта женщина, – кивком показала на даму слева, – и первая старушка живут одни. У третьей с мужем давно контакт потерян. Он поэтому и не хочет на пенсию. Что ему дома делать? Слушать бесконечные советы жены? Этих женщин нельзя взять и исцелить. У них есть выгода болеть. Они и помыслить не могут, что нужное им общение могут получить, например, в кружке по скандинавской ходьбе для пенсионеров. А лучше вообще докопаться до сути, почему их жизнь сложилась одинокой при наличии рядом

близких.

– У каждого свои причины на это, да? – уточнила Виктория.

– Да. Жизненные декорации у всех людей разные. Поэтому необходима только индивидуальная работа с человеком.

– Отсутствие внимания – не единственная причина болезней? – поинтересовалась Пятницкая.

– Нет, есть и другие причины. Только об этом не сегодня. Пора тебе на работу, а то опоздаешь и будешь переживать.

– Спасибо, мам. И правда, потеряла счёт времени, а у меня в десять утра совещание.

– Беги. Я пойду на работу не спеша, чтобы быть вовремя.

– Может, вместе? – смутилась Вика, особенно после осознания нехватки людям внимания.

– Всё в порядке. Ты же знаешь, мне с самой собой не бывает скучно.

Глава 3

– Доброе утро, милая! Пора вставать, – нежно сказал Виктор, потёршись небритой щекой о щёку Виктории.

– Я бы предпочла поцелуй в губы, – улыбнулась Пятницкая, не торопясь открывать глаза.

– Некогда. У нас дела.

– В субботу? Когда ты только приехал из командировки? Дела? – театрально возмутилась она. Открыла глаза и оплела мужа руками. – Что может быть приятнее и важнее долгожданного утреннего поцелуя любимого человека?

– Ожидание этого поцелуя, – сказал он, высвобождаясь из её пут. – У тебя пятнадцать минут на сборы, иначе мы опоздаем. Твой кофе из «Старбакса» уже ждёт тебя в машине. Выпьешь по дороге. Я жду тебя на улице, чтобы ты на меня не отвлекалась и быстрее собралась. Надень платье и туфли. Всё, я ушёл!

И Пospelов испарился, словно его появление было лишь сном.

Пятницкая сладко потянулась с улыбкой на лице. «Муж прав как всегда, – подумала она. – Ожидание очень приятно. Но всего пятнадцать минут – тут он не прав. Слишком мало на сборы. Суббота же».

От опоздания Викторию спасло лишь то, что в её гардеробе всегда было несколько платьев, которые не нужно гла-

дить.

– Куда мы едем? – спросила она, смакуя кофе из бумажного стаканчика.

– В кино. В «Октябрьский», – улыбнулся Виктор.

– В девять утра? – засмеялась Вика.

– В девять утра начинается сеанс, а сейчас восемь сорок пять.

– Я даже не знаю: это романтично или комично?

– Билеты на последний ряд. Думаю, утром в субботу зал будет пустой. Всё как в первый раз. Так что это романтично. Будем есть попкорн и целоваться солёными губами.

– И всё же это комично.

– Романтично, – не согласился с ней Виктор, улыбаясь.

Зал был и правда почти пуст. Только мужчина и мальчик лет десяти сидели посередине через несколько рядов от них, обнимая большие стаканы с попкорном. Фильм был про очередных супергероев, спасающих планету от всего и вся. Картинки мелькали, Пospelов держал Вику за руку и периодически притягивал её к себе для поцелуя.

Вдруг попкорн впереди взметнулся фонтаном, и сразу же раздался пронзительный детский крик:

– Папа!

Пятницкая мгновенно переключилась на видение, чтобы оценить ситуацию. Папа мальчика подавился и не мог дышать. Кукуруза попала не в то горло, когда мужчина засмеялся над забавным моментом в фильме.

– Чёрт! – выругалась Вика, скинула туфли и, перепрыгивая через кресла, поспешила на помощь.

Оказавшись рядом с мужчиной, она мысленно притянула к руке энергию из источника и направила струёй в его горло. Со стороны могло показаться, что Пятницкая хлопнула его по спине, однако в реальности даже не коснулась. Мужчина закашлялся и выплюнул попкорн. Мальчик с очередным криком повис на его шее.

Виктория расслабленно выдохнула и на всякий случай опустила на весь зал чистую энергию из источника, чтобы разрядить обстановку. Виктор подошёл к жене, дотронулся до её плеча, привлекая внимание, и жестом предложил надеть туфли.

Спасённый мужчина успокаивающе погладил сына:

– Кирюша, всё хорошо! Со мной всё в порядке. Посиди чуть-чуть. Я только поговорю с людьми, – и повернулся к Вике: – Спасибо! Я ваш должник.

Он поднялся с кресла и оказался огромным, полным и немного неповоротливым.

– Я рада, что всё обошлось, – кивнула Пятницкая. – Уверена, вы бы сделали то же самое на моём месте.

– Спасибо, – повторил мужчина. – Возьмите мою визитку, – порылся он в кармане брюк. – Земля круглая, может, вам однажды понадобится и моя помощь.

– Конечно, – согласилась Виктория, зажимая карточку в руке. – Мы пойдём, у нас с мужем свидание, – показала она

на Виктора.

– Иван, – представился мужчина Пospelову.

– Виктор, – ответил тот и пожал протянутую ему руку.

– У вас удивительная жена, Виктор, – сказал мужчина и ступешался, осознав, что в суматохе с ней даже не познакомился.

– Виктория. Мою жену зовут Виктория.

– Вам повезло с Викторией.

– Я знаю, – согласился Пospelов.

– Удачи вам! – поспешила попрощаться Пятницкая. –

Фильм ещё идёт. А нам пора.

– Позвоните мне, если будет нужно. Я буду рад вам помочь, Виктория.

Она благодарно кивнула и потянула мужа из зала, удивляясь тому факту, что в стрессовой ситуации им совсем не мешал общаться громкий звук транслируемого фильма.

– Скорее всего, сейчас ты снова хочешь кофе. И лучше тазик кофе, – усмехнулся Виктор, поддерживая жену на ступеньках при выходе из кинотеатра.

– Хочу. Да, большой стакан из «Старбакса». А ещё хочу побыть с тобой наедине, чтоб больше не было людей. А то их порой спасать приходится.

– А как ты перескакивала через ряды! – вдруг засмеялся Пospelов. – А говорила: «Зачем мне абонемент в фитнес?» Вот! Ты моя суперженщина!

– Без фитнеса я бы включила мозг и вспомнила, что мне

не важно расстояние и совсем не нужно было скакать, как паркурщик через препятствия.

– Зато было эффектно.

– И получилось правдоподобно, – отметила Вика. – Кажется, он не заметил, как я его спасла.

– Возможно, – согласился Виктор.

– Иван Михайлов, – прочитала Пятницкая на визитной карточке. – Он из Правительства Москвы.

– При нашей работе и правда может быть полезен. Не выбрасывай карточку.

– Да, – согласилась с мужем Вика. – Что у тебя было дальше по плану? Не для кино же я так одевалась.

– Саша Петров открывает новый ресторан «Петров и водка», нас пригласили. Начало в 14:00. Мероприятие сначала для своих, а после шестнадцати уже для остальных.

– Нам обязательно идти?

– Нет. Он мой лучший друг. Он поймёт.

Пятницкая пристально посмотрела на мужа, а после сказала:

– Сначала кофе, а к Петрову только на час. И уйдём не прощаясь, знаю я, как он умеет уговаривать.

– Да, повезло мне с женой, – улыбнулся Виктор. – На вечер, кстати, у меня запланирован сюрприз.

– Какой? – загорелись глаза у Пятницкой.

– Если скажу, не будет сюрприза.

По Охотному ряду гуляли люди. С высоты десятого этажа гостиницы «Москва» они казались маленькими и беззащитными. Вика сделала глоток шампанского, отошла от окна и вернулась к мужу.

– Сюрприз удался, милый. Спасибо! У нас не годовщина, не какой-то другой праздник, и это вдвойне приятно. Как маленькое путешествие.

– Я рад, – улыбнулся Виктор. Он сидел в кресле, закинув ноги на пуф. Его бокал с шампанским стоял на столике рядом. – Иногда я думаю, не было бы у тебя целительских способностей, было бы лучше, то есть проще и спокойнее.

– Ты устаёшь от этого?

– Нет. Я просто не могу просчитать подобное: как будет, когда будет... Как сегодня. Это влияет на нашу жизнь, а я не могу контролировать ситуацию. Я мужчина, я хочу знать, что всё под контролем, или хотя бы стремиться к этому.

– Так мы ли всё контролируем, как нам кажется? – философски изрекла Вика. Пузырьки в шампанском явно способствовали мыслительным процессам о бытие.

– Люди чаще предсказуемы и живут по шаблонам. Переменных много: события прошлого, нормы морали, место жительства, работа. И всё же многое можно просчитать. В твоём случае никогда не знаешь, где и кого тебе придётся исце-

лять.

– Это тоже переменная. Прими её как данность. Иногда приходится. Хорошо, что это быстро. А ещё вспомни, что мы бы не познакомились, не будь у меня моего дара. А твой ребёнок родился бы инвалидом. Не гневи Бога. У нас всё хорошо.

– Ты права, – через некоторую паузу заключил Поспелов. – Просто переменная. Возьмём завтра Ваню? Погуляем в Нескучном саду.

– Конечно!

Глава 4

– Ого! Лёша, какими судьбами такая важная персона и здесь? – Пятницкая могла не сдерживать сарказм – в эту минуту в кабинете она была одна.

– Шёл мимо. У меня сейчас встреча с вашим зампредом и лишние пятнадцать минут – ни туда ни сюда, решил поздороваться. И узнать, не приняла ли ты ещё решение?

– Нет, пока думаю. А что за встреча?

– Скоро будем присоединять к нам Виват-банк. Переходи ко мне? Будешь руководить проектом, – подмигнул Алексей. – Проявишь себя. Это сейчас и будем обсуждать.

– А Николай? Он приглашён? У меня с ним еженедельная встреча через сорок пять минут. Как такое возможно? Мне её не отменяли. Вы давно договорились о встрече?

– Три дня назад.

– А кто её делал?

– Мы приглашения рассылали.

– погоди, я позвоню в приёмную, уточню, знают ли они о встрече.

Смолин неодобрительно хмыкнул, однако промолчал.

– Лёша, вы же случайно забыли Краснова позвать, да? И ты сейчас это исправишь, верно? Позвонишь своим, и они обновят приглашение.

– Ну, Пятницкая, зашёл ведь просто поздороваться, кофе

хотел с тобой по-быстрому выпить.

– Я тебя угощу, хочешь? Но после встречи, а сейчас ты дёрнешь своих насчёт приглашения.

– Хорошо, за тобой кофе, – несколько сухо согласился Алексей. – И да, сейчас дёрну. А ты давай-ка переходи ко мне. А то слишком много заботы Краснову. Я тоже хочу.

– У тебя есть Лена, – заулыбалась Виктория и подмигнула. – А с меня только чашка кофе и решение через два дня.

– Ты б хоть сделала вид, что думаешь, а то всё Краснов в голове.

– Так он мой босс. Всё честно.

– Если решишь не в мою пользу, всё-таки нужно найти способ тебя уволить, – шутливо пригрозил Смолин и вышел из кабинета. А потом засунул обратно голову и строго сказал: – С тебя кофе. Помни!

Вика ехидно улыбнулась и, немного подождав, тоже вышла. Она сходила в ближайший «Старбакс», взяла большой капучино с собой, пришла в приёмную Смолина и попросила его помощницу поставить стакан с кофе прямо на рабочий стол Алексея. «Возврат долга!» – красовалась надпись на ярко-розовой бумажке, приклеенной к крышечке.

* * *

Ближе к вечеру того же дня Краснов вызвал Пятницкую к себе в кабинет.

– Как ты узнала о встрече по теме Виват-банка?

– Случайно. Разговорились со Смолиным.

Николай удивлённо посмотрел на Викторию, и та решила прояснить ситуацию:

– Я очень давно его знаю, лет десять. Я исцелила его и его мать.

Сама не зная почему, Вика не рассказала всей правды о своих отношениях с Алексеем.

– Это была полезная встреча, спасибо, – резюмировал Краснов, а потом спросил: – У тебя есть что-то ко мне?

– Все текущие вопросы я решала через твою приёмную. Однако у меня есть личный вопрос. Я случайно видела новую структуру нашего департамента. И в ней нет места мне. Мне пора подыскивать другую работу?

– Что значит «случайно»? Ты её не согласовывала? – удивился Краснов.

– Нет, – покачала головой Пятницкая.

– Что значит «нет места в структуре»?

– Вот посмотри, – начала объяснять Вика, вытаскивая специально заготовленную бумагу со схемой новой структуры департамента. – Видишь, согласно названию этой службы все проекты уходят под её руководителя – Полянского. А я остаюсь за бортом.

– Это ошибка. Твой функционал остаётся за тобой. Даже не переживай.

– Только именно в этом виде завтра ты выносишь этот до-

кумент на правление банка.

– Я сказал: не переживай. Я решу этот вопрос. Работай спокойно.

– Хорошо, спасибо большое. Я и правда переживала.

– Молодец, что не побоялась спросить.

– Тут уж пан или пропал, – улыбнулась Вика, скрывая волнение.

– Мне сказали, что ты хотела перейти к Смолину. Он уже обсуждал этот вопрос с Фроловым.

– С зампредом? – не смогла сдержаться Пятницкая и с ужасом подумала: «Как же так? Лёша хотел с ним поговорить только после моего решения. А я решение не приняла». Но вслух сказала спокойно: – Нет. Я, как и раньше, хочу работать под твоим началом.

– Я сегодня в этом убедился. Иди работай. Всё будет хорошо по структуре. Не переживай.

– Спасибо, – поблагодарила Вика и вышла.

* * *

Не успела Пятницкая удобно усесться за рабочим столом, как мобильник мурлыкнул и засветился. Пришло сообщение. Номер был неизвестным.

«Добрый день, Виктория. Это Анна Пономарёва от вашей подруги Марии Новиковой. Мы встречались с вами. Вы не смогли мне помочь тогда. Но у меня никак не выходят из

головы ваши слова о Толе и моём недоверии всему и всем. Мы можем с вами встретиться и ещё раз поговорить?»

По спине Пятницкой пробежал холодок. Не успела она порадоваться решению одной проблемы, как получила очередной вызов. Ей предоставлялся шанс доделать то, что она не смогла когда-то и, честно говоря, не очень-то хотела. Оказывается, как просто ей было раньше: раз – и исцелила человека, а если нет, то не исцелила, соглашаясь с волей Высших сил – мол, нельзя и всё.

Пересилив своё «не хочу» и посмотрев расписание дел, Пятницкая всё же ответила.

«Здравствуйте, Анна! Да, смогу встретиться с вами на том же месте на следующей неделе после 18:30 во вторник или среду».

«Вторник мне вполне подходит. Спасибо!»

«Так нечестно!» – прилетело неожиданное сообщение от Смолина.

«Нечестно разговаривать с Фроловым о моём переходе к тебе, когда я не давала своего согласия».

«Это получилось случайно».

«Вот и я случайно».

«Злишься?»

«Да!»

«Поговорим?!»

«Не сейчас. Очень злюсь».

«Извини. Действительно случайно. С языка сорвалось».

Очень хочу, чтобы ты перешла ко мне».

«Уже не перейду».

«Ещё поговорим!»

«Уже нет».

«Злишься! А кофе вкусный, но холодный», – с улыбочками ответил Алексей.

Вика не стала продолжать разговор.

Глава 5

В понедельник Виктория подходила к переговорной, где вскоре начиналась рабочая группа по глобальной автоматизации банковских процессов, и почти в дверях встретила Елену Спиридонову. Она курировала проекты от крупного бизнеса.

– Вика, привет! Поздравляю! Не думала, что ты девушка с зубками.

– Привет, Лен. Не совсем понимаю, с чем ты меня поздравляешь?

– Как же? Слышала от Полянского, как ты его подсидела. Пятницкая не успела возмутиться, как Спиридонова продолжила:

– Ты мне как контрагент нравишься больше, так что я даже рада. Поздравляю!

– Спасибо, – учтиво улыбнулась Вика, делая вид, что всё понимает.

«Можешь зайти сейчас к Николаю?» – пришло сообщение от помощницы Краснова.

«Могу. Буду через пять минут», – ответила Пятницкая, понимая, что текущая встреча с Красновым, кажется, станет для неё более значимой, чем вся банковская автоматизация. А на рабочую группу можно отправить и Таню Лескову, её единственную сотрудницу.

– Приве-е-ет... – многозначительно протянул Николай, завидев Пятницкую.

– Привет! – улыбнулась она.

– Ты будешь руководителем «Службы проектов и продуктов среднего бизнеса». Рада? – торжественно произнёс Николай, не отрывая от неё взгляда.

– Да, – со спокойной улыбкой подтвердила Пятницкая, подавляя бурю эмоций, подкатывающую к горлу, но уголки губ так и норовили сильнее поползти вверх, выдавая истинные чувства.

– Страшно? – уточнил Краснов, смотря всё так же пристально.

– Не без этого, – согласилась она. Сердце и правда бешено колотилось в преддверие нового и отнюдь не простого пути. Хоть и такого манящего.

– Ты справишься.

– Спасибо за доверие. Я не подведу!

– Я знал, что ты так скажешь, – улыбнулся Николай и, кажется, расслабился. Ему тоже был важен этот разговор.

– А Полянский? – прямо спросила Виктория.

– Он сам виноват. Не нужно было лезть на твою территорию. Я уже не смог изменить структуру, и мне осталось лишь выбирать: он или ты. В следующий понедельник жди на под-

пись документы о назначении.

– Спасибо! – снова поблагодарила Вика.

– Ты одним спасибо не отделаешься. Поля давно хочет в караоке сходить. Так что сейчас это тоже одна из твоих задач. А я не пойду. Мне ваш песенный репертуар в печёнках сидит. Хоть бы что-то новое разучили.

– Не ходи! – засмеялась Пятницкая, выпуская пар. – У нас все песни по плану, чтобы душа развернулась и не сворачивалась, пока домой не придём.

Николай лишь закатил глаза и с улыбкой сказал:

– Иди уж. И начинай прямо сейчас разбираться в процессах службы. Оформляй доступы к документации и прочее, чтобы в понедельник быть полноценным руководителем. Дела не должны тормозить из-за кадровых изменений.

– Хорошо, – сразу посерьёзнела она и вышла.

Чувства переполняли Викторию: радость по поводу назначения, страх перед новыми задачами, вера в себя и ужас от груза возложенных обязательств.

«Дышать. Дышать», – приказала себе Вика и присела на диванчике в безлюдном коридоре недалеко от кабинета Краснова. На этом этаже часто никого не было, а в её кабинете – Таня, в ближайших кафе – слишком много любопытных глаз, да и на улице тоже. Почти время обеда.

«Можешь говорить?» – написала Пятницкая сообщение мужу, закончив с дыхательными практиками. Тот сразу перезвонил ей.

– Ви-и-тя... ми-и-лый... – начала нараспев Виктория. – Я получила повышение и буду руководителем службы в нашем департаменте.

– Значит, меня ждут одинокие ужины и холодная постель в ближайшие пару месяцев.

– Ты не рад за меня? – загрустила Вика.

– Рад. Очень рад! И горжусь тобой. И верю, что ты справишься. Однако понимаю, как тебе будет тяжело первое время, – поторопился исправить ситуацию Пospelов. – Я смогу сегодня уйти с работы в 17:30, и ты уходи пораньше. Давай отпразднуем твою победу. Позволь себе расслабиться перед сложным этапом. Ресторан или подоконник?

– Подоконник, – улыбнулась Вика.

– Шампанское и ризотто с трюфелями из фуд-корта на Центральном рынке?

– Да! Я так предсказуема?

– Да, милая. За это – верность своим идеалам – я тоже тебя люблю.

– И я тебя люблю!

* * *

– Что бы ты сделал вначале, милый?

– Ничего. Первый месяц ничего не меняй. Наблюдай за процессами: кто, что и как делает. Разрушить всегда успеешь. Это быстро. Выстроить новые процессы сложнее. По-

этому наблюдай, порой нужно лишь слегка подкорректировать текущие действия сотрудников, чтобы всё заработало в разы эффективнее.

– То есть моя задача – не мешать работе подразделения? И анализировать его эффективность?

– Верно. Пока у тебя всего десять сотрудников, встречйся с каждым. Обсуди их текущие дела и задачи. Составь для себя их психологические портреты. Потом выдели двух-трёх толковых работников, с которыми тебе будет комфортно общаться, и создай группы в службе. Ты не будешь успевать работать с каждым, даже когда у тебя десять человек. Пусть взаимодействие идёт только через выбранных тобой ключевых сотрудников.

– Поняла. Нужно разделить службу, например, по направлениям: эти занимаются методологией, а другие – проектами.

– Верно. И надеюсь, ты понимаешь, что это будет условная структура. При неэффективности её нужно менять. Перетасовывать людей и не бояться их возражений. С возражениями нужно работать.

– Объяснять им, почему я так делаю?

– Нет. Это как раз делать бесполезно. Среднестатистический человек в сущности думает только о себе. Рассказывай им, чем им будет полезно и интересно твоё решение. Какие плюсы для них. Плюсы же могут быть разные – кнут и пряник: от «это хорошая перспектива роста» до «это единствен-

ная работа, не хочешь её выполнять – уходи».

– Манипуляция?

– Всего лишь правда жизни. Если у человека нет внутреннего стимула, дай ему внешний. Как только ты становишься руководителем, ты уже не можешь быть хорошей для всех, да и в целом хорошей. Сотрудники всегда найдут, в чём тебя обвинить. Ведь рядовой работник чаще всего не думает, как сделать, чтобы было эффективно, он ищет виноватого в собственной неэффективности – внешнего врага.

– Мне нужно время, чтобы осознать сказанное тобой. И мне страшно. Да, я безумно рада назначению и так же безумно боюсь.

– Это твой истинный враг. Твой страх. Враг внутри тебя. Победишь его – всё будет по плечу. Не будет проблем – будут задачи. А любую задачу разбиваешь на подзадачи, составляешь план действий – и вперёд.

– Ты сам к этому пришёл?

– И да и нет. Я тоже раньше спрашивал, учился у других, читал книги и пытался применить знания на практике. Я рад, что ты не боишься спрашивать и показаться глупой, например.

– Я же у тебя спрашиваю. Ты мой муж.

– Нет. Тут дело не в доверии и не штампе в паспорте. Ты умеешь учиться на чужом опыте и умеешь признавать, что есть люди опытнее тебя, при этом ты не возвеличиваешь их, а значит, можешь говорить с ними почти на равных, без

трясущихся рук и заиканий от благоговейного трепета. И ты умеешь задавать вопросы.

– Что бы я делала без тебя, милый? Ты такой умный!

– Ты бы задавала вопросы кому-то ещё. Может, даже Смолину.

– Не знаю, – улыbnулась Вика. – Он через раз шутит, что мечтает меня уволить, так как я не в его команде.

– Он, может, и не шутит.

– Брось, мы столько лет друг друга знаем.

– И не такое бывает. Не доверяй ему полностью. Будь на сто процентов уверена только в себе и в Краснове.

– В Краснове? – переспросила Пятницкая.

– Если ты однажды засомневаешься в нём – это повод уйти. Тут ведь как со мной – и в горе, и в радости. Или ты в его команде, или нужно уходить. И со своими ключевыми подчинёнными веди себя так же. Сомневаешься в лояльности – убирай, какой бы ни был крутой специалист. Иногда лучше одного крутого специалиста заменить двумя средними, чем он будет портить микроклимат внутри всего коллектива и саботировать работу. По эффекту будет хуже.

– Ты только начал, но уже столько наговорил, и теперь кажется, что я должна перестать работать сама и начать заниматься только подчинёнными.

– Почти так и есть. Не все понимают, что процентов семьдесят рабочего времени руководителя должно уходить на работу с коллективом, остальное – на стратегию развития под-

разделения и срочные дела, которые, увы, невозможно делегировать кому-то ещё. А работать, как работают рядовые сотрудники, руководитель не может себе позволить. Это рутина. И его мозг не должен быть заморочен этой рутинной. Иначе он не сможет принимать быстрые и верные решения.

Поспелов немного помолчал, разлил остатки шампанского по бокалам, а потом продолжил:

– Посмотри, что мы сейчас делаем. Именно это отличает нас от рядовых сотрудников.

– Пьём шампанское? – улыбнулась Вика. Виктор бросил на неё неодобрительный взгляд. – Я поняла тебя. Мы говорим о работе, хотя рабочее время давно закончилось.

– У тебя больше нет рабочего времени. Пока будут нерешённые вопросы, твой мозг теперь всегда будет думать, как сделать что-то лучше и эффективнее.

– А я не сойду с ума? Разве проблемы заканчиваются?

– Проблемы – нет, не заканчиваются. А вот задачи, – он акцентировал это слово, – имеют сроки исполнения, и если нет срочных тем, то нужно делать перерыв на отдых. В общем, самое главное мы обсудили, теперь давай полноценно праздновать. Ты же понимаешь, что я не одну бутылку шампанского купил.

– Главное – мне завтра выйти на работу!

– Ещё одна – и всё. И ляжешь спать пораньше. По крайней мере постараемся, – улыбнулся Виктор, сел поближе к жене и обнял её. – Мне после нужно будет поработать. Есть у

меня мысли о перестановках в подразделении, хочу их просчитать.

Глава 6

Сотрудница Пятницкой – Татьяна Лескова – положила трубку телефона и тут же поделилась информацией:

– Я всё узнала. Ты не можешь сейчас оформить для себя доступ к электронным документам службы, чтобы видеть корреспонденцию или согласовывать письма. Сначала должны оформить все бумажные документы и внести тебя в систему как нового руководителя службы. В среднем это три дня. После мы оформляем заявку, согласовываем внутри подразделения и с другими заинтересованными структурами банка. Это минимум один день. И день на исполнение.

– Я теряю неделю. Это нереально. Мне нужны все доступы уже в этот понедельник. У Полянского, как назло, не было сотрудника с такими же полномочиями по документации, как у него. А как только он уйдёт, все его доступы станут недействительными. Кстати! – вдруг прозрела Вика. – Что, если мы кому-то из его сотрудников оформим такой же доступ, как и у него? Узнай в службе поддержки, возможно ли это.

– Возможно, – сказала Лескова через какое-то время, снова положив трубку. – Только Полянский должен согласовать эту заявку на доступ.

– Чёрт! Ладно, ради дела позвоню сейчас ему!

Однако Полянский так и не ответил на три звонка Викто-

рии и не перезвонил ей в течение двух часов.

«Думай, девочка, думай! Задача простая, ты её не можешь завалить. Подразделение не может на неделю остаться без доступа к письмам. Полетят сроки ответов на запросы, получим по шее от подразделения внутреннего контроля. Думай!»

Вика стала делать дыхательную гимнастику. И на десятом вдохе её осенило, у кого может быть расширенный доступ к системам банка в их департаменте. Она тут же схватила телефонную трубку и набрала номер помощницы Краснова:

– Наташенька, привет! А у тебя же расширенный доступ к электронному документообороту, ты видишь всю корреспонденцию департамента?

– Привет! Да, – смутилась Наташа.

– А ты можешь, например, в обход руководителя службы согласовать заявку на доступ сотруднику этой службы к документообороту этой же службы?

– Не могу, – как-то очень быстро ответила Наташа.

– А если у тебя будет согласие Краснова?

– Тогда могу.

– Ура! – обрадовалась Пятницкая. – Скрин нашей телефонной переписки тебе будет достаточно?

– Вполне, – согласилась Наталья и отключилась.

Вика понимала, что ещё рано расслабляться: теперь надо пойти и познакомиться с сотрудниками своей будущей службы, а она пока к этому совсем не была готова.

«Одно дело, – думала она, – прийти и представиться как действующий руководитель службы, что уже для меня впервые. И совсем другое дело – представляться, когда назначения ещё нет, а есть лишь устные договорённости. Безусловно, у меня нет поводов не доверять Краснову. Он всегда держал своё слово. Только прошла ли моя персона согласование во всех заинтересованных структурах банка, не придерётся ли кто-то к тому, что у меня нет, к примеру, трёхлетнего опыта руководящей работы, как указано в требованиях к кандидату, которые мне любезно прислала Тоня из департамента по работе с персоналом? И кто они, мои сотрудники? Всех ли я знаю в лицо?»

Пятницкая до этого ходила по кабинету из угла в угол, чем немного смущала Татьяну, но после этих мыслей вернулась за рабочий стол и вывела из спящего режима свой компьютер. Она открыла внутренний портал банка и нашла там информацию о её будущем подразделении: список сотрудников с фотографиями, должностями и контактными данными. Вика вглядывалась в лица и старалась запомнить имена тех, кто был ей пока не знаком. Потом она позвонила по внутреннему телефону Елене Подольской, с которой периодически пересекалась на некоторых рабочих группах, и уточнила, все ли сотрудники службы сейчас на месте. И, получив утвердительный ответ, попросила им сказать, чтобы не расходились – она скоро подойдёт.

Пока шла, всё думала, о чём говорить с будущими сотруд-

никами, вспоминала разговор с Виктором, а также размышляла, как решить, кому оформить расширенный доступ в службе, кому можно довериться, кто точно будет честен или, наоборот, побоится сделать что-то предосудительное. С каждым шагом она понимала неизбежность и важность предстоящего выступления.

Служба развития продуктов среднего бизнеса располагалась на третьем этаже в небольшом закутке опенспейса. Пятницкая встала так, чтобы все сотрудники могли видеть и слышать её.

– Всем доброго дня! Если кто-то ещё не знает меня, меня зовут Виктория Пятницкая. В текущее время я курирую все проекты от среднего бизнеса. Скорее всего, до вас уже докатились слухи, что я вскоре стану вашим руководителем. Так вот, пресекая сразу лишние домыслы, я подтверждаю эту информацию. В понедельник будет моё официальное назначение на должность руководителя службы. Что касается вашей работы – вы работаете, как и работали. По мере возможности я хочу с каждым из вас поговорить, обсудить ваш функционал и ваши интересы, поэтому, пожалуйста, подготовьтесь к данному разговору. Повторюсь, меня интересует не только ваш текущий функционал, но и то, в каких направлениях вам бы хотелось развиваться. Только по итогам наших бесед я буду делать выводы о необходимости или отсутствии оной что-то менять в процессах подразделения. Сейчас одному из вас надо оформить расширенный доступ к электронному до-

кументообороту банка, чтобы видеть все письма, приходящие в службу, и акцептовать ответы, как это делает Полянский. Это временная мера, пока я буду получать соответствующие полномочия.

В глазах одной из сотрудниц – Марии Осиной – Виктория увидела неподдельный страх после слов о расширенном доступе.

– Мария, предлагаю это сделать вам, – быстро сориентировалась Пятницкая. – И сегодня. Как только заявка будет готова, пожалуйста, позвоните мне. И прямо сейчас прошу вас всех записать номер моего мобильного телефона. От вас же я буду ждать сообщения с указанием вашего имени и фамилии, чтобы я смогла занести ваши номера в записную книжку. Если у вас остались вопросы, задавайте. Впрочем, ещё один момент: ко мне можно на «ты».

Вопросов у будущих сотрудников не оказалось, поэтому Вика бодро зашагала обратно. Ей ещё нужно было ответить на почту, договориться с Николаем о подписании заявки на доступ в обход действующего руководителя службы и бежать на встречу с Анной, девушкой, с которой она так некстати договорилась на сегодня о новой попытке исцеления. Кажется, уже сейчас, не дожидаясь конца сентября, она начала с грустью вспоминать спокойное начало августа, когда скучала без работы. Как же она тогда не понимала своего счастья!

Анна Пономарёва сидела за тем же столиком, что и в прошлый раз. Пятницкая даже порадовалась своей усталости – было не до тревожных мыслей.

– Добрый вечер! – приветливо сказала Анна.

– Добрый, – улыбнулась Пятницкая, стараясь расслабиться.

– Вы говорили про Толю. Почему он оставил меня. Вы и правда понимаете почему? Его можно вернуть?

– Я не знаю, – пожала плечами Вика.

На лице Пономарёвой резко обозначилось удивление, граничащее с возмущением, которое она даже не попыталась скрыть.

Пятницкая продолжила:

– Не знаю, можно ли его вернуть, а почему оставил – я вижу.

Виктории наконец удалось расслабиться, войти в состояние видения и даже не сбиться после реакции Анны.

– Вы выбрали мужчину, склонного к доминированию, имеющего свою жёсткую точку зрения. Он следовательно. А вы такого мужчину пытались контролировать, хотели, чтобы он давал вам отчёт, где он и с кем, чтобы был дома к назначенному сроку. Хотя его профессия изначально не предполагает нормированного рабочего дня.

– И что мне делать? Как вернуть его?

– Анна, вы сейчас путаете инстанции: я знаю, как исцелять людей от болезней, а за приворотами или чем-то подобным – это не ко мне.

– Мне не нужен приворот. Он меня любит.

– Ага, – смутилась Вика. – Вы любите, он тоже – и не вместе. Гордость превыше всего. Знаю такое, было и у меня.

– И что?

– С третьей попытки удачно забыла о гордости и поговорила с любимым мужчиной начистоту, теперь мы муж и жена.

– И всё? Так просто? – не поверила собеседница.

– Ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Потратила минимум полгода, чтобы забыть его, ревела, вспоминала, работала над собой.

– Как работали?

– Училась не рубить с плеча. Контролировала свои эмоции и мысли. Теперь научилась в сложной ситуации сначала сделать десять вдохов, потом думать или отвечать. А то раньше на эмоциях могла много чего наговорить и нагородить.

– Так вы мне поможете?

– В чём вы ждёте моей помощи?

– Вернуть его.

Вике захотелось застонать, но она смолчала и после нескольких вдохов продолжила:

– Я готова с вами беседовать, чтобы однажды исцелить

ваши мигрени. А вернуть кого-то – нет, не могу. И смысла не вижу. Если человек по судьбе, всё сложится и без меня.

– Так вы не хотите мне помочь? Мы же любим друг друга!

– Анна, давайте так поступим: я вам письменно изложу, что я могу делать, а что с учётом вашего запроса точно не могу. Вы это на досуге читаете, а потом ещё раз перечитаете и ещё. И если вам через неделю всё же покажется, что именно я могу вам помочь и именно в том, что я умею, мы сможем ещё раз встретиться. А если нет, то найдёте другого специалиста по нужному вам профилю.

– А контакт специалиста дадите?

– Я не знаю таких. Моя позиция касательно возвратов очень жёсткая, и я вам её озвучила. Помните, про судьбу говорила? Я вот с вами говорю, а сама не могу по вашим поступкам понять, вы и правда любите своего Анатолия или это привычка.

– Ну знаете! – возмутилась Анна.

– Вот и говорю, что не знаю и не вижу по вам. А всё, что знала, сказала.

Пономарёва обиженно отвернулась в сторону.

– До свидания, – сказала Пятницкая и поднялась, понимая, что дальше будет пустой разговор. Вот только она содрогнулась от собственного же пророчества «до свидания». Ей совсем не хотелось ещё раз встречаться с этой упрямой девушкой.

Пока шла к метро, набрала подругу Машу.

– Привет! Встречалась сегодня с твоей знакомой Анной.

Что ты мне можешь о ней рассказать?

– Привет! Рада тебя слышать. Давно не общались.

– Да, увы. Меня тут повысили, да и в целом много работы. Даже муж жалуется порой. А что Анна?

– Умная и отзывчивая, хотя не для всех добрая. Она у нас главный бухгалтер.

– Она и правда умна как главный бухгалтер? Сама должность получила или кто-то пристроил?

– Сама. Она очень умная. Но может быть нудной. Рассудительная, последовательная, всё помнит и всегда в курсе последних новшеств.

«Как же загнуло умную женщину, если начинаешь сомневаться в её уме», – озадаченно подумала Пятницкая и попыталась закончить разговор:

– Спасибо, поняла!

– Постой! – засмеялась Маша. – Теперь скажи, чтобы и мне было понятно, когда мы встретимся?

– Ох, – вздохнула Вика. – Может, вечер пятницы?

– Идёт!

По дороге домой Пятницкая размышляла о странностях своих видений. Что-то она видела очень чётко, как, например, должность Анатолия, а вот кем работает Анна, она не видела и не могла разгадать секрет, почему ей так избирательно приходит информация. И ведь не первый раз так выборочно. Когда-то она не видела, что Виктор женат. Впро-

чем, тогда Вика была заинтересованным лицом, а теперь-то что? Разве она как-то может быть связана с Пономарёвой? «Какая глупая мысль!» – одёрнула себя Пятницкая и заторопилась домой.

Глава 7

Виктория получила документы о назначении лишь к концу рабочего дня в понедельник. Она облегчённо выдохнула и подписала бумаги, радуясь прекрасному стечению обстоятельств. И тут пришло сообщение от Смолина.

«Привет! Готов простить тебе кофе и даже угостить сам. Очень хочу с тобой поговорить. Сможешь спуститься в кафе «Час пик»?»

«Смогу. Сейчас?» – ответила Вика.

«Да. Я уже там».

«Иду».

– Как ты любишь, – сказал Алексей, пододвигая к Вике большую чашку капучино.

Вика приняла кофе, но что-то сказать не спешила. Смолин не выдержал и начал первым:

– Ты спишь с Красновым?

– Да ну тебя! – с улыбкой отмахнулась Вика, а потом заметила выражение лица Алексея и расстроилась: – Ты что, серьёзно? Я даже не понимаю, что тебе сказать сейчас.

– Так и скажи, как есть. По банку слухи гуляют, что ты своё повышение получила через постель.

– Лёш, тебе ли спрашивать? Ты меня сто лет знаешь.

– Я не обо всех твоих талантах подозревал. Мне раньше казалось, что карманный банк – твой потолок. А ещё не толь-

ко я видел, как вы вместе с Красновым уезжали куда-то и ведь порой после работы. Точно не на переговоры.

Вика шумно сглотнула: небо светело, а сердце на мгновение замерло.

– Если даже ты меня спрашиваешь, боюсь предположить, что обо мне думают другие. Обидно, – перешла на шёпот Пятницкая и потёрла глаза, чтобы не расплакаться. – Спасибо за кофе, – тихо поблагодарила она, отодвигая чашку, и начала подниматься.

– Постой, – остановил Смолин, хватая за руку. – Извини. Я был не прав. Не уходи. Не уходи, правда! Я дурак. Я ревновал.

– Лёша, какая ревность? Господи, о чём ты?! – шумно возмутилась Пятницкая. – Я замужем.

– Ну я всё же был твоим мужчиной. В прошлом. Имею право. Не сердись, – заискивающим тоном продолжил Смолин, подошёл и обнял Вику.

Та забылась и положила голову ему на плечо.

– Ой, – вдруг опомнилась и отстранилась она. – Ещё не хватало, чтобы все решили, что я и с тобой сплю.

– Мне было бы лестно.

Вика кинула на Смолина злой взгляд, но всё же вернулась за стол, чтобы допить кофе.

– Я не могу сказать, что я дружу с Николаем, он всё-таки мой руководитель. Это несколько иной уровень отношений. Но я очень тепло к нему отношусь. Я вхожа в его семью, по-

сле того как исцелила его мать. Иногда они зовут меня на семейные ужины. Его мама, в прошлом учитель русского и литературы, рассказывает интересные факты о творческих людях. А Николай, как оказалось, знает наизусть много стихов и прекрасно их декламирует. Мне тоже пришлось выучить парочку, чтобы не ударить в грязь лицом. Я дружу с женой Краснова – Полиной. Иногда мы ходим вместе в караоке. Ей я как-то исцелила ногу. Собственно, так мы с Красновым и познакомились. Так что да, я порой уезжаю с ним после работы в неизвестном направлении. А ещё я много работаю. И закончила университет с красным дипломом, как ты знаешь. Так что мне не нужно с кем-то спать, чтобы тупо получить повышение, я типа умная.

– Не заводись снова, – одёрнул Алексей. – Я был не прав. Я извинился.

– Да грустно, – подытожила Пятницкая. – Ты-то извинился...

* * *

Когда Виктор пришёл домой, Пятницкая сидела на подоконнике. На подносе стояла полная бутылка белого вина, китайская лапша в коробочках и нарезка сыров и фруктов.

– Это меня хорошо здесь встречают... – сказал Поспелов, проходя в комнату и небрежно снимая галстук. – Празднуем твоё официальное назначение?

– Скорее, хочу напиться с горя. В банке слухи ходят, что я повышение получила через постель. Я уже поплакала.

– Учитывая твои стремительные успехи и твою внешность, я не удивлён. Удивлён, что ты так близко принимаешь это к сердцу.

– Я в первую очередь женщина.

– Ты умная женщина и не самая обычная, – спокойно продолжил Виктор, даже не думая жалеть Вику. – Одно дело, если бы поползли слухи о наших с тобой отношениях. Тогда! – уточнил он и откупорил бутылку вина. – Другое дело – сейчас. Ты замужем. Я в тебе уверен. Ты дружишь с женой Краснова, и она уверена в тебе. И с Николаем у тебя адекватные отношения. То есть главные участники событий понимают, что эти слухи – бред. А остальные? Ну, тут бессмысленно метать бисер перед свиньями. Начнёшь оправдываться – ещё больше уверуют, что это факт.

Вика хотела рассказать про реакцию Смолина, но в последний момент промолчала.

– Я даже рад, что так сложилось, – усмехнулся Виктор, разливая вино по бокалам. – Муж, говорят, не стенка. А вот любовник! Теперь я спокоен, что никто не будет к тебе приставать. Ты теперь точно девушка занятая.

– Господи, Витя! – засмеялась Пятницкая. – Завернул так завернул!

– А теперь серьёзно. Перед тем как расстраиваться, лучше оцени ситуацию. Людям на уровне руководителей департа-

ментов и выше – до лампочки, с кем ты спишь. Службе безопасности – тоже, пока ты не делаешь это на рабочем месте или не сливаешь любовнику банковскую тайну. А все, кто ниже... Какая тебе разница, что они думают?! И даже наоборот, считай, что у тебя теперь есть некая защита. Например, сотрудники вашего же департамента будут тебя побаиваться. Вдруг ты и правда спишь с Красновым и накапаешь ему в порыве страсти об их плохом поведении, а он их уволит. В общем, перед тем как плакать, сначала подумай: может, события тебе в плюс, а не в минус.

– Хорошо, что мой муж – ты... – сказала Вика, опуская окончание фразы: «...а не Смолин». – Рассудительный и умный!

– Ты что так подлизываешься? Что-то недоговариваешь? – прищурил глаз Виктор.

– Вовсе нет, – помотала головой Пятницкая. – Ну, может, малость подлизываюсь, чтобы ты мне подлил вина и устроил какой-нибудь сюрприз в выходные.

– А-а-а... – протянул Пospelов. – Хорошо, будет тебе сюрприз. Я уже его запланировал.

* * *

В субботу с утра было два исцеления, совсем простых, но Вика чувствовала сильную усталость. Полноценный выходной уже не складывался, и надо было спешить в Парк куль-

туры – там её ждал муж со своим сыном Ваней.

Они погуляли все вместе, а потом завезли Ивана домой. Пока пили чай с бывшей женой Виктора Ольгой, за окном стемнело.

Поспелов гнал машину по Садовому кольцу в сторону дома, а Виктория смотрела на мелькающие огни и грустила. Видимо, муж забыл про сюрприз или отложил его на завтра, а так хотелось сегодня и сейчас.

Не доезжая до Курского вокзала сотню метров, Виктор вдруг свернул во дворы. Вика посмотрела на него с удивлением, но он никак не отреагировал. Поворот. Ещё поворот. И снова. Машина остановилась у какого-то длинного панельного дома. Пятницкая уже не ориентировалась, где они.

– У меня в багажнике твои кроссовки. Лучше надень их вместо балеток, мне так будет спокойнее. И наши кофты из багажника захвати.

– Так ведь тепло сегодня, – растерянно возразила Вика.

– Не знаю, как будет там. И хватит разговоров, сделай, как я прошу.

– Хорошо, – смущённо согласилась Пятницкая.

А пока она выполняла поручение Виктора, тот кому-то позвонил.

Невзрачный подъезд. Последний этаж. Хорошо, что Поспелов был её мужем, иначе она бы уже заподозрила что-то неладное. Кажется, ему нравилось её замешательство, и он чуть заметно улыбался.

– Залезай первая, – скомандовал Виктор, указывая на хлипкую лестницу, ведущую на крышу. – Я подстрахую.

Вика не нашлась, как пошутить, поэтому лишь глупо улыбнулась и полезла наверх. И там наконец поняла, где они находятся. Это был длинный панельный дом прямо на Садовом кольце недалеко от Курского вокзала. С него открывался изумительный вид на ночную Москву. На крыше их ждали небольшой раскладной столик и два стульчика, бутылка белого вина, два бокала и фонарик в виде керосиновой лампы.

– Не стали мучиться со свечками, тут ветрено, – улыбнулся Виктор и направился откупоривать бутылку.

– Ты, как обычно, меня поразил! – восхитилась Вика, обнимая мужа. – Я столько раз проезжала мимо этого дома, но и подумать не могла, что здесь так красиво! Как ты нашёл это место?

– Тамара, моя помощница, снимает здесь квартиру. Потом скажешь ей спасибо за эту импровизацию.

– Скажу. Непременно скажу, – согласилась она, принимая бокал из рук мужа. – И как в тебе это сочетается? С одной стороны, всегда холодный и рассудительный. С другой стороны, такой романтичный.

– Оно не сочетается. Это просто есть во мне. Что, думала, я забыл про сюрприз? – ехидно спросил Виктор.

– Думала, – честно призналась Виктория. – День получился сегодня странный. Устала так, что много чего лишнего думала.

– Мне видится, что тебе пора выбирать, чем ты хочешь заниматься: работать в банке или исцелять людей. Какое-то время это ещё можно будет совмещать, но недолго. Ты устанешь. Ты уже сильно устаёшь. Однажды надорвёшься – и может случиться что-то совсем нехорошее.

– Я не знаю, какой выбор сделать. Я с рождения исцеляю, это мой дар, я его не выбирала. А в банке мне нравится, в том числе и потому, что я там получаю хорошие деньги.

– Нам хватит и моих денег. Это не проблема. Да и за исцеление можно брать деньги. Вполне нормальная практика.

– Не зна-а-а-ю, – протянула Вика. – Ты правда сейчас хочешь об этом поговорить?

– Об этом – нет. Я хочу, чтобы ты начала задумываться над этим. Поговорить я хочу о другом.

Вика немного съёжилась.

– Мы никогда не разговаривали о детях. Ты хочешь детей? Сколько и кого – мальчика, девочку?

– Теоретически хочу.

– Милая, я совсем не теоретически тебя спрашиваю. Я хочу, чтобы любимая женщина родила мне ребёнка, хотя бы одного, а потом посмотрим.

– Честно?

– Только честно!

– Пока не хочу детей. Я очень тебя люблю. И счастлива, что ты мой муж, нам повезло быть вместе. А к детям я пока не готова. Это совсем поменяет нашу жизнь. И мою жизнь.

У меня только пошла карьера.

– Никуда не денется твоя карьера. Захочешь – выйдешь на работу через два-три месяца после родов. Возьмём няню.

– И всё же... Я пока не хочу. Я боюсь. Боюсь ответственности. Боюсь, что ребёнок унаследует мой дар. Не знаю. Я могу пока не решать? Или это повлияет на наши отношения?

– Не повлияет. Я хочу, чтобы ты знала. Я готов к этому. И я хочу детей от тебя.

– Я услышала тебя, – сказала Вика, а потом засмеялась: – По-дурацки прозвучало, да?!

– Да, – тоже засмеялся Виктор. И это помогло разрядить обстановку.

Потом они больше молчали, смотрели на город, узнавая знакомые здания, и пили вино.

Глава 8

Телефон Пятницкой мурлыкнул. Она оторвалась от монитора, чтобы прочитать сообщение.

«Виктория Дмитриевна, вы вообще помните, что у вас есть муж?» – Виктор, когда злился, всегда переходил на «вы».

Вика посмотрела на часы. Без пятнадцати одиннадцать. Она и не заметила. Накопилось много писем, которые нужно было акцептовать и отправить на подпись Краснову или на доработку. Нужно было прочитать всю почту, а то сотрудники не могли получить рекомендации по их делам и что-то становилось на стоп. Впрочем, Поспелов был прав: Виктории давно было пора ехать домой.

«Ты прав, извини! Выключаю компьютер и еду».

«Вызвал тебе такси. Скоро будет, спускайся. А то у тебя ещё ума хватит поехать на метро».

Последнее сообщение ясно говорило, что муж не просто зол, а очень зол. Но когда Вика пришла домой, он разговаривал с ней уже вполне спокойно.

– Милый, меня сильно удручает, что я сотрудникам объясняю всё по несколько раз. А порой просто переделываю за них. Я понимаю, что так продолжаться не может. Сейчас не безумное количество задач, а что будет, если вдруг случится аврал? Я вообще буду на работе ночевать? Но я не понимаю,

как это исправить.

– Давай проведём эксперимент. Да-да, именно сейчас, не смотри на меня жалостливым взглядом. Это для твоего же блага. И для моего. Просто следуй моим инструкциям – и всё. И я решу твою проблему с сотрудниками за десять минут.

Вика хмыкнула, но азарт был сильнее скепсиса, и она согласилась на затею мужа.

– У нас есть в доме фрукты?

Виктория кивнула.

– Принеси, пожалуйста, и положи на стол.

Пятницкая повиновалась, сходила на кухню, взяла из большой плетёной вазы банан, который лежал сверху, и вернулась обратно, но положить его на стол не успела.

– Нет, Вика. Я хотел не банан, я хотел яблоко.

Виктория улыбнулась и сходила на кухню за яблоком, но муж опять остался недоволен.

– Не такое. Ты принесла жёлтое, а я хотел зелёное. И маленькое, а не большое, как у тебя в руках.

Кажется, Пятницкая начала понимать суть игры. И теперь уточнила все параметры яблока, которые вспомнила, перед тем как снова сходить на кухню.

– Какое прекрасное яблоко ты выбрала, молодец, – похвалил Виктор, когда Виктория показалась в дверях. – Положи на стол. Нет, милая, – одёрнул он вновь, – не на обычный стол, а на компьютерный, и не справа от клавиатуры, а слева и чуть выше.

Вика усмехнулась и в шутку бросила яблоко в мужа – так, чтобы он поймал.

– Я поняла. Я некорректно даю задания.

– Бинго! – усмехнулся он, а потом объяснил: – Это нормально. У тебя раньше не было опыта в таких вопросах. Ты до повышения работала с единственной сотрудницей, которая сидела с тобой в одном кабинете, и вы понимали друг друга с полуслова: ты слышала и видела, что она делает, а значит, могла мгновенно исправить её недочёты. Теперь не так. Ты сидишь отдельно от коллектива, которым руководишь, и сотрудников много. Они ещё не привыкли к тебе, к твоим методам постановки задач. Пока идёт притирка, уделяй особое внимание деталям при озвучивании задания. Не уверена, что будет получаться устно, – пиши сотрудникам письма с инструкциями, так и ты сможешь проверить корректность поставленной задачи, и они ничего не забудут. Первые дни тебе будет казаться, что это только ухудшило положение, ты очень много времени будешь проводить над постановками задач, однако вскоре и сама наберёшься опыта в этом вопросе – будешь писать тезисно и простым языком, словно для детей. И сотрудники твои тебя порадуют, когда не нужно будет переделывать за них что-либо. И кстати! Искореняй эту практику. Либо ты изначально сама исполняешь поручение, когда понимаешь, что никому не можешь его доверить, не суть из-за чего: важность, срочность, секретность. Либо ты отдаёшь задание – и больше к нему

сама не притрагиваешься, пусть исправляют твои подчинённые, не ты. Один сотрудник не справился – передай задачу другому. Помнишь, я говорил тебе? Теперь ты – руководитель. Ты не можешь себе позволить уйти в рутину. Твоя голова должна быть незамутнённой, чтобы оперативно принимать решения. Лучше сиди, скучай и пей кофе, чем работать ради работы. Ага, – вдруг прервал свой спич Виктор. – А теперь, кажется, кому-то пора идти спать. Глаза закрываются сами собой?

– Увы, милый, ты прав... Я тебе очень благодарна. И очень хочу спать. Завтра приду вовремя. Поставлю себе напоминалку: уйти с работы в срок.

* * *

Три дня Пятницкая свято следовала совету мужа и давала сотрудникам задания письменно по почте. Поспелов был прав: уже к концу второго дня появилось понимание, как это делать быстро и тезисно. На следующее утро пришла идея, что можно отправлять письма со сроками исполнения задания: если в урочный час ответа не было, то сообщение светилось красным. К тому же можно было ставить дополнительные напоминалки прямо в почтовой программе. И всё равно было множество открытых вопросов по организации работы. А главное, Пятницкой казалось, что она не обладает должными знаниями и умениями для того, чтобы всё скла-

дывалось гармонично.

Было всего одиннадцать утра, а ей уже хотелось застонать от бессилия и упасть головой на клавиатуру. Но она по-прежнему делила кабинет с Татьяной – вопрос о переезде подразделения в лучший офис ещё решался – и просто не могла показать свои истинные чувства перед сотрудницей. Сославшись на встречу, Вика вышла из кабинета, а потом и из офиса.

На улице было тепло – и это в середине сентября в Москве. Зря Виктория захватила с собой пиджак. Даже на набережной было комфортно стоять в лёгком, раздуваемом ветром платье с коротким рукавом.

«Если так будет продолжаться и дальше, я не выдержу. Объективности ради надо признать: такой темп слишком быстр для меня. Я трачу невероятное количество сил на успокоение собственных эмоций, а задачи и проблемы сыплются как из рога изобилия. От меня нужна чёткость действий и рассудительность, как от робота, без лишних стенаний: «что за чёрт» или «почему я». Вот у Виктора это есть. Минимум эмоций, всегда проявляемых своевременно. А у меня нет, увы. А Краснов! Его многозадачности можно позавидовать. Он так быстро умеет переключаться между делами: тут даёт мне распоряжение, мгновенно отвечает на звонок совершенно по иной теме, после – на сообщение, тут ещё Наташа заглядывает с какой-нибудь банальностью, а потом у него сразу какие-то переговоры. И у Смолина есть отличное

качество держать нить разговора, не забывая первопричину, он умеет плавно возвращать людей к изначальной теме дискуссии и добиваться конкретных ответов на поставленные вопросы – и это всё, когда за столом переговоров человек двадцать. Скопировать бы эти умения у них как по волшебству...»

Тут Вика одёрнула сама себя: а вдруг и правда существует такая волшебная технология копирования умений у других людей? И тут же позвонила маме.

– Мама, привет! Подскажи, пожалуйста, мы можем копировать и устанавливать себе знания других людей?

– Привет! Хоть так ты не забываешь о своих способностях, – усмехнулась Анастасия Георгиевна. – Вопрос понятен. Ответ: да. Но формулировки твои в корне не верны.

– Подскажешь как? Я очень устала. Мне это жизненно необходимо. Не справляюсь как руководитель подразделения. Мне нужен апгрейд, как компьютеру.

– Тебе больше нужен отдых, но ты же меня не послушаешь, поэтому вот тебе инструкция по апгрейду, – заговорила мама в стиле дочери. – В расслабленном состоянии, лучше хотя бы после короткой дыхательной практики или медитации, определи то качество, которое тебе импонирует в другом человеке, и чётко опиши его. Мысленно войди в пространство человека, отметь, где это качество находится, а потом представь, что возле человека формируется полый шар. Дай команду, чтобы в этом шаре возникла точная копия того

качества, которое тебя интересует. Наблюдай за процессом. Когда он завершится, направь шар в источник божественной энергии с пожеланием очистить это качество и преобразовать его наилучшим и наивысшим образом, чтобы оно гармонично могло встроиться в тебя. Дальше опусти шар на себя и смотри, как каждая клеточка твоего организма пропитывается новым знанием. Важно: мы не забираем качество, мы копируем его. И всё же взамен, в знак благодарности, направь на человека энергию из источника.

– И я смогу этим сразу пользоваться?

– И да и нет. Ты будешь понимать, как это делать, осознавать, когда делать, у тебя будут появляться мысленные позывы применить новый навык, но тебе всё равно придётся набираться опыта при использовании этого качества. Ты же не убираешь из себя прежние алгоритмы действий. Так что первое время каждый раз будешь стоять перед выбором, по какому алгоритму действовать, пока навык не станет привычным.

– Спасибо, мам!

– Ты в качестве благодарности лучше приезжай к нам в гости, давно не была.

– Работа, мам... Виктор тоже уже ругался на днях.

– Дела никогда не заканчиваются. Это жизнь конечна. Приезжай, мы скучаем. С Виктором приезжай, будем только рады.

– Я поговорю с ним, постараемся в выходные заехать. Спа-

сибо!

Пятницкая посмотрела на реку, на то, как она переливается в лучах солнца, порой выглядывающего из-за облаков. Было немного душно.

«Странный сентябрь», – подумала Вика и приступила к дыхательным упражнениям. Для начала она решила скопировать себе навык мужа: рассудительность. Посему стала размышлять: а что же это такое, как проявляется в реальных действиях? Виктор говорит сразу, только если изначально знает ответ на вопрос. Опыт у него большой, знаний много, однако он может позволить себе секундные паузы для обдумывания тем, которые ему ещё неизвестны. И он не считает зазорным взять тайм-аут по задаче, которую не может сразу решить. И он знает себя, то есть те обстоятельства, в которых ему комфортно размышлять над сложным вопросом. Виктор любит пить крепкий чай и слушать джаз. Если задача не поддаётся ему, а решение необходимо получить быстро – идёт на беговую дорожку, считая, что к десятому километру любая задача решается. Так что же копировать? Как верно сформулировать задачу? Рассудительность – это ведь качество, которым наделяют человека другие люди, а тут нужны личные установки – внутренний стержень, чтобы и про неё можно было сказать, что она рассудительна.

Отпуская свои мысли, Вика прикрыла на мгновение веки, наполнила своё тело энергией из божественного источника и открыла глаза лишь для того, чтобы смотреть, как течёт

и искрит река, доверяясь её глубинам при поиске верного ответа.

«Я хочу скопировать у Виктора веру в то, что любую задачу можно решить, если не сразу, то посредством логических размышлений, а порой и полагаясь на прозрение, данное свыше. Скопировать веру в себя и свои силы. Ведь Бог посылает лишь те испытания, которые нам по силам преодолеть».

Шар, в который Вика копировала нужные ей навыки, был жёлтым, а знания хранились в голове и солнечном сплетении её мужа. По окончании процесса она ничего не почувствовала, впрочем, и не должна была. Теперь ей стоило отслеживать своё поведение: чувствует ли она в себе то, что переняла у мужа.

И только она решила разложить умения Краснова до нужных ей установок, как ей позвонили:

– Не вздумай, – засмеялась в трубку Анастасия Георгиевна. – Не больше одного качества в день. А лучше делай перерыв в неделю. Не перегружай себя. И хотя ты ничего не чувствуешь, процессы всё равно идут, твоему телу и мозгу нужен отдых. Иначе ты заглячишь и выйдешь из строя, в лучшем случае из-за простуды.

– Всегда поражалась, как ты видишь такое, – улыбнулась Вика.

– Чувствую, потом смотрю. Но не всё мне подвластно, ты порой так спешишь, что я не успеваю тебя остановить, как

случилось с эгрегором твоего банка.

– Будем мыслить философски: значит, так должно было быть.

– Конечно! До встречи в выходные.

– Пока, мам.

Пятницкая убрала телефон в карман пиджака и обернулась, ощущая чьё-то присутствие рядом. Но, видимо, ей только показалось. Рядом никого не было. Она удивлённо пожалала плечами и пошла в офис.

* * *

Пару недель спустя Вика посмотрела на обновлённую повестку главного совещания по проекту присоединения Виват-банка и совсем не обрадовалась тому, что увидела. Там появился вопрос о статистике переводов счетов ключевых клиентов. И это за пять минут до начала совещания. А ведь они со Смолиным ещё три дня назад договорились перенести обсуждение этой темы на следующее совещание: проект длился всего месяц, рано было для таких разговоров.

– Чёрт! – только и вырвалось у Вики.

Она вышла из кабинета и набрала номер помощницы Краснова.

– Привет! Николай как? Занят? Печально. А на совещание пойдёт? Тоже печально. А сообщения читает? И это печально. Ладно, тогда всё неважно.

Вика сделала десять спокойных вдохов и выдохов в низ живота, обдала себя с ног до головы энергией из источника, и ей пришла идея.

Пятницкая позвонила своей сотруднице:

– Таня, всё бросай. Подключай всех наших, кто сейчас на месте. Садитесь на телефоны и последовательно обзванивайте каждый филиал, спрашивайте хотя бы на словах, с кем из ключевых клиентов Виват-банка мы встречались по поводу открытия счёта в нашей системе банка и кто уже подписал договор. По мере получения информации сразу присылайте мне её сообщением в разбивке по филиалам. Пусть каждый сам присылает то, что узнает. Я сама всё сведу и систематизирую. И Москву не забудьте. У нас буквально полчаса. Всё, что успеете.

Вика зашла в переговорную, бросила недовольный взгляд на Смолина и села за стол поодаль от него. Тот лишь пожал плечами: мол, что?

Алексей вёл совещание как всегда хорошо. Следовал повестке. Мягко пресекал излишние разглагольствования и уклонения от сути вопросов. Коротко и ёмко резюмировал итоги бесед. А иногда даже шутил – тонко и в тему. Нужную информацию Пятницкой ещё не прислали, вопрос по повестке был не слишком близок ей и касался тонкостей операционной работы и функционирования колл-центра, а она ещё в начале обсуждения поняла, что их задачей будет написать скрипты по заданным темам, которые позднее мож-

но прочитать в протоколе, поэтому она позволила себе подумать о Смолине. Вернее, позволила себе думать о его умении вести совещания.

Ах, как же ей импонировала его манера! Тут он был очень похож на Виктора. Алексей был уверен в себе, в том, что говорит. Он был свободен. Вика споткнулась о свои же мысли: «Он уверен в себе». Он верит в себя, не тратит свои ресурсы на мысли: верно ли он говорит, что о нём подумают. Его разум не замутнён излишней чепухой, так свойственной среднестатистическому человеку, оттого и лёгкость, оттого и шутки.

«Что ж, буду снова копировать веру в себя, как тогда у Виктора, – решила Вика. – Только несколько иную. Это как пазл. Теперь мне нужна вера в правоту своих суждений, вера в силу голоса и ораторские способности. Я собираю разные оттенки веры в себя по кусочкам. Интересно, есть ли изначально цельное решение?»

Пятницкая очень вовремя закончила свои магические манипуляции и успела полностью услышать отчёт Спиридоновой об успехах крупного бизнеса при переводе клиентов поглощаемого банка на действующие системы. Настал черёд среднего бизнеса.

– На текущий момент мы провели анализ всех клиентов среднего бизнеса Виват-банка. С учётом активности на счетах нам будет интересен перевод двух с половиной тысяч клиентов. Утверждены планы встреч, которые уже начали

проводиться в точках продаж. Текущая статистика переводов незначительная.

– Незначительная – это сколько? – спросил Георгий Образцов, заместитель председателя правления банка, курирующий ход проекта.

– Тридцать клиентов, – спокойно произнесла Пятницкая.

– Негусто, – хмыкнул он.

– Ну так и проект только набирает обороты, – невозмутимо объяснила Пятницкая. – Вопрос появился в повестке лишь перед совещанием. Текущая информация – оперативная. Сейчас мы работаем в том числе над организацией сбора корректной статистики.

Образцов еле заметно улыбнулся, посмотрев на Пятницкую особым взглядом, который читался как: «Ах, эти женщины!» А потом сказал:

– Тогда ждём корректную статистику на следующем совещании, – Образцов поставил акцент на слове «корректную». И, не выдержав, добавил: – Крупному бизнесу это не помешало сегодня приготовить презентацию и отчитаться.

– Они молодцы, – как можно серьёзнее похвалила Вика, только Георгий явно увидел в её глазах иронию. – А мы отчитаемся в следующий раз, – сказала Пятницкая, мысленно добавляя: «У крупного бизнеса всего двести ключевых клиентов. Можно ли нас сравнивать? Ладно, главное – я выиграла время».

– Алексей, в последующем обеспечьте всех активных

участников проекта полной информацией о вопросах повестки заблаговременно, чтобы мы не тратили время на непроработанные вопросы. Что у нас дальше? – продолжил Образцов, и совещание пошло своим чередом.

Когда всё закончилось, Вика одна из первых вышла в коридор из переговорной, но её остановил короткий телефонный звонок. А после она увлеклась чтением сообщений.

– Вы молодец, Виктория, – негромко произнёс Георгий Образцов, проходя мимо, лишь чуть замедляя шаг.

Он одарил её слишком странным, многозначительным взглядом, который она, смутившись, приняла как личную симпатию. Осторожничая, Вика только учтиво кивнула и сделала вид, что погрузилась в телефон, однако читать сообщения она больше не могла, в голове крутился вопрос: «Что это было?»

– Кофе? – услышала она через пару минут голос Смолина и подняла глаза, оценивая обстановку. Народ уже разошёлся.

– Лёш, что за подстава со статистикой? Мы же договорились?!

– Ты тоже сейчас нашла способ меня подставить, сказав про несвоевременность включения вопроса в повестку.

– Так я сказала правду. А ты? Как так можно?

– Я не знал, увы. Иван Андреев, который у меня ответственный за этот проект... Да ты знаешь! Так вот, его попросила Спиридонова, и он, не подумав, пошёл ей навстречу. Сам увидел только по факту.

– Мне нужно твои оправдания принять как извинения?

– Это правда, а не оправдания.

– Ну тогда и пей кофе со Спиридоновой. Она же вам важнее данного ранее слова.

– Вик, ты как ребёнок, – одёрнул её Смолин.

– И что? – хмыкнула она. – Из-за вас я сейчас на час оставила работу своего подразделения, пытаюсь собрать хоть какие-то данные.

– Не из-за нас, а по собственному решению. И зачем? Изначально было понятно, что это проигрышный вариант. Проще было честно признать, что нет данных и всё. Эффект одинаковый. Статистику не собрали, корректность тех данных, которые получили, не подтверждена. Время потеряли. Хорошо, что всего час.

– Да ну тебя! – отмахнулась Вика и пошла покупать себе кофе, попутно думая, как вовремя она смогла скопировать у Алексея его умение верить в правоту своих суждений. Впрочем, над его словами она тоже думала, понимая, что Смолин был прав, а она в своих действиях по сбору данных – нет.

«Нужна автоматизация процесса», – подумала Пятницкая и зашагала быстрее.

Глава 9

На следующий день Пятницкая и Краснов сидели за столом переговоров в его кабинете. Вика отчитывалась по текущим делам. Заодно коротко рассказала о случившемся на совещании. Краснов лишь махнул рукой:

– Всё верно, проект только начался. Нет повода нас в чём-то упрекнуть.

В дверь постучали, и заглянула Наташа.

– Иван Иваныч уже приехал, – развела руками она, как бы извиняясь.

– Вика, продолжим позднее. Обсуди с Наташей когда. Пусть проходит и не забудь про чай, кофе и всё такое, – махнул рукой Николай, уже обращаясь к своей помощнице.

Пятницкая, понимая важность предстоящей встречи, спешно стала собирать свои бумаги со стола и, поднимая голову уже на ходу, чуть не столкнулась с важной персоной.

– Виктория, рад вас видеть. Работаете здесь? – без улыбки, но доброжелательно сказал здоровяк.

Пятницкая судорожно начала вспоминать, где могла видеть этого человека.

– Прекрасный фильм про супергероев, зря вы с мужем не остались, – помог ей незнакомец.

– Иван Михайлов, точно! Увы, обстоятельства так сложились. Рада, что вам понравился фильм. Надеюсь, что удачно

сложится и ваш разговор с моим руководителем.

– Удачно... – с задумчивой неопределённостью повторил Иван Иванович. – Оставьте мне свой телефон, раз всё так удачно складывается.

– У меня нет визиток, оставляю в приёмной, чтобы не задерживать сейчас начало вашей встречи.

– Добро, – сказал Михайлов и наконец-то освободил проход – и выходящей Виктории, и Наталье, несущий поднос, сервированный чашками.

– Вика, кого ты ещё знаешь? Список мне дай, – без вводной части начал Краснов, позвонив Пятницкой по телефону примерно через час. – Мне больших трудов стоило установить контакты с этим человеком, а оказывается, вы в кино вместе ходите.

– Никого я больше не знаю важного. Или не знаю, чем люди занимаются и кто они. Это случайно. Пересеклись в кинотеатре какое-то время назад. Откуда я знала, что тебе нужен кто-то из Правительства Москвы. А до этого я Ивана в глаза не видела.

– Случайно. Человек из Правительства Москвы – случайно. Смолин – случайно. Всё у тебя случайно.

– Так и с тобой мы случайно встретились, помнишь?

– Да, случайно. Не поспоришь.

– Мне просто везёт.

– Ещё как. И всё же список своих близких друзей и друзей мужа ты мне составь. Кто его знает, кто у вас там ещё

есть случайно. Пусть без должностей и места работы. Просто имена и фамилии. Мне б так, случайно.

– Ты серьёзно?

– Абсолютно. Даже если бы ты вдруг плохо работала, тебя можно было бы не увольнять за твоё случайное везение.

Фраза покорила Вику, но она промолчала, выдавив лишь из себя:

– Хорошо, сделаю.

Телефон зазвонил снова. Это уже был Иван Михайлов, который приглашал Пятницкую выпить с ним кофе и лучше прямо сейчас.

Виктория зашла в полутёмный ресторан «Бельканто» на первом этаже одной из башен Москва-сити. Ивана не увидела, уже хотела позвонить ему, но к ней подошла девушка-хостес и предложила проводить.

Михайлов изучал меню в отдельном небольшом зале с затемнёнными панорамными окнами с видом на реку и Третье транспортное кольцо.

– Вы уже обедали? Составите мне компанию? – предложил Иван, передавая меню Пятницкой.

– Да, обедала, спасибо.

– Десерт?

– Не откажусь.

– Если любите крем-брюле, возьмите. Здесь его хорошо готовят. С правильной карамельной корочкой и без приторного вкуса.

– Люблю. Спасибо. Тогда его и капучино.

– Виктория, не хочу с вами лукавить, – сказал Иван, когда официант принял заказ и ушёл. – Я ещё тогда понял: то, как вы мне помогли, нельзя объяснить с точки зрения общепринятых законов мироздания. Это было чудо, и вы обладаете исключительными способностями. Я скептик. Мне некоторые вещи нелегко принять. Однако я сказал себе: если судьба сведёт нас вновь, я спрошу вас и даже позволю себе попросить ещё об одной услуге, пока не поздно. Не для себя. Однако вы поймёте всю важность ситуации.

– Я надеялась, что вы не поняли, – улыбнулась Пятницкая. – Впрочем, что уж...

– Расскажите о себе? О своих умениях?

Виктория сначала хотела пошутить про прекрасные навыки делать презентации для совещаний, но, посмотрев на серьёзное лицо Михайлова, не стала.

– Я умею исцелять людей от различных болезней. Но не всех. Согласие человека на исцеление является обязательным условием.

– Как вы это делаете?

– Если коротко, то очищаю тело человека посредством энергии из источника истинной любви, или энергии всего сущего, или божественной энергии. Как ни назови, суть одна. И не я творю чудеса. Это делает Бог. Я лишь проводник.

– Не слышал о таком.

– Так и я особо не слышала. Просто умею. Мама научила.

– Вы потомственная... – тут Михайлов запнулся.

– Нет, – улыбнулась Вика. – Посмотрите на меня. Какая я колдунья? Я вон в банке работаю. А исцеления, считайте, хобби. Я не люблю распространяться об этом.

– Понимаю вас.

– Как прошла ваша встреча с Николаем? Надеюсь, удалось договориться о взаимовыгодном сотрудничестве?

– А вы не знаете?

– Нет, – честно призналась Пятницкая. – Я занимаюсь проектами и методологией. Всё это – внутренние процессы, а дела бизнеса – вне зоны моей компетенции.

– Жаль.

– У нас в департаменте много достойных сотрудников, с которыми приятно взаимодействовать, тем более если мы говорим о корпоративных компаниях, связанных с Правительством Москвы. Будет особый подход. Соглашайтесь. Я ведь правильно угадала причину вашего визита?

– Правильно, – чуть заметно улыбнулся Иван. – Я подумаю.

– Конечно, – тоже улыбнулась Пятницкая. – Всем нам порой нужно думать над предложениями и просьбами.

Иван снова чуть улыбнулся фразе Виктории.

– Вы давно замужем?

– Чуть больше года.

– Дети?

– Нет.

– Вы ещё вся в любви, – странно произнёс Иван.

– Надеюсь, так и будет.

Михайлов впервые широко улыбнулся, а после снова спросил:

– Ваш муж чем занимается?

– Он тоже работает в банке. В другом. Но совсем не связан с клиентской работой, так что рекомендовать не буду.

– И всё же в каком?

– ГорБанк.

– Ваши основные конкуренты, – усмехнулся Михайлов. – Не ссоритесь дома из-за этого?

– С умным мужчиной нет смысла ссориться, проще советовать.

– Интересная вы женщина, – с неуместным спокойствием произнёс Иван.

Вика не стала реагировать на эту фразу и напоявила:

– Вы о чём-то хотели попросить меня. Простите, мне скоро нужно будет идти на совещание. Мы же с вами не планировали встречу. Так что спрашивайте сейчас, если актуально и важно.

– У моего армейского товарища болен сын. У него острый лимфобластный лейкоз. Болезнь развилась очень быстро. Перевезти ребёнка за границу на лечение не успели. Вы можете помочь?

Вика отвечать не спешила, лишь вертела пустую чашку на блюдце.

– Он сможет отблагодарить вас, – добавил Михайлов. – Деньги не проблема.

– Я совсем не поэтому молчу. Я вам сказала ещё в самом начале разговора, что работаю я в банке, а исцеления – хобби. Я никогда раньше не исцеляла детей. Не приходилось, – задумчиво ответила Пятницкая.

– Вы отказываетесь? – холодно уточнил Михайлов.

– Нет, – тихо произнесла Вика, хотя у неё и были плохие предчувствия. – Пусть родители мальчика позвонят мне, и мы договоримся. Предупредите их сразу, что мне нужно будет согласие их сына на исцеление. Любое, хоть кивок головы. Если этого не случится, я буду бессильна.

– А согласия родителей недостаточно?

– Я не медицинский работник, я целительница. В моей работе действуют другие законы.

– А если бы мы говорили о младенце?

– Я бы разговаривала с его душой.

– То есть? А мы сейчас с вами как разговариваем? Без души?

– Мы сейчас разговариваем как личности. А есть ещё...

– Пятницкая запнулась, думая, как объяснить. – Есть ещё душа как высший разум. Мы не помним, зачем мы живём и каков наш путь на Земле, а душа помнит. Только мы из-за своих мыслей и различных убеждений не часто с ней в контакте.

– Не спасли бы вы меня тогда, подумал бы, что вы бредите.

– Не вы один такой, – хмыкнула Пятницкая. – Мне не при-
выкать.

– Простите, это было нетактично с моей стороны.

Вика учтиво кивнула, принимая извинения.

– Я передам другу ваш телефон. Его зовут Пётр Савелов.

– Хорошо, Иван. Мне уже пора возвращаться на работу.

Всего хорошего!

– И вам. Спасибо за эту встречу. Надеюсь выпить с вами
ещё кофе, когда мы откроем у вас счета.

– Вы знаете мой телефон. Если у меня будет получаться
по времени, то конечно.

Не успела Пятницкая вернуться на своё рабочее место,
чтобы взять блокнот и отправиться на встречу, как ей при-
шло сообщение от Краснова:

«Спасибо!»

«За что?» – не поняла Вика.

«После встречи с тобой Михайлов запросил документы
для открытия счетов. Как ты его убедила?»

Пятницкая тяжело вздохнула. Ей совсем не нравилось,
как стали переплетаться события из столь разных сфер её
жизни. Ведь если признаться честно, она не получила бы
свою работу, если бы не исцелила жену Николая. А теперь
она должна была исцелить ребёнка, потому что Михайлов
согласился на сотрудничество с банком, в котором она рабо-
тает. Или это была благодарность за его спасение?

«Он знает, что я целительница. Это благодарность», –

честно написала Виктория. А потом подумала: «Как же много людей знает, что я обладаю даром. Невероятно! И печально...»

* * *

– Здравствуйте, вы – Елизавета, мама Тимофея? – спросила Пятницкая, подходя к больничной палате номер триста двенадцать.

Женщина сидела возле двери на стуле и чуть качалась с закрытыми глазами.

– Да, – тихо подтвердила она, открывая глаза. В них читался немой вопрос: «Кто вы?»

– Ваш муж Пётр Савелов просил меня приехать. Я Виктория Пятницкая. Он предупреждал? Мы можем сейчас пообщаться с вашим сыном?

– А, – отрывисто сказала мать мальчика, наконец понимая, о чём речь. – Он в палате. Он не хочет, чтобы я сейчас была с ним. Ругается на меня. А вы идите, может, у вас получится.

Пятницкая была смущена таким поворотом событий: ей предстояло общаться с ребёнком, да ещё и без родителей. Но она зашла внутрь, не видя иного выхода.

Худенький мальчик лет пяти сидел на кровати, положив голову на колени и обхватив их руками. Он, как и его мать, качался. А ещё тихо повторял:

– Больно, больно, больно...

Сердце Пятницкой замерло. Она выдохнула, мысленно опуская все свои чувства в источник в центре земли, чтобы не мешали сейчас.

– Можно я сделаю так везде? – спросила Вика, подходя к мальчику. Она коснулась его головы и убрала из неё боль.

Тимофей поднял на неё глаза и одобрительно кивнул. Тогда Виктория опустила чистую энергию на всё тело мальчика, растворяя в ней боль.

– А исцелить тебя можно?

Тимофей отрицательно покачал головой.

– Почему? – смутилась Вика.

Мальчик тихо улыбнулся и снова покачал головой.

– Ты умеешь делать кораблик из бумаги? – вдруг спросил он.

– Да, – ответила Вика.

– А лягушку?

– Да.

– И журавля?

– Да.

– Сделаешь? – попросил Тимофей, показывая на стол, где лежали несколько игрушек и листы цветной бумаги. – Я умею делать только кораблики.

– Сделаю. А хочешь научу делать и остальные фигуры?

– Хочу! – загорелся мальчик.

Пятницкая была уверена, что, после того как они слепили

трёх журавлей и пять лягушек, мальчик расположился к ней, но, когда она вновь предложила исцеление, он лишь улыбнулся.

– Возьмёшь мой кораблик? Ты всё поймёшь, – как-то не по-детски сказал он.

Вика взяла подарок из рук ребёнка и в этот момент и правда всё поняла. Картинки из прошлого Тимофея промелькнули перед ней. Тело передёрнуло от увиденного.

– Спасибо за кораблик, – лишь выдавила она.

– Тебе, наверное, уже пора, – утвердительно сказал мальчик и потянулся за новым листом бумаги.

– Пора, – согласилась Пятницкая. – Позвать твою маму? – тихо спросила она уже у двери.

Мальчик одобрительно кивнул и занялся очередной лягушкой.

– Простите, но я здесь бессильна, – сказала Пятницкая, прикрывая дверь палаты.

– Неужели ничего?..

– Он сказал нет. Он готов уйти. Он достаточно намучился. И я ведь не только про болезнь. У него рука была сломана, ребро...

Женщина с ужасом посмотрела на Викторию.

– Это было один раз. Случайно. Он изменился, он всё осознал.

– Сейчас, когда сын умирает, да. Но то, что было... Простите, Тимофей сказал нет. Я предупреждала. Я бессильна в

этой ситуации.

«Что я буду делать без него?» – застыл в заплаканных глазах Елизаветы немой вопрос.

– Отпустите вашего сына. Я вижу странную вещь. Ваш сын вам не по судьбе. И муж. Вы сейчас должны были жить в Швейцарии. Работать переводчиком в ООН. Вы прекрасно знаете пять языков. Почему вы не уехали?

– Из-за мужа, тогда ещё будущего. Я думала, если я останусь, вернусь к нему, то смогу его изменить. Что вместе мы с этим справимся.

– Сколько он вас не бьёт? Столько, сколько сын болеет? Женщина перестала плакать и подняла печальные глаза на Викторию.

– Это было не часто. Не думайте, – начала оправдывать своего мужа Елизавета.

– Вы тоже намучились. Знаете, ваш сын всегда будет в вашем сердце лучиком света. Он будет вас оберегать оттуда.

– А там? Как ему будет там? – вновь потекли слёзы у матери Тимофея.

– Там ему будет хорошо и спокойно, – соврала Вика, она ведь не знала, как там, но искренне верила, что именно так. – Он разрешил мне лишь снять его боль, не болезнь. Простите.

– Спасибо, – сказала Елизавета, утирая слёзы. – Это уже очень много. Я пойду к сыну, пока он здесь.

Вика быстро пошла прочь по коридорам больницы. Она зажимала в руке бумажный кораблик, который подарил ей

Тимофей, и плакала. Она технически принимала выбор мальчика, но не понимала, как такое вообще могло случиться. Почему в мире столько жестокости и боли? Она не понимала и плакала от бессилия.

* * *

Пятницей нужно было возвращаться на работу, а она не могла заставить себя это сделать. Она добрела до «Старбакса» рядом с офисом и решила, что если будет что-то срочное, она вернётся на работу, а если нет, то нет.

Вика плакала и думала, что пора завязывать с исцелениями, это сложно и тяжело. Пусть у неё будет семейная жизнь, банк, а с целительством надо прекращать. Это слишком трудно и больно, особенно когда так. И чрезмерные нагрузки. Её уже не хватает на всё.

Зазвонил телефон. Вика с ужасом подумала, что это может быть по работе, однако, невзирая на чувства, спешно взяла трубку и тут же обрадовалась, что это всего лишь мама.

– Привет! Я знаю, что случилось в больнице. Приедешь к нам?

– Нет. Не сегодня. Извини, – тихо сказала Вика.

– Это не забота с моей стороны. Это необходимость. Не стоит тебе сейчас замыкаться только на себе, то есть в себе.

– Я хочу сама это пережить. Это была ещё одна причина, почему люди болеют?

– Да, – с невероятным спокойствием ответила Анастасия Георгиевна. – Иногда люди жертвуют собой, чтобы другой человек что-то понял. Понял то, что не смог понять иначе. Чаще всего это дети, увы. Они изначально приходят в наш мир с этим посылом.

– То есть их невозможно спасти?

– Тут нет правил, больше важны обстоятельства. Иногда всё так кардинально меняется, что можно и исцелить их, и увидеть, как они счастливо живут последующую жизнь. Только так не всегда.

– Чаще так, как сегодня?

– По-разному. Нет жёстких правил. Однако слишком большую работу над собой нужно проделать всем участникам сложившихся обстоятельств. Не всегда это возможно. Если этот мальчик останется жив, его мать, скорее всего, так и не уйдёт от мужа, не уедет в Швейцарию. А его отец может вновь сорваться. Будут искалечены три жизни.

– Какой тяжёлый прогноз, – грустно резюмировала Пятницкая.

– Может, всё-таки приедешь?

– Я повзрослела, мам. Я хочу сама. Очень хочу сама справиться с этим. Рядом с тобой я наполнюсь свежей энергией, а это как допинг.

– Не всегда это плохо, – парировала Анастасия Георгиевна, но не стала уговаривать, а спросила: – А Виктор? Он сейчас в Москве?

– Нет. В Питере. У него дела. Если я не смогу справиться, я позвоню тебе. Честно!

– Хорошо, – согласилась мать и отключилась.

А Вика вновь заплакала: знания, слишком чётко сформулированные за время разговора с мамой, были невыносимы.

Тихо подошёл Смолин и сел напротив.

– Кто-то умер? – без иронии спросил он.

– Скоро умрёт. Я не могу ничего сделать. Это мальчик.

Ему пять.

– Печально.

– Печально то, что сделал ты на совещании. А это ужасно.

– Согласен, – чётко произнёс Алексей, не отрывая взгляд от Вики.

– Ты что-то хотел, Лёш? – непонимающе спросила Пятницкая.

– Нет. Зашёл купить кофе.

– Купил?

– Нет.

– Так иди. Купи.

– Если только и на твою душу.

– Моя душа хочет покоя и одиночества.

– Нет. У тебя сегодня не тот день, чтобы быть одной. Позвоню Виктору, пусть тебя забирает.

– Не нужно.

– А-а-а... – протянул Алексей, догадываясь, почему она так ответила. – Его нет в Москве, верно? – спросил он, вгля-

дываясь в её лицо. – Верно, – резюмировал он, не дожидаясь ответа. – Значит, проведём сегодняшний вечер вместе.

– Я Маше позвоню.

– Врёшь и так неумело, – покачал головой Смолин. – Я тебе не враг, хоть ты и не считаешь меня другом. Поехали гулять. Тут недалеко есть большой Филёвский парк. Тебе пойдёт на пользу побродить в тени его аллей.

– Солнце почти село, какая тень? – горько усмехнулась Вика.

– Смотри, уже жизнь возвращается в тебя – шутишь. Пойдём. А то возьму тебя на руки и понесу к машине. Все будут на нас смотреть и поползут новые слухи о тебе.

– Удар ниже пояса.

– Чтобы к тебе вернулась улыбка, все средства хороши.

– Хорошо, – согласилась Вика. – Только дай я сделаю один звонок, выйду на улицу.

– Идёт. Я куплю кофе и тоже выйду.

Виктория вышла из кафе, отошла от входа к высокому парапету и позвонила маме.

– Мам, меня мучает один вопрос. Я теперь знаю о факте семейного насилия: одну женщину муж периодически бьёт, и ребёнку как-то досталось. Дело не в том, что он всё это видел, а именно физически досталось, когда он полез защищать мать. Что мне делать? Обратиться в полицию?

– Перед тем как причинить кому-то добро, подскажи мне, что на этот счёт думают сами участники процесса?

– Не знаю. Я не спрашивала у Елизаветы, – честно призналась Вика.

– А какие у тебя доказательства?

– Нет доказательств, кроме моих видений, – смутилась Пятницкая.

– Тогда сначала скажу о простом: лично у тебя нет никаких реальных доказательств. Травмы ребёнка могут быть списаны на падение с велосипеда или нечто подобное. Ты не врач, чтобы утверждать иное. Твои слова могут опровергнуть, а тебя обвинить в лжесвидетельстве.

– Но как же?

– А тут сложнее, и совет один: работать над принятием ситуации, как она есть. Поговори с той женщиной, если хочешь. Спроси, хочет ли она заявить о случившемся в госорганы. Но я боюсь, тебя ждёт неудача. Если бы она хотела заявить на мужа, то уже сделала бы это.

– Но должен же быть какой-то иной выход?

– Слишком благие намерения, милая. Посмотри на ситуацию со стороны: их сын умирает, сейчас никто никого не бьёт. И ты хочешь именно сейчас убедить кого-то официально разобраться в ситуации и наказать виновного? Они уже и так наказаны.

– Ну как же? – почти прошептала Вика.

– Когда мы делаем что-то неверное с телом, например, обжигаем руку, то оно даёт нам предупредительный сигнал через боль и импульс одёрнуть её. Здесь по аналогии. Если мы

идём не по судьбе, с нами происходят болезненные ситуации. И чем дальше мы отклоняемся от маршрута, тем наша душевная боль сильнее.

– Н-да. Я вроде и понимаю, о чём ты, но не могу это сейчас принять. Всё равно не могу. Тому мальчику всего пять. И всё ради того, чтобы его мать изменила свою жизнь? Это жестоко! – тяжело вздохнула Вика.

– Философы называют наш мир миром боли и печали, – тихо добавила Анастасия Георгиевна. – Мы здесь учимся и познаём различные аспекты мироздания.

– Я позвоню уже завтра, мам. Извини. Не могу пока всё это принять. Пока.

– До завтра, милая, – с нотками грусти ответила Анастасия Георгиевна, принимая выбор дочери.

– Твой капучино, – Алексей протянул Вике бумажный стакан.

– Может, виски? – задумчиво произнесла она, рассматривая алкогольный магазин напротив.

– В парке можно купить только пиво.

– Я сейчас решу этот вопрос, – покачала головой Пятницкая, вернула Смолину кофе и отправилась в магазин.

– Вика! – остановил её Алексей. – Что у тебя в любой стрессовой ситуации включается алгоритм клуба «Я сама»? Вместе идём. И заberi свой кофе. Пей и успокаивайся. Ты же без него жить не можешь. Виски?! Ладно, сегодня можно. И всё-таки ты много пьёшь.

- Можешь поехать домой и не мешать мне расслабляться.
- Ага, оставь тебя наедине с виски... Нет уж.

* * *

- Пойдём посмотрим на закат, – предложил Алексей, когда они зашли в парк. – Надеюсь, будут свободные лежаки.
- Лежаки? – не поняла Вика.
- Да, пойдём. Сама всё увидишь. Здесь есть пляж. Закат неполноценный. Река. В воду солнце не опускается, но всё равно красиво. А после красиво смотрится свет в окнах высотных домов.
- Ты знаешь этот парк?
- Знаю. Мосфильмовская не так далеко отсюда. А у меня маленький сын. Периодически приезжаем сюда гулять.
- Да, ты же теперь примерный семьянин, – без иронии констатировала Вика.
- Сам удивляюсь, – покачал головой он.
- И каково оно – быть отцом?
- Всё меняет. Я был не готов к этому.
- Говорят, к рождению детей нельзя быть готовым. Хотя мне сложно судить. Я пока и без того знаю, что не готова.
- Конечно, ты ещё сама ребёнок.
- Кажется, я снова начинаю жалеть, что ты сегодня мой компаньон.
- Хватит тебе. Сколько раз говорить, что я тебе не враг.

Я слишком хорошо к тебе отношусь.

Вике показалось, что Смолин сказал это с большей теплотой, чем того требовали обстоятельства, и даже с некоей грустью, поэтому она чуть подала корпус вперёд и заглянула Алексею прямо в лицо, чтобы прочитать его истинные чувства по мимике.

– Я хорошо к тебе отношусь, – улыбнулся в ответ Алексей. – Не ищи подтекст. Я помню, что ты замужем, а я женат. Просто старые друзья.

– Хорошо, – кивнула Вика, успокаиваясь. – А то мне померещилось.

– Да, померещилось, – поддакнул Алексей. – Нам вниз по лестнице под гору. Почти пришли.

Пятницкая и Смолин расположились на широком деревянном топчане, на котором могло уместиться четыре человека. Ложиться не стали, так как у них не было с собой пледа или подстилки, а сели, свесив ноги. На соседних лежаках люди тоже ждали закат. Почти все места были заняты.

– Хорошая у тебя возникла идея – купить маленькие бутылочки с виски. И стаканы не нужны, и ощущение – словно мы куда-то вот-вот поедem. Приятные ощущения. Давно не была в путешествии. Пару месяцев точно, – сама над собой засмеялась Вика.

– Скоро будет выездное совещание совместно с Виват-банком. Они устраивают. Краснов тебе сказал? Ты уже купила билеты на самолёт?

– Нет, ничего не говорил.

– Летим в Сочи на следующей неделе. Странно, что ты не знаешь.

– Даже не знаю, что тебе сказать, – смутилась Вика и откупорила первую бутылочку. – Может, Николай сам полетит, а я там не нужна.

– Быть такого не может. Ты ключевая фигура по проекту. Скорее всего, просто забыл. Спроси у него.

– Так уж и ключевая? – усмехнулась Пятницкая, подознательно напрашиваясь на комплимент.

– Конечно! Кроме тебя, меня никто не мучает подробными расспросами по задачам.

– Так пишите протоколы встреч с более чёткими заданиями и сроки исполнения не забывайте.

– Какая же ты нудная порой! И почему ты не со мной? То есть не в моей команде?

– Потому что ты в меня не верил.

– Права. Не верил. И ошибся. Давно признал это. И ты знаешь. Так что не нуди, – усмехнулся Алексей.

– Я могу пить молча. Смотреть на закат и слушать пение птиц. Здесь хорошо. Спасибо, что показал это место.

– Всегда рад. Расскажешь, что произошло?

– Я не смогла исцелить ребёнка – что ещё тут рассказать...

– Пятницкая залпом допила бутылочку.

– Да, лучше не рассказывай, если после каждого предложения ты так будешь пить, – попытался пошутить Смолин,

а потом серьёзно добавил: – Я верю, что крещёные дети отправляются сразу в рай. В этом случае небесный суд не нужен.

– Я не знаю, был ли он крещёный. И не знаю, во что верить. Я сама не видела рай и не общалась ни с кем, кто его видел.

Алексей смутился такому ответу.

– Я всего лишь умею исцелять, – добавила Вика. – Даже не смогу подтвердить, что существуют духи или приведения. Я не видела. Да, мне бы хотелось верить в хорошее, но я не могу. Мне нужны доказательства.

– Всегда считал, что ты веришь в Бога.

– Верю. Я чувствую его как энергию всего. Как бесконечный источник и истинную, безусловную любовь. Но там, где я была, нет больше ничего, кроме этой энергии. Там растворяешься как личность. Да, там очень хорошо, но в то же время ты становишься ничем, сливаешься с этим бесконечным однородным пространством. Понимаешь?

– Не совсем.

– Там не будет ни тебя, ни меня. И тогда мать больше никогда не встретит своего сына, если он всё же умрёт. Ужасно осознавать, что смерть – это вечная разлука, а не расставание. Мне бы хотелось знать, что мы встретимся там со своими близкими. Мне кажется, рай должен быть именно таким, а не экстатическим слиянием с бесформенной массой.

– Есть вещи, которые мы не можем постичь, потому что

мы просто люди и наше сознание ограничено законами трёхмерной реальности.

– Когда ты стал философом?

– Я стал отцом. Это многое меняет и добавляет ответственности. Вот ты знаешь, что Бог есть, а некоторые просто в это верят. Тебе уже повезло больше, чем мне, например. Я не был там в бесконечном источнике какой-то там любви.

– Хочешь отведу? – просто спросила Пятницкая и залпом опустошила ещё одну бутылочку.

– Куда ты меня можешь отвести после этого? – усмехнулся Алексей, указывая на пустую тару. – Как бы мне тебя нести не пришлось.

– Я трезва как стекло. Меня не берёт. Даже жалко продукт переводить. Так хочешь?

– Хочу. Когда?

– Сейчас. Чего время тянуть. Сядь удобнее, а я пристроюсь сзади и буду держать руки у твоей головы. Следуй за моим голосом. Я проведу.

– Хорошо, – согласился Смолин и сделал так, как она просила.

Виктория положила руки на голову Алексея – за ушами, ближе к затылку – и пропустила через него энергию безусловной любви, расслабляя его тело. А потом начала говорить:

– Сделай несколько глубоких вдохов и выходов в низ живота. Отпускай каждую проходящую в голову мысль. Она

вернётся, если будет важна для тебя, так что отпускаяй сейчас свои мысли. Отпускаяй. И представь, как над твоей макушкой образуется полый шар. Обрати внимание, какого он цвета и размера. Представь, как ты садишься в этот шар и поднимаешься в нём всё выше и выше, за пределы атмосферы Земли, просачиваясь между звёзд, оставляя позади Галактику, минуя вспышки света и пробираясь через некий золотистый слой. Ощути, как шар, в котором ты удобно расположился, преодолевает желеобразную субстанцию, переливающуюся всеми цветами радуги, и теперь посмотри наверх, где есть сгусток белого света, – мы поднимаемся туда, всё выше и выше. Бесконечное белое пространство растворяет стенки шара, в котором ты поднимался к источнику, и чистейшая энергия проникает в каждую клеточку твоего организма. Не сопротивляйся потоку и позволь себе раствориться в энергии безусловной любви. Я оставлю тебя здесь, возвращайся, когда сочтёшь нужным. У тебя достаточно времени, чтобы насладиться слиянием с источником.

В ожидании Смолина Вика неспешно выпила ещё две бутылочки виски и наконец начала чувствовать опьянение и сонливость. А ещё она снова ощутила чей-то взгляд в спину. И снова никого не увидела рядом или поодаль, кто мог бы посмотреть на неё.

– Зачем ты пьёшь, если у тебя есть такой способ расслабляться? – тихо спросил Алексей, вернувшись.

– Потому что я просто человек с трёхмерным мышлением.

Да и пить можно в компании. А там я одна.

– Ты – часть всего.

– Ага. Блаженная песчинка.

– Кажется, тебя всё же накрыло.

– Да, – согласилась Пятницкая и икнула. – Пора вызывать такси. Завтра рабочий день.

– Я довезу тебя.

– А смысл тебе собирать пробки, раз ты живёшь недалеко? Я в порядке. Алкоголь сделал своё дело. Мыслей нет.

– Я сам вызову тебе такси. Хоть прослежу по маршруту, что ты доехала. Ты ж вряд ли позвонишь и сообщишь, что дома.

– Прав. Не позвоню.

– Тогда сам.

– Хорошо! Вызывай. И пойдём уже. Хочу домой.

Глава 10

Сильный порыв ветра всколыхнул шторы. Пятницкая хотела закрыть окно, но оно и так было закрыто. Она посмотрела на входную дверь: может, это вернулся Виктор, поэтому сквозняк? Тоже нет. Вика снова повернулась к окну и вздрогнула от испуга.

На подоконнике сидел Тимофей – мальчик, который не разрешил себя исцелить.

– Привет! Я освободился. Решил навестить тебя. Узнать, как ты.

Сердце Пятницкой бешено колотилось. Она закрыла глаза руками, потом открыла. Мальчик продолжал сидеть на подоконнике и смотреть на неё.

– Можешь меня потрогать, – улыбнулся он, протягивая руку. – Я даже осязаем.

– Ты умер? – спросила Виктория, наконец понимая, что происходит.

– Да, пару часов назад. Пока мама плакала, был с ней, но ей дали снотворное, и она уснула. Пусть отдохнёт. Мама устала. А я к тебе переместился. Меня попросили стать твоим проводником и показать тебе наш мир.

– Наш, то есть этот мир? – не поняла Пятницкая. – Кто попросил?

– Ты их называешь Высшими силами. Потом сама пой-

мёшь, когда встретишься с ними. Я покажу тебе четвёртый план бытия.

– Четвёртый? – озадаченно переспросила Вика. – А мы на каком сейчас?

– На третьем.

– Ну хоть не на самом нижнем, – попыталась пошутить она.

– Третий план содержит в себе первый и второй, – улыбнулся Тимофей. – Это четвёртый ты уже не видишь.

– Ты ведь сейчас не совсем тот мальчик, с которым я говорила?

– Это как посмотреть. Я – он. Я всё помню. И я вне человеческой жизни, хоть и часть этого мироздания. Через сорок дней я окончательно перейду на четвёртый план бытия и буду пребывать там. Моя земная жизнь закончилась, а существование – нет. Я свободен. Я вне игры. Хотя смогу наблюдать, что происходит дальше на третьем плане.

– А переродиться ты сможешь?

– Я – нет. Но у моей души может быть иное воплощение.

– То есть как? Ты не есть душа?

– Я дух. Я носитель образа одного из воплощений души.

– То есть у души всё-таки может быть много воплощений?

А вот ты лишь одно из них?

– Да, всё верно.

– И все воплощения различных душ обитают на четвёртом плане бытия, как ты его назвал?

– Да. И не только духи. Я покажу тебе всё вскоре. А сейчас мне пора. Только не пугайся в следующий раз. Я снова приду с порывом ветра.

– Я постараюсь. Если бы ты хоть сообщение предупредительное прислал...

– Могу мысленно предупредить, – улыбнулся он. – Если спать не будешь, услышишь. Будет небольшой звон в ушах. Это нормально. И пройдёт. Что ж, до свидания, Вика.

– До свидания, – попрощалась Пятницкая.

И мальчик исчез.

Вика опустила в рядом стоящее кресло. Её глаза наполнились слезами. Тимофей умер спустя три дня после её визита. Мать потеряла единственного сына. И его отец тоже. Она ничего не смогла сделать. Таково было решение Тимофея. Только Вика пока не могла принять этот выбор. До этого ей никогда не приходилось работать с детьми. И терпеть подобное поражение.

Кто-то обнял её сзади. Вика вздрогнула и резко обернулась.

– Полегче, это всего лишь твой муж, – усмехнулся Виктор, резко отстраняясь, чтобы не удариться головами. – Разве может быть кто-то ещё?

– Как тебе сказать... может, – выдавила из себя Пятницкая, утирая несуществующий пот со лба и шумно выдыхая.

– Ты плачешь? – всматриваясь в лицо жены, спросил Поспелов.

– Да. Я не смогла исцелить ребёнка, и мне плохо.

– Почему ты мне не сказала, Вик? Почему не позвонила?

– Не хотела дёргать в командировке.

– Ты звонишь мне с вопросами, как сделать лучше процесс по работе, а тут ты не смогла исцелить ребёнка, плачешь, как я понимаю, не первый день. Серьёзный повод, чтобы позвонить.

– Я не знаю. Хотела справиться сама.

– И пошла справляться вместе со Смолиным? – вдруг спросил Виктор.

Вика пристально посмотрела в глаза мужу, удивляясь и смущаясь тому, что он знает такие подробности.

– Мне нечего сказать, кроме того, что мы просто гуляли по парку и разговаривали, – честно ответила она, не отрывая взгляд. – Ты ревнуешь? Не доверяешь мне? – спросила Виктория.

– Ревную, и мне неприятна эта ситуация.

– Мне было нелегко в тот день, когда я не справилась с исцелением. Мы с Алексеем встретились случайно в кафе, даже не на работе, и он настоял на прогулке в парке, видя моё состояние. Всё.

– Я знаю, что всё. Мой водитель живёт в том районе и видел вас. Я больше не хочу, чтобы это снова повторилось. И не хочу, чтобы ты близко общалась со Смолиным. Мне он не нравится. Считай, что это личное.

– Твой водитель только в этот раз видел что-то?

– Это было не первый раз?

– Такое впервые. Однако я не первый раз ощущаю, что кто-то за мной следит. Вернее, в последнее время я почти постоянно это ощущаю.

– У меня нет привычки следить за кем-либо, тем более я не стану устраивать слежку за тобой. Если у меня возникнут сомнения, я спрошу. Я понимаю, что ты работаешь с Алексеем в одном банке, что у вас бывают встречи и, возможно, даже деловые обеды. Но смотреть закат вместе в парке – это перебор. Ты всегда мне рассказывала, с кем встречаешься. А тут утаила. Это вызывает во мне неприятные чувства.

– Я поняла, – тихо сказала Вика. – Прости, милый. Ты прав. Я не стала говорить, чтобы тебя не расстраивать, чтобы ты ничего лишнего не подумал. Получилось хуже.

– Да, хуже. Я доверяю тебе и хочу, чтобы мы были честны друг с другом. И чтобы, когда тебе плохо, я был первым, кто узнаёт об этом.

– Согласна, – тяжело выдохнула Пятницкая, в полной мере осознавая свою ошибку. – Я сейчас видела того мальчика. Прямо у нас дома.

Виктор бросил на жену непонимающий взгляд.

– Я видела его дух. Он умер пару часов назад.

Из глаз Виктории заструились слёзы.

– Милая, – нежно сказал Виктор, подходя к жене и обнимая её.

– Я в замешательстве, – прошептала Виктория. – С од-

ной стороны, он умер, с другой стороны, я понимаю, что нет. Что его дух, кажется, вечен. Я в замешательстве, – повторила она. – Меня разрывают противоречивые чувства. Чем больше я узнаю этот мир, тем больше не понимаю. И осознаю, насколько я мала и незначительна в нём. Раньше мне казалось, что я важна и делаю работу для мира. А теперь? Что в этом мире зависит от меня? На что я могу повлиять, чтобы мир был добрее и лучше? Тимофея, например, в порыве гнева как-то избил его отец. Его мать он тоже бил. А я должна просто принять это как данность, так как у меня нет доказательств, кроме видений. Тогда зачем мне все эти видения? Зачем мне мой дар?

– Милая, ты однозначно делаешь этот мир лучше, – погладил её по волосам Виктор. – И ты сама мне рассказывала про свободу воли человека. Ты делаешь всё, что зависит от тебя, и это главное. Ты спасла меня от тюрьмы, Ваню моего исцелила, подарила жизнь Смолину, вылечила его мать. Ты минимум раз в неделю спасаешь кого-то. Откуда у тебя сомнения, что ты не важна в этом мире? И то, что ты не всемогуща, тоже нормально. Позволь себе учиться, познавать. Не требуй от себя идеала.

– Ты опять про мою неидеальность. Тяжело, милый. Я мозгами, может, и понимаю, о чём ты, а сердце рвётся на части. Я не справилась. Ему было только пять лет.

– Может, кто-то ещё винит тебя в смерти этого мальчика? – осторожно спросил Виктор.

– Нет, я больше ни с кем не общалась. Всё быстро произошло.

Поспелов печально посмотрел на жену, чуть качая головой – ему совсем не нравилось то, что говорила Вика.

– Ты устала. Очень устала. Пора делать выбор: работа в банке или исцеления. Тебе больше нельзя это совмещать. Ты скоро выгоришь окончательно. Тебя прямо сейчас нужно отправлять в отпуск на неделю без телефона и планшета, а ты точно откажешься и побежишь завтра присоединять Виват-банк и согласовывать инструкции. Ты не отдыхаешь. Это плохо закончится.

– Милый, я не могу выбрать. Я люблю свою работу и исцеляю сколько себя помню, – запротестовала Пятницкая, забывая, что ещё три дня назад сама думала прекратить целительство.

– Я это уже слышал. И всё же снова повторяюсь: пора выбирать.

– Давай не сегодня, пожалуйста.

– Я даю тебе три месяца. Надеюсь, ты продержишься. Хотя, кажется, я совершаю большую ошибку. И выбирать нужно прямо сейчас. Позвони Николаю, попроси пару дней за свой счёт.

– Завтра важное совещание по присоединению. Я должна там быть.

– Всегда будет что-то важное. Ты не видишь себя со стороны, а я вижу. И очень чётко вижу, что ты на грани. И я

очень хочу, чтобы моя жена не сошла с ума. Бери телефон и звони.

– Милый... – начала отпираться Вика.

– Звони! – Виктор был непреклонен.

Пятницкая как загипнотизированная недобрым взглядом мужа взяла в руки телефон.

– Я отпрошусь на завтра и послезавтра. Но завтра уйду после совещания. Оно закончится в двенадцать.

– Ладно. Звони.

– А что сказать? Почему я отпрашиваюсь?

– Говори правду. Так всегда проще. Краснов же знает о твоём даре. Он адекватный руководитель и поймёт, что полтора дня ничего не решат по работе, а для твоего душевного равновесия будут спасением. Звони.

– Всё. Звоню. Уже идёт набор номера. А ты поедешь со мной?

– Да. Пойду посмотрю, куда можно завтра улететь. Хорошо, что у нас есть шенген.

* * *

Виктория сидела на третьем этаже в распахнутом окне номера отеля возле знаменитой Арены-ди-Вероны и пила шампанское. Из телефона доносилась негромкая музыка – что-то из современной итальянской эстрады. Виктор был в душе. Вот так нежданно-негаданно жизнь преподнесла ей сюр-

приз, и несложившаяся когда-то поездка в Верону всё же осуществилась, только с любимым мужем, а не со Смолиным.

«Здравствуйте, Виктория! Я хотела бы встретиться с вами вновь. Когда это возможно?» – на телефон пришло сообщение от Анны.

«Какая удивительная женщина, всегда попадает не вовремя. И при всей странности нашего общения, всё равно не заканчивает его. Для чего мне всё это?» – подумала Вика, однако почти сразу ответила, посмотрев своё расписание:

«Здравствуйте! Я смогу на том же месте в понедельник в 18:30».

«Буду там! Спасибо!»

Виктор вышел из ванной. Его волосы были влажными. На груди поблёскивали капельки воды. Ниже талии он был обернут в белоснежное полотенце. Пятницкая ощутила, как в ней зарождается желание, но тут Виктор сказал:

– Не планируй ничего на следующие выходные и вечер пятницы. Приедут мои родители.

Вика засмеялась:

– Милый, как можно было испортить такой романтичный момент?

– Отнюдь. Момент подобран очень вовремя, чтобы эта новость прошла с минимальным негативным эффектом.

– Не делай из меня монстра. Я хорошо отношусь к твоим родителям. Просто твоя мама опять замучает меня вопроса-

ми, когда же появится очередной маленький Пospelов.

– Они любят детей.

– Ага, тогда почему ты у них единственный сын?

– Здоровье не позволило маме родить ещё.

– Ой, извини. Ты никогда не говорил об этом.

– Ты не спрашивала.

– Странно о таком спрашивать... Знаешь, мне пришла идея. Давай поедem в какой-нибудь загородный отель, где можно снять коттедж. Пригласим моих родителей и твою бывшую жену Ольгу с Ваней. Может, ещё Машу с мужем и твоего друга Петрова с девушкой? Пусть будет много народа. Убьём всех зайцев сразу. Все же переживают, что мы как затворники себя ведём и только работаем.

Пospelов на мгновение задумался, а потом проникся:

– Идея кажется поначалу странной, но она хорошая. Будет добрая компания, и всем будет, чем заняться. Я скажу Тамаре, она поищет такой отель, и Петрова сейчас предупрежу: пусть наконец покажет нам свою избранницу! А ты всем своим позвони. Уедem в пятницу вечером до вечера воскресенья. А по поводу текущего отдыха... Сегодня можем с тобой обсудить твою и мою работу, а с завтрашнего дня и до приезда в Москву – табу на эту тему. Мне тоже нужно отдохнуть.

– Раз ты так говоришь, значит, что-то произошло серьёзное.

– Да, серьёзное. К нам приходит новый зампред. Моё направление передают в его ведение. Я не знаю пока, приходит

он с командой или нет. Если с командой, то могу не усидеть на своём месте.

– Неприятные новости, милый.

– Согласен.

– Тебе нравится в ГорБанке, – констатировала факт Виктория.

– Мне там комфортно и нескучно. Я начал думать над альтернативными вариантами. Есть несколько крупных банков, где может быть интересна моя кандидатура. И всё же мне бы не хотелось уходить.

– Мне жаль, милый.

– Сейчас мне тоже. Но однажды это могло случиться. Изменения неизбежны, как ты знаешь.

– Есть вещи, которые не хочется менять.

– Увы, даже наши с тобой отношения меняются. И хорошо, что к лучшему.

Виктор наконец надел джинсы и футболку, налил себе шампанское и присел на подоконник напротив Виктории.

– Ты уже знаешь, кто приходит?

– Знаю. Александр Аверин.

– Странно. Слово я слышала о нём. Не помню откуда. По работе точно не сталкивались. Может, в газетах о нём читала. Кто он?

– Он был депутатом в Госдуме, работал в комиссии по рассмотрению расходов федерального бюджета. Был зампредом в Банк-миге и Доход-банке. У него большой послужной спи-

сок. Вот он! – Пospelов открыл поисковик и нашёл фотографию Аверина для жены.

– Удивительно. Лично я с ним точно не сталкивалась, но почему-то он мне кажется знакомым. Показалось, наверно...

– У меня нет с ним точек пересечений. Я уже навёл справки по знакомым.

– Ты хороший руководитель, не думаю, что останешься без работы.

– Без работы – нет, вопрос в качестве работы и финансовой составляющей.

– Мои проблемы на работе в сравнении с твоими незначительны.

– Ты не права, милая. Нас нельзя сравнивать. Ты в начале пути, а я в середине. Что тебя сейчас беспокоит?

– Всё беспокоит, – усмехнулась Пятницкая, прикрывая глаза руками. – Каждый день думаю над процессами. Как оптимизировать. Как улучшить. Не хочу раздувать излишне штат, хотя регулярно получаем новые задачи. Я не всегда успеваю сама во всём быстро разобраться. Вчера анализировала собственную загрузку. Выписала текущие задачи. Мне не хватило двух листов в ежедневнике. Даже если разбить дела на срочные, не очень срочные и обычные, то всё равно мне физически не хватит времени, чтобы сделать всё срочное за один день. И это без учёта встреч и совещаний. Не понимаю, как корректно выстроить работу и не быть узким горлышком, из-за которого стопорятся дела. Завидую твоей

многозадачности. И многозадачности Краснова. То есть вашим умениям делать много дел сразу и быстро переключаться с темы на тему.

– Мы не умеем. И это не нужно. Многозадачность – миф. Ты видишь верхушку айсберга: как я или Краснов разбираемся в уже проработанных вопросах на автомате. Если же вопрос новый, то его нужно отдельно изучать, уделяя время только ему. Иначе эффективность падает. Это даже подтверждено официально. Я читал у Мортена Хансена, одного американского профессора, исследования на эту тему, и он пишет, что переключение между задачами может снизить продуктивность на 40 %. Так что забудь про многозадачность. Сейчас ты учишься быть руководителем, а я и Краснов руководим подразделениями не один год. Не ругай себя за отсутствие опыта. Это неконструктивно и бессмысленно. Ставь перед собой пару задач и изучай их, работай над ними. Только после переходи к новым. Ты всё правильно делала изначально, разбиралась в функционале службы и выполняла срочные поручения, которые не могла передать кому-то ещё. Потом ты знакомилась со своими сотрудниками, с их непосредственным функционалом, характерами и предрасположенностями и перестроила работу службы. А теперь прекрасное время подумать не о собственной многозадачности, а о вопросах делегирования.

– Может, пару задач я и смогу передать, но в целом...

– Тебе кажется, что ты знаешь всё лучше других, что де-

лаешь быстрее и всё такое прочее?

– Да, кажется.

– Есть несколько неоспоримых фактов, которые нужно принять безоговорочно. Принять – и всё. Первое: на всё тебя не хватит. Второе: ошибки у подчинённых будут, без них невозможно обучение чему-то новому.

– Я не могу себе позволить ошибки.

– В этом твоя проблема. Ты не можешь, но они будут. Представь, что Ваня умеет говорить и вдруг заявляет нам: я не могу есть сам, рука плохо держит ложку, всё вываливается, давайте вы всю жизнь будете меня кормить, у вас это прекрасно получается.

– Милый, ну что у тебя за сравнения?!

– Прекрасный простой и показательный пример. С сотрудниками так же. Неважно, чему ты обучаешься: самостоятельно есть, водить машину, писать письма, рисовать презентации или руководить людьми – ошибки будут. Это нормально. Ненормально не делать работу над ошибками или не делать чего-то нового вообще, боясь этих ошибок. Даже Моцарт при всей своей гениальности обучался музыке. Достаточный аргумент?

– Весомый, – усмехнулась Вика, пока ещё не выйдя из задумчивого состояния.

– Посмотри, каких высот ты добилась за последний год. Это достойно, а ты всё ищешь в себе недостатки. Хотя это прекрасное качество. Только измени вектор. Не ищи недо-

статки. Ищи пути развития. Совсем иная история. Помнишь свои задачи? Можем разобрать, что лучше делегировать, а что продолжать делать самой.

– Не помню все, но они записаны в телефоне. И да, хочу, милый, посмотреть их с тобой.

– Давай бокал, под шампанское пойдёт быстрее, – улыбнулся Пospelов, откупоривая новую бутылку.

* * *

Пятницкая зашла в бутик, заинтересовавшись лиловым кошельком «Фурла» в витрине. Виктор остался на улице доедать мороженое в рожке.

Это был именно такой кошелёк, какой Вика давно хотела, и она уже собиралась сообщить продавцу, что готова купить его, но тут почувствовала взгляд в спину и обернулась.

Михайлов неспешно подошёл к ней, не отрывая взгляда.

– Устроили себе шопинг? – не здороваясь, спросил он с неким укором. – Тимофей позавчера умер.

Виктория натянулась как струна от напряжения, но после пары глубоких вдохов с видимым спокойствием сказала:

– Я знаю.

Вдруг она ощутила лёгкий порыв ветра – и кто-то взял её за руку. Она посмотрела в ту сторону. Это был Тимофей. Он сжал своей ладонью её ладонь, словно говоря: я с тобой, не волнуйся.

– Как же так, Виктория? Тем более, если вы знаете. Странно встретить вас здесь.

– Вы тоже не на похоронах.

– Я не творю чудеса, как вы. Я уже помог той семье, как мог.

Тимофей снова сжал руку Вики, и та посмотрела на него.

– Скажи ему, пусть передаст папе, что я не обижаюсь на него за то, что было, и верю, что он сможет победить свою слабость.

Пятницкая молчала.

– Скажи, это важно.

Виктория на мгновение прикрыла глаза, выдохнула и передала слова мальчика слово в слово.

– Виктория, вы бредите, – лишь бросил в ответ Иван. – Не спасли ребёнка, так ещё несёте какую-то чушь. Я вам поверил!

– Не смейте так разговаривать с моей женой, – одёрнул Михайлова подошедший Виктор. – Вы не знаете ничего о её жизни.

– Отчего же?! – с пафосом выпалил Иван. – Уже навёл справки. Девочка, которой вдруг повезло попасть под ваше крылышко и перейти в крупный банк. А потом Краснов. Не ревнуете свою жену? Очень неоднозначная о ней информация в массах.

– Не вам судить, прощайте. Вика, пойдём.

Поспелов, как будто чувствуя присутствие мальчика, взял

Пятницкую за свободную руку и потянул к выходу. Но Тимофей задержал её:

– Не бойся, всё образуется. Только передай Ивану ещё одну весть. Они говорят, что это важно.

И Вика снова повторила слова Тимофея:

– Кирюше нельзя садиться во вторник в белую машину. Будет авария. Если он попадёт в неё, то не выживет.

Михайлов ничего не ответил, но нахмурился ещё больше. Виктор же настойчиво потянул жену к выходу.

– Пойдём посидим где-нибудь, выпьем вина, – сказал он, когда они вышли из магазина.

– Угу, – отозвалась Виктория. – Только Тимофей здесь. Держит меня за другую руку.

– Ну, пусть идёт с нами, – как бы между делом предложил Пospelов и снова потянул жену за руку. – Или ты хочешь продолжить разговор с Михайловым?

Пятницкая помотала головой и последовала за мужем.

– Я ненадолго, – сказал Тимофей, присаживаясь вместе с Виктором и Викторией за небольшой столик в уличном кафе в тихом переулке.

– Может, сядешь рядом с Виктором? – предложила ему Вика. – Так людям будет казаться, что я разговариваю с мужем, а не с пустым стулом.

– Говори со мной мысленно. Я услышу тебя, а ты – меня. Только думай в этот момент, что ты говоришь именно для меня.

«Хорошо», – подумала Пятницкая, обращая мысль к мальчику. В её голове немного звенело.

«Видишь, это просто», – тоже подумал он.

– Я сейчас поговорю с Тимофеем и вернусь к тебе, милый, – пояснила Вика и словно ушла в свои мысли, уставившись на соседний стул.

– Ни в чём себе не отказывай, – запросто бросил Виктор, махнув на всё рукой.

И на этот жест тут же откликнулся официант.

– Два бокала вальполичеллы, – не растерялся Виктор. – Да, это вполне подойдёт, – сверился он с меню.

– Я приду сегодня ночью, – сообщил Пятницкой Тимофей. – Не пугайся.

– Сегодня? – смутилась Вика.

– Да, хочу показать тебе четвёртый план бытия. Не переживай. На земле пройдёт всего пара мгновений. Никто и не заметит твоего отсутствия.

– Я почти в отпуске. Может, дождёмся моего возвращения в Москву?

– Там у тебя и без того много дел, – улыбнулся Тимофей.

– Кажется, у меня нет выбора.

– Нет, – снова улыбнулся мальчик. – Они сказали, что пора.

– Они? – не поняла Виктория.

– Они, – повторил он. – Ты сама их увидишь, когда будешь готова. Пока рано, раз это недоступно тебе.

Вдруг Тимофей посерьёзней и сказал:

– Я благодарен тебе за то, что ты приняла мой выбор уйти.

Мне хорошо сейчас. Помни об этом, особенно если кто-то станет убеждать тебя в обратном.

– Ладно, – кивнула Вика, и мальчик исчез.

Пятницкая вернулась в реальность и придвинула к себе бокал с красным вином.

– Как всё синхронно у тебя происходит, – загадочно улыбнулся муж.

– О чём ты?

– О твоём повышении, – вновь с улыбкой ответил Поспелов.

– То есть?

– Ты стала руководителем в реальном мире, постигаешь новые для себя знания и, кажется, получила повышение в своей мистической реальности, или как это ещё можно назвать. Теперь ты способна общаться с духами. Что же будет дальше?

– Тебя это не смущает? – удивилась Пятницкая.

– Я изначально знал, что ты ведьма, – усмехнулся он и почти залпом осушил бокал вина.

– Я не ведьма, – запротестовала Вика.

– Волшебница моя, – поправил себя Виктор.

– Уже лучше, – улыбнулась Пятницкая. А потом серьёзно добавила: – Мне кажется, с каждым днём я люблю тебя всё больше.

– Мне приятно это слышать, – учтиво кивнул головой Поспелов.

– Нет, не так! – по-доброму возмутилась она. – По законам жанра теперь ты тоже должен признаться мне в любви.

– Не понимаю, о чём ты. Что за законы?

– Что?!

– Мы справимся, – вдруг серьёзно сказал Виктор. – Даже если Михайлов как-то подставит тебя по работе.

– Ты думаешь? – ужаснулась она.

– Да, – кивнул Виктор. – Предчувствую, что такое возможно.

– Ох, на фоне изменений у тебя...

– Поэтому и говорю, что мы справимся. Если что, на год безбедной жизни нам точно хватит, поэтому не переживай, если я окажусь прав. Я оформил тебе доступ к моим счетам и вкладам в ГорБанке.

– Зачем? – искренне удивилась Пятницкая.

– На всякий случай.

– Что может произойти?

– Просто оформил. Считаю это высшей степенью моего доверия.

– Я и не сомневалась в твоём доверии.

– И в остальном тогда не сомневайся.

– Хорошо, милый.

– Если бы, ведь всё равно будешь переживать из-за своей работы, – несколько грустно добавил Виктор.

– Буду, – улыбнулась Вика.

– Знаю, – снова улыбнулся он и наконец-таки признался: – Я тоже тебя люблю. А ещё я думаю, что зря дал тебе столько времени на раздумья. Чем раньше ты определишься, кто ты – целительница или банковская служащая, тем будет проще. В первую очередь проще тебе. Впрочем, я обещал тебя не торопить – три месяца и ни днём больше. Так что умолкаю.

– Да. Лучше расскажи мне о своей любви ко мне.

– А что тут говорить? Люблю и всё, – улыбнулся он и позвал официанта, чтобы заказать ещё вина.

* * *

Вика осознала себя сидящей на кровати. Рядом был Тимофей.

– Я сплю? – не понимая, спросила она.

– А какая разница? – улыбнулся мальчик. И серьёзно добавил: – Нам пора. Помнишь путь к источнику божественной энергии?

– Да, – ответила Вика.

– Тогда полетели вместе. Придумай нам с тобой шар, в котором мы полетим. Только не спеши, мы отклонимся от маршрута, когда будет нужно.

– Хорошо! – согласилась Пятницкая.

В этот раз шар, который она представила, был бледно-жёлтым. Виктория и Тимофей удобно расположились внутри.

Они поднимались всё выше и выше: над славным городом Верона, над Италией и планетой Земля. Когда они вылетели за пределы атмосферы, Тимофей попросил чуть задержаться.

– Правда красиво? – спросил он, смотря на Землю. – Это то, что мы, духи, видим, когда покидаем тело и переносимся домой. Чувствуешь, какое тут единство со всем сущим, как здесь спокойно и легко?

Виктория впервые любовалась Землёй из космоса. Ей было спокойно. Ей было легко. Это зрелище было невероятно красивым. Оно и правда ошеломляло. А вот единства со всем сущим она не чувствовала.

– Значит, ещё не время, – успокоил её мальчик, взяв на мгновение за руку и потянув за собой.

Они вновь полетели – всё дальше и дальше за пределы галактики, туда, где уже не было звёзд.

Вспыхнул свет и погас. Тимофей попросил Пятницкую максимально замедлиться и направить шар в центр очередной вспышки.

Мгновение спустя Вика осознала себя сидящей на небольшом кресле в помещении, залитом солнечным светом. Она встряхнула головой и поняла, что находится в каком-то маленьком, почти сказочном, домике. Повинуясь импульсу, она выглянула в окно. Этот уютный домик находился на дереве.

– Я ушёл ребёнком, и во мне сохранилось много детства.

Своими словами Тимофей вернул Викторрию из собственных мыслей.

– Мне хотелось жить в доме на дереве. Это мой четвёртый план бытия, – объяснил он.

– Здорово! – похвалила Пятницкая. – Ты здесь один?

– Нет, – улыбнулся Тимофей. – Я уже видел бабушку и деда со стороны мамы. Родители отца ещё живы. Видел прабабушек и прадедушек. Ещё не знакомился с нашим родом, не спешу с впечатлениями, хотя это возможно.

– Возможно пообщаться с теми из рода, кто уже ушёл?

– Ага, со всеми, – подтвердил Тимофей.

– Прямо совсем со всеми?!

– Да. Что тебя удивляет? Здесь все живут. Живут так, как им нравится. Одиноко или объединяясь, придумывая собственные города или уединённые лесные поселения. Здесь возможно всё. Нет времени, расстояний и ограничений в пространстве. Здесь уважают волю того или иного существа. Если бы я не пожелал общаться с родственниками, они бы не настаивали, спокойно ожидая моего согласия. Некуда спешить.

– Как тебе живётся здесь?

– Так! – улыбнулся Тимофей.

Викторрия вдруг увидела перед собой интересного старца, а потом улыбочивого юношу и снова мальчика.

– Я могу быть любим, – растолковал он. – Но пока мне привычнее быть мальчиком. Я свободен. И мне хорошо. Я

знаю, что мои родители тоже однажды будут здесь и мы встретимся. И сможем быть вместе столько, сколько нам будет нужно. Третий план дуален. Ты чувствуешь там, что существует хорошее и плохое, правда и неправда. Здесь мы освобождены от этого. Нет излишних биений.

– То есть толком нет эмоций? – переспросила Виктория.

– Неверное сравнение, потому что ты пока ещё на третьем плане и оттуда сложно до конца постичь суть четвёртого плана бытия. Это как быть здоровым и больным. На третьем плане люди болеют эмоциями, то впадая в горячку, то входя в ремиссию. А мы, духи, не болеем ими.

– А зачем всё это? Зачем мы живём на третьем плане, если есть такой прекрасный четвёртый план бытия? – не поняла Вика.

– Это интересно.

– Боль и страдания интересны?

– Зачем двадцать два здоровяка, обливаясь потом, бегают за единственным мячом, а миллионы людей на это смотрят? Ты мыслишь дуально: плохо или хорошо. А если убрать дуальность, то смысл в том, чтобы ощутить и познать всю палитру эмоций.

– Но ты же ещё не познал всё? Ты рано ушёл.

– Я – нет, не познал, а душа, частью которой я являюсь, до сих пор постигает. Я уже сделал свой вклад в общее дело. Кстати, я могу наблюдать за тем, что происходит на Земле. Я знаю, что было, общаясь с духами, которые были воплощены

до меня, и я знаю в некотором роде будущее, так как душа знает изначальный замысел нашего бытия.

– Как было с сыном Ивана? Ты можешь подсказывать?

– Нет, про сына Ивана я ничего не знал. Они попросили меня сказать тебе. Я тебе говорил, помнишь? И они попросили показать тебе четвёртый план бытия, чтобы ты увидела, что происходит после смерти. Ты потом, когда сама их увидишь, всё поймёшь. Я же знаю, какой вариант событий наиболее вероятен из той точки, где ты сейчас во времени и по событиям на Земле, и чего лучше избежать, если оно не по прямой судьбе. Однако то, что ты понимаешь под будущим, и то, что понимаю я, – это не совсем единые понятия. Поэтому и говорю о некоем наиболее возможном варианте. Я больше знаю, какие ощущения и эмоции тебе придётся испытать, а декорации, в которых ты их будешь постигать, могут быть различны, допустимы развилки по событиям.

– Как это?

– Ты можешь постигать боль утраты через то, что произошло со мной, а можешь через потерю близкого человека. Разные пути достижения одной цели.

– Я не совсем понимаю. Наверное, ты сейчас скажешь про различия между третьим и четвёртым планами бытия.

– Ты сама уже это сказала, – улыбнулся мальчик.

– И всё же. Ты сделал своё дело, получил некий опыт. И твои родители тоже сейчас получают опыт утраты близкого. Так зачем мне или кому-то ещё это делать?

– Мы получаем разные оттенки эмоции, чтобы в итоге собрать полный спектр. Люди и очень похожи, и очень различны одновременно. Каждый из нас может осознать то, что не поняли другие, и передать свои знания потомкам.

– Как? Вот ты же уже умер. У тебя не было детей.

– Я – часть рода и часть души. Мои знания теперь хранятся в генах рода и активируются, когда придёт время.

– Получается, каждый важен.

– Безусловно.

– Хотелось бы мне в это верить, а не просто понимать на словах.

– Однажды...

– Надеюсь, – грустно улыбнулась Вика и очнулась в своей кровати, словно всё было сном.

Она встала и подошла к окну. В бокале ещё были остатки шампанского. Она допила.

– Возвращайся, милая, – усмехнулся Виктор. – Завтра купим новую бутылку. Без пузырьков совсем не то.

– Не то, – согласилась Вика. – Я ещё посижу. Хочу посмотреть на луну.

– Одна?

– Лучше да.

– Вот и хорошо, а то я хочу спать.

– Спи, любимый.

Глава 11

Краснов позвонил Пятницкой в понедельник чуть позже шести, когда она собиралась выходить на встречу к Анне.

– Привет! Можешь позвонить Михайлову? Не получается с ним связаться. Ждали сегодня от него человека с документами на открытие счетов. Никто не приехал.

– Привет! Боюсь, что не могу ему позвонить, – ответила Вика, деревеня.

– Мне стоит начать переживать? – как-то странно спросил Николай.

– Возможно, – честно ответила Пятницкая.

Краснов выругался матом, а потом в трубке послышались короткие гудки.

– Чёрт, – тяжело выдохнула Вика. – И что дальше? – спросила она сама себя.

«Исправь это», – прилетело следом сообщение от Краснова.

«Ага, – грустно заметила Вика. – Как? Воскресить мальчика?»

Она не смогла сдержать эмоции, и слёзы покатались из глаз.

«И ещё эта Анна Пономарёва...» – горько подумала Вика и зарыдала.

Минут через пять ей удалось осознать, что слёзы уже не

ляются, да и тело обретает прежнюю чувствительность.

«Пономарёва!» – напомнила самой себе Пятницкая, стёрла со щёк растёкшуюся тушь, поправила лёгкий макияж и пошла на встречу. Как пел Фредди Меркьюри: «Show must go on».

* * *

Вика шла и думала о предстоящей встрече. Вот уже дважды она виделась с Анной, и результат этих бесед был печален для обеих. Значит, нужно сменить тактику.

«Что я делала раньше? – размышляла Пятницкая. – Сыпала фактами и жёстко устанавливала границы дозволенного общения. А что если в этот раз сделать всё иначе и говорить с Анной так, чтобы услышать её, понять её реальную боль, как говорила мама, истинную причину болезни? Что если позволить ей больше говорить и вести её через простые вопросы к скрытым для неё ответам? Я ведь никогда раньше не слушала людей, не вникала в их проблемы. Я только исцеляла, стараясь как можно быстрее абстрагироваться от свершившегося».

Пономарёва снова сидела за тем же столиком и, вероятно, даже на том же стуле. Как минимум с той же стороны стола.

– Добрый вечер, – поздоровалась Анна, когда Вика присела за стол.

– Добрый, – отозвалась Пятницкая. – Я думала о вас и

нашей встрече.

По лицу Анны было видно, что эта новость одновременно и смутила, и порадовала её.

– Перед тем как начать наш разговор, давайте пересядем за тот дальний столик в углу с огромными креслами. И я тоже возьму себе кофе. Там нам будет удобнее, и разговор получится более кулуарным.

Анна согласилась.

Пятницкая положила ладони на чашку с горячим кофе, грея их. Это придало ей сил, она как будто ощутила чью-то тёплую поддержку.

– Давайте сегодня пофантазируем, – вдруг сказала Вика. – Представьте, что вы больше никогда не встретитесь с Анатолием, что всё закончилось навсегда.

– Зачем? – в свойственной ей манере запротестовала Пономарёва. – Я даже думать об этом не хочу!

– Не зачем, а для чего. Для того, чтобы и у вас, и у меня отключилась логика и мы смогли наконец продвинуться дальше пустых разговоров.

Анна задумалась над сказанным. А Пятницкая продолжила, воспользовавшись её замешательством.

– Пожалейте своё время и силы. Вы же сюда пришли, так давайте проведём этот эксперимент. Доверьтесь мне хотя бы в этой малости. Идёт?

– Хорошо, – нехотя согласилась Пономарёва.

– Тогда откиньтесь на кресло, закройте глаза и представь-

те, что вы больше никогда не встретите Анатолия. Что вы чувствуете?

Пономарёва честно закрыла глаза, потом резко открыла их вновь.

– Я не хочу это представлять, – запротестовала она.

– Почему? – спокойно спросила Виктория.

– Мне страшно. Я не готова с этим согласиться.

– С чем именно? Не готовы согласиться, что вам может быть страшно?

– Не готова согласиться с тем, что мы больше не вместе.

– Прекрасно! – порадовалась ходу беседы Пятницкая.

– Что ж тут прекрасного?! – возмутилась Анна. – Это же ужас! Мне от этих мыслей плохо, а вам вдруг хорошо.

Пятницкая отметила себе, что нужно будет придумать, как заменить в этих случаях слова «прекрасно» или «хорошо», чтобы не было неверных толкований и подобное не шокировало собеседника, а потом продолжила:

– Сколько вы не встречаетесь с Анатолием?

– Почти полтора года.

– И вы не готовы согласиться с тем, что вы больше не вместе? Верно?

– Почему?

– Вы только что мне сами это сказали.

– Сказала, – вдруг согласилась Пономарёва с Пятницкой, резко загрустив.

– Что самое страшное может случиться, если вы признаете

тот факт, что расстались со своим мужчиной?

– Я не знаю, – слишком быстро ответила Анна.

– Ну и не знаете. Просто закройте глаза и пофантазируйте. Что произойдёт страшного, если вы признаете тот факт, что уже расстались с Анатолием?

– Мне будет грустно и одиноко, – почти плача ответила Анна Пономарёва.

– Насколько грустно и одиноко?

– Очень. И очень больно.

– А где эта боль?

– Не поняла вас...

– Где эта боль в вашем теле? Если пофантазировать и представить, что вы её можете визуализировать и осязать. Где она? В какой части тела? Как выглядит? Какой формы? Какого цвета?

– В голове. Как колючий маленький чёрный ёжик.

– Вы понимаете в какой части головы у вас этот ёжик?

– Да.

– В этой части головы вам больно, когда вас мучают мигрени?

– Да.

– Можно я заберу из вашей головы этого ёжика и помещу вместо него чистую энергию из бесконечного божественного источника безусловной любви?

– Можно, – с готовностью сказала Анна, а из глаз её потекли слёзы.

Наконец Виктория смогла опустить на Пономарёву энергию из источника и не почувствовала сопротивления. Маленький колючий чёрный ёжик растворился без следа.

– Как вы? – спросила Пятницкая, завершив процесс исцеления.

– Хорошо, – тихо произнесла Анна, утирая слёзы. – Мне давно не было так легко, – ошарашенно добавила она.

И только Вика хотела сказать, что «это пройдёт», имея в виду дезориентированное состояние Пономарёвой, как осекла себя, осознав двоякость фразы.

– Не торопитесь сейчас с желанием понять всё, что произошло. Это придёт само. Вы долго испытывали боль, поэтому ваше текущее состояние вам непривычно.

«Долго? – сама себе удивилась Пятницкая. – Хотя полтора года или даже больше, пока они с Толей ссорились и расходились, – это долго».

– Мне пора идти, – сказала Виктория. – Если что, вы знаете мой номер. Впрочем, кажется, в этот раз всё сложилось удачно.

– И мне так кажется, – мягко согласилась Анна. – Вы идите, а я ещё посижу. Очень всё непривычно.

– Конечно!

Пятницкую тоже отпустило. Эта победа позволила ей перестать сокрушаться над поражением в рабочем вопросе, связанном с Михайловым.

Утром в среду Виктория излишне бодро шла от лифта по офисному опенспейсу к своему кабинету. По дороге она заходила к сотрудникам, вроде как проведать, узнать, как у них дела, и уточнить, нет ли к ней срочных вопросов, хотя на самом деле она хотела посмотреть, что делает Вера Кузнецова. И, увы, картина её не порадовала: та снова сидела возле Марии Осинной, и они делали вместе одно задание. Вика решила, что дальше тянуть нельзя, и попросила Веру зайти к ней в два часа дня. Ещё Пятницкая размышляла о том, что она скажет Краснову насчёт Михайлова, когда в одиннадцать утра придёт к нему с еженедельным отчётом. Николай ей больше не звонил, а она, не придумав ничего лучше, работала как и прежде – с полной отдачей, стараясь абстрагироваться от проблемы, которую не могла решить. Она подумала, что в очередной раз последует совету мужа и расскажет правду, потому как ничего более умного ей в голову не приходило. Расскажет про мальчика, который умер, и про то, что она не смогла помочь ему. Вернее, он отказался от её помощи – поправила Пятницкая собственные мысли. И всё же ей было тяжело это признать. А ещё было неприятно, что это повлияло на её работу.

Виктория зашла в кабинет и остолбенела от увиденного. За её столом сидел Михайлов и разговаривал по мобильному

телефону. На столе стоял огромный букет белых тюльпанов и какой-то чёрный подарочный пакетик средних размеров.

– Как вы здесь оказались? – не здороваясь, спросила Вика, как только Иван закончил разговор.

– Ваша коллега меня впустила и любезно отправилась покупать себе кофе, понимая, что вы скоро придёте.

Таня и правда знала, что Вика вот-вот подойдёт, однако это была не комната переговоров, чтобы оставлять в ней постороннего человека. Пятницкая быстро оглядела свой стол и стол Лесковой. На обоих было довольно чисто – без завалов документов и каких-либо писем. На Викторию это было не похоже: на её рабочем месте чаще царил творческий беспорядок, но именно вчера поздно вечером, оставшись одна в офисе, она разобрала свои дела, да и стол заодно.

– Что вы хотели?

– Я пришёл извиниться и сказать спасибо, – просто начал Иван. – Спасибо, Вика. Ты дважды меня очень выручила. А я был не прав.

– Мы не переходили на «ты», – осекла его Пятницкая.

– Так давай перейдём!

– Нет.

– Упрямая, – улыбнулся Михайлов.

– Какая есть.

– Извини. Я был не прав.

– Занятно принимать извинения, когда ты сидишь на моём месте, а я стою.

– Всё же на «ты», – улыбнулся её формулировкам Михайлов и продолжил: – И снова права, пойдём выпьем кофе. Это всё тебе: цветы и небольшой подарок от меня. И это.

За букетом Пятницкая и не заметила большую стопку бумаг в прозрачном пакете.

– Документы на открытие счетов? – уточнила она, догадываясь о происхождении бумаг.

– Да. Я хочу, чтобы ты вела наши дела.

– Нет. Я не клиентик.

– И всё же.

– Ты был не прав. И сейчас ты не прав. Я не клиентик. Это совершенно другая работа, которая мне не близка.

– Хорошо, – как-то странно ответил он. – Документы хоть передашь, чтобы я не таскал их туда-сюда?

– Да.

– Сколько у нас времени?

– Максимум до десяти тридцати.

– Час. Что ж, пойдём, что тянуть.

* * *

– Большой капучино, я знаю, – сказал Михайлов, усаживая Пятницкую в «Старбаксе».

– Что ещё ты знаешь? – спросила Вика, как только Иван вернулся за столик с двумя бумажными стаканчиками кофе.

– Знаю, кто твои родители, где жила, училась, работала,

с кем серьёзно встречалась. Вообще у тебя была крайне заурядная жизнь, пока ты не встретила своего будущего мужа. Удивительно, как он тебя разглядел.

– У тебя странная манера делать комплименты – словно пытаешься унижить.

– Говорю, как смотрится со стороны. Не понимаю, почему тебя это задевает. И ведь ни одного факта о твоих способностях. После смерти Тимофея я даже убедил себя, что мне померещилось. Всего лишь померещилось, и ты тогда всё же хлопнула рукой по моей спине, чтобы попкорн выскочил из горла.

– Даже если тебе всего лишь померещилось, мог бы не портить мне жизнь своим отказом открывать у нас счета. Я всё же спасла тебе жизнь, как бы пафосно это не звучало.

– Согласен. Однако я был зол. И взял паузу.

– Я вот так не могу. А то я паузу возьму, а человек умрёт.

– Я был зол. Я верил, что ты спасёшь Тимофея... – Иван многозначительно замолчал, а после тихо продолжил: – А ты спасла моего сына...

– Это Тимофей его спас. Не я, – покачала головой Вика, наконец отхлебнув кофе.

– Тимофей? – не понял Иван.

– Он просил передать информацию о белой машине. Я не вижу будущее. Я только целительница.

– Получается, не только целительница, но и медиум.

– Тимофей – первый. И в меня он не вселяется.

– В общем, снова повторюсь, что был зол. Думал, ты несёшь чушь. Нет у меня белой машины. Даже у друзей и знакомых нет. А во вторник приехал водитель, чтобы отвезти сына в школу. Я провожал, думал, сам сразу поеду на работу. И он подъезжает на белой машине. На своей машине, так как служебная не завелась. А не приехать вовсе он побоялся. И я не посадил сына в эту белую машину. Решил отвезти сам. А буквально через минуту, когда водитель проезжал мимо арки нашего же дома, у мусоровоза, который заезжал во двор, отказали тормоза, и он влетел в эту белую машину. И скорость была маленькая. И вроде бы всё ничего, только машину впечатало в фонарный столб именно той стороной, где сидел бы мой сын. Водитель отделался парой ушибов. А другая сторона – в столб. И машина белая, понимаешь?! Меня как током ударило. И стало так стыдно перед тобой...

Иван замолчал. И Вика молчала, решив, что любые слова здесь будут лишними.

– Потом я позвонил Петру. Он заехал ко мне на работу. Я передал ему твои слова, как смог, почти дословно. А он заплакал. На похоронах не плакал. В жизни не видел, чтобы он плакал. Не ожидал такой реакции. Пили мы вчера. Почти молча пили. Хотя он передал тебе спасибо, а почему и за что – так и не рассказал. Ты понимаешь, почему он плакал?

– Понимаю, – кивнула Вика.

– Почему? – с напором спросил Михайлов.

– Не мой секрет – не мне его рассказывать, – вдруг Вика

сама осознала ответ, на некогда заданный ей вопрос. – Он сам расскажет, если посчитает нужным.

– Способная, упрямая, красивая. Я бы тоже разглядел. Но мне сейчас никто не нужен. Не округляй глаза, я про работу.

– Госслужба – не моя тема, – отмахнулась Пятницкая. – Да и ты сложный человек.

– А ты простая? – рассмеялся Михайлов. – У нас много инноваций и проектов. Так что вполне твоя тема. А ты работаешь в банке, который на 80 % принадлежит государству. Госслужба ей не близка... Не руби с плеча, пока не разобралась. И вообще я тебе ничего не предлагал, чтобы ты от чего-то отказывалась.

«Ого, – вдруг подумала Пятницкая. – Может, он и прав. И во мне всё ещё есть резкость, а я так надеялась, что избавилась от неё, что дыхательные практики мне очень помогают. И этот мой отказ... Так ведь не впервые. Всё ищу подтексты».

– Хорошо, не отказываюсь, раз не предлагаешь, – согласилась она, посмотрев на часы. – Мне пора.

– Иди. Ещё увидимся.

* * *

Пятницкая зашла в кабинет Краснова, стараясь скрыть улыбку, но получалось у неё плохо. Тот с интересом наблюдал за ней и молчал. Вика присела напротив него за стол пе-

реговоров.

– Привет! Вот, – подвинула она увесистую стопку документов, переданных Михайловым. – Можете открывать счета.

– Привет! Молодец, – похвалил Николай, улыбнувшись. – Это будут твои клиенты, – спокойно сказал он.

– Нет, Николай, пожалуйста, – не сдержав эмоции, почти взмолилась Вика. – Это совсем не моё. Это Михайлов, да? Это он попросил? Я с ним поговорю.

– Да, лично просил. Будешь номинально их курировать, как свадебный генерал. Вся работа останется в московской дирекции.

– Ты же понимаешь, что так не будет. Что будут срочные вопросы и проблемы, которые придётся решать мне. Я же не смогу просто сидеть и ждать в сторонке.

– Боишься ответственности?

– Боюсь, что ты ложно решишь, что мне подходит эта работа, а я точно знаю, что оно не так. Не моё. Ни в каком виде. Только не с клиентами. Я интроверт до мозга костей.

– Ты? – заулыбался Николай.

– Я.

– Не верю. Ты видела себя на совещаниях?

– Это разные вещи. Многие люди знакомы, понятны и проработаны темы разговоров.

– Чем тебе незнаком Михайлов? А наша продуктовая линейка?

– Пожалуйста, – жалостливо попросила Пятницкая. – Хочешь, я придумаю какой-нибудь новый проект? Это я могу. Это моё. Вот, например, в точках продаж сотрудникам точно виднее, когда какой-то процесс лишний или кривой. Так давай создадим отдельный почтовый ящик для инициатив сотрудников. Пусть пишут свои предложения, а мы будем обрабатывать их. Лучшие будем внедрять, а активных работников – поощрять. Хотя бы и почётной грамотой – это тоже приятно и лестно.

– Идея интересная, но ты будешь получать много несуразных предложений.

– Возможно, но если ты – за, то я готова попробовать. Не пойдёт – всегда можем закрыть проект.

– Ладно. И с Михайловым ладно. Хотя я думаю, ты ошибаешься насчёт своей интровертности.

– Не ошибаюсь. Можно быть интровертом и выступать на стадионах. В случае выступлений мы говорим, что есть определённые обстоятельства, то есть организованная встреча, куда люди уже пришли, а в клиентской работе как раз ты убеждаешь человека прийти куда-либо. Я совсем не готова сейчас осваивать ещё один новый вид деятельности.

– Кстати о выступлении. Выступишь за меня на совещании в Сочи. Ты лучше меня знаешь, что происходит по проекту присоединения Виват-банка. Сделай под выступление буквально один слайд с текущим положением дел. Не готовь длинную речь. Только коротко и по сути. Если что – спросят

из зала.

– На совещании в Сочи? – смутилась Вика.

– Да. Только что получил расписание мероприятий. Совещание начнётся завтра в девять утра. А я только прилечу. Могу немного опоздать. Хотя должен быть вовремя. Ты во сколько сегодня летишь?

– Я не лечу. Ты сейчас впервые говоришь мне об этом совещании.

– Забыл, – легко сообщил о своей оплошности Краснов. – Но ты всё равно летишь. Прямо сейчас иди и займись этим. В Сочи рейсов много. Проблем с билетами не будет. Покупай билеты на сегодня. Оформляй командировку. Если хочешь, можешь даже захватить день субботы. Холодное море, солнце... – улыбнулся Николай.

– Не хочу. Родители мужа приезжают в пятницу. У нас семейный выезд за город.

– Значит, вернёшься в пятницу вечером. Там будет какое-нибудь командообразование днём, так что ничего не пропустишь. Основные мероприятия в четверг. Спроси у Наташи, кто из Виват-банка организует мероприятие, и пусть они тебе помогут забронировать билеты и гостиницу. Это они делают совещание, не мы. Но, если что, оформляй командировку через нас. Мне важно, чтобы ты была на совещании, неважно, на кого лягут расходы.

– Хорошо. Пойду обрадую мужа.

– Ничего. Он сам часто бывает в командировках. А ты по-

летишь впервые. Тебе будет полезно как интроверту, – поддел её Николай.

– Ну тебя! – забывшись, отмахнулась Пятницкая и вышла. – И что сегодня все меня подтрунивают и пытаются нагрузить новыми задачами?! – пробурчала она себе под нос.

Однако позвонить мужу Вика не успела. Он сам набрал её, что было странно. В рабочее время он мог ей написать, но никогда не звонил.

– С завтрашнего дня я безработный, – спокойно сообщил он.

– О чёрт! – вырвалось у Пятницкой.

– Мы оба знали, что такой вариант возможен.

– Знали, только мне сегодня нужно уехать в командировку. Краснов забыл сказать. Иду срочно выяснять, кто организует мне поездку. В Сочи выездное совещание по проекту присоединения.

– Нужно – значит, поедешь.

– А ты как?

– Тогда слетаю на Кипр. Завтра утром улечу, а утром в пятницу вернусь. Закрою пару тем. Ты когда обратно?

– Все до субботы, но я улечу в пятницу после обеда. Николай сказал, что с билетами проблем не будет.

– В пятницу вечером? Не знаю. В любом случае держи меня в курсе.

– Я люблю тебя, милый. И мне бы больше хотелось провести этот вечер с тобой.

– Мне тоже, – признался Виктор.

Пятницкая сникла, понимая, что вместо того, чтобы подержать мужа, полетит в Сочи, а перед этим будет срочно организовывать себе командировку и рисовать слайд для со-вещания. Впрочем, это были не все сюрпризы текущего дня.

Получив от помощницы Краснова телефон Виталия Кра-вченко, главного по организации мероприятия в Сочи, она позвонила ему. Тому было совсем не до какой-то там Пят-ницкой, которую до сих пор не включили в списки пригла-щённых. Он пообещал лишь забронировать ей номер в го-стинице, а с билетами и трансфером предложил разбирать-ся самой. Найти подходящий билет на самолёт туда проблем не возникло, и она выбрала рейс на восемь тридцать вече-ра, а вот билетов обратно не было, только в бизнес-классе, и бухгалтерия не хотела согласовывать такие расходы – биз-нес-класс был ей не по статусу. После долгих переговоров и чтения инструкций Виктории удалось договориться с ними о том, что сейчас она все билеты покупает за свой счёт, а по факту командировки ей возвратят ту максимальную сумму, которая возможна согласно её позиции в банке, и пусть ле-тит хоть бизнесом.

Купив наконец билеты на самолёт, Пятницкая отрешённо смотрела на пустой слайд на мониторе компьютера. Идей у неё не было. Тут ей даже не помогала дыхательная гимна-стика. Вика честно признавала, как вымотана предыдущим квестом. Она посмотрела на часы, потом на Лескову:

– Таня, нарисуй мне слайд для завтрашнего совещания по проекту присоединения Вивата. А я поеду домой собирать вещи, а потом в аэропорт. Я буду на телефоне до двадцати тридцати. Присылай мне идеи на почту. Только присылай слайды в pdf. Ты же знаешь, что в изначальном формате могут съезжать картинки, когда смотришь с телефона.

Таня смутилась такому поручению и вопросительно посмотрела на начальницу.

– У тебя получится! Помнишь, слайды Макушева с последнего регионального совещания? Они были красивые. Давай что-то подобное. Нужен всего один слайд: текущая статистика перевода клиентов и текущие инициативы. Остальное я расскажу на словах.

– Хорошо, – испуганно кивнула Таня.

«Я медлю, и жизнь сама заставляет меня учиться делегировать», – подумала Вика, выходя из кабинета. Кажется, сегодня повезло только Кузнецовой, ведь разговор с ней Виктории пришлось отложить до понедельника.

Подходя к метро, Пятницкая снова посмотрела на часы, а потом позвонила мужу.

– Ты сейчас ещё в офисе? Будешь там в течение часа?

– Да.

– Закажи мне пропуск. Я заеду ненадолго.

– Хорошо!

– Что-то случилось?

– Расскажу на месте.

– Хорошо! – Виктор был смущён, но не стал больше ничего спрашивать.

Вика зашла в приёмную Пospelова с полуулыбкой, предвкушая встречу, поздоровалась с грустной Тamarой и кивнула ей, показывая, что уже всё знает.

– Привет! Как же так? – сказала помощница Виктора, и глаза её наполнились слезами.

Пятницкая подошла к ней и обняла.

– Он же не умер. А это пройдёт, – утешила она Тamarу.

– Я не хочу, чтобы он уходил. А как же я? Он позовёт меня на новое место?

– Думаю, да, – честно сказала Вика. – Когда его найдёт.

Виктору нравится, как ты работаешь.

– Точно?

– Точно! – Вика слегка похлопала по спине Тamarу и отстранилась. – У меня мало времени. Буквально десять минут. Пойду к нему.

– Кофе? – заботливо спросила Тaмaрa.

– Нет, спасибо, не успею.

Вика постучала и зашла в кабинет Виктора. Окинула обстановку взором, и ей тоже стало грустно, что это в последний раз, но она выдохнула, улыбнулась и посмотрела на мужа. Тот не спешил что-либо говорить, тоже смотрел на неё.

– Я решила, что в такой момент мне нужно лично, глядя в глаза, сказать тебе, что я тебя люблю. И мы справимся! – серьёзно и торжественно произнесла Виктория.

Виктор выдержал небольшую паузу, а потом громко рассмеялся.

– Ну я серьёзно! – с некоей обидой сказала Вика, хотя тоже заулыбалась, заражаясь его смехом.

– Милая, ты такой ребёнок, – снисходительно сказал он.

– Ну что это такое?! – всё же обиделась она и всплеснула руками.

– Не обижайся, – сказал Пospelов, подошёл и обнял её. – Я тоже тебя люблю. Вот только тебе теперь точно придётся ехать в аэропорт на экспрессе, а не на машине, чтобы ты успела на свой рейс.

– Ты для меня важнее, – прошептала Виктория, расслабляясь в объятиях мужа.

– Пойдём провожу тебя домой и вернусь.

– Здорово!

Глава 12

Такси остановилось у гостиницы «Жемчужная» ровно в полночь. Пятницкая бодро подошла к стойке регистрации, протянула паспорт сотруднице отеля, сказала, что у неё забронирован номер, и тут же погрузилась в телефон. Она рассматривала последний слайд, полученный от Татьяны Лесковой. Идею слайда она согласовала сразу, а вот над исполнением обе бились пару часов. И хотя Вика уже одобрила последний вариант, он ей не нравился. Не хватало буквально одной маленькой детали. Мелкой, незначительной, но отчего-то очень важной детали.

Пятницкая открыла почтовую программу и написала Лесковой письмо:

«Таня, привет! Если завтра ты вдруг придёшь до девяти утра, пожалуйста, поставь посередине слайда серую тонкую черту, не доводя её до верхней и нижней границы по три сантиметра. Если придёшь позднее, то неважно. И так всё хорошо. Ещё раз спасибо за работу!»

– На вас не забронирован номер, – сказала девушка за регистрационной стойкой, – извините, – и вернула Виктории паспорт, заодно выдернув её в реальность.

– Вы уверены? – не поверила ей Пятницкая.

– Абсолютно, я перепроверила дважды.

– Хм, – хмыкнула Вика и громко выдохнула, судорожно

соображая, что ей делать. Тут же вспомнила, что она может оплатить всё сама, а потом предоставить документы в бухгалтерию для возврата денег, потраченных в командировке. – Давайте я сама сейчас оплачу свободный номер. Подойдёт стандарт. Сколько это будет стоить?

– У нас нет сейчас свободных номеров. Никаких, – вежливо сказала служащая отеля. – Завтра будут освобождаться с самого утра. Сегодня заканчивается конференция у энергетиков, и будет большой выезд.

– Угу, – лишь выдавила из себя Пятницкая, закусив губу, и облокотилась на стойку.

Девушка с сочувствием пожала плечами и отошла.

Вика посмотрела на часы. Было десять минут первого, но выбора у неё не было. Борясь со странным чувством неудобства, она набрала Виталия Кравченко.

Тот снял трубку не сразу, хотя всё же снял. Уже по одному «аллё» она поняла, что Кравченко изрядно пьян. Выслушав Пятницкую, он сказал:

– Виктория, я не знаю, чем вам помочь, – и повесил трубку.

Перезванивать ему было бесполезно. Она уже хотела заплакать, потому что это был бесконечный и ужасный день и она невероятно устала, но тут звякнул телефон. От Лесковой пришло письмо, к которому был приложен презентационный слайд с нужной серой полосочкой. Слайд был идеален.

«Спасибо тебе огромное!» – написала Пятницкая ей в ответ, радуясь, что у неё такая толковая и исполнительная сотрудница и хоть кто-то о ней не забывает, причём в столь поздний час.

– Что с лицом? – некорректно спросил Смолин, подходя к Вике. – Только приехала?

– На меня забыли забронировать номер. Свободных нет. Я в шоке.

– А я ведь тебе говорил про это совещание. Сразу бы приняла к сведению, поговорила с Николаем, и всё было бы иначе.

– Какой же у тебя невыносимый характер! Лучше бы сделал что-нибудь.

– На! – вдруг сказал Смолин, протягивая Пятницкой пластиковую карту-ключ от номера. – Я переночую у Андреева. Знаю, у него две кровати в номере, главное, чтобы он уже не спал мертвецким сном. Только пойдём, я вещи заберу.

Пятницкая отчего-то медлила и не спешила брать ключ.

– За полночь уже. О чём тут думать? Спать пора! Завтра в девять совещание, а я между прочим его открываю.

– Хорошо, – согласилась Вика, не видя иных вариантов. – Только позвони Андрееву сейчас, чтобы больше казусов не возникло.

– Звоню!

– И сходи за вещами без меня, я пока воды куплю.

– В номере есть.

– Мне всегда не хватает.

– Хорошо, покупай и поднимайся на пятнадцатый этаж. Номер пятнадцать тринадцать. Что, боишься остаться со мной наедине? – подмигнул Смолин Пятницкой с игривой улыбкой.

– Боюсь, но не по той причине, о которой ты подумал, – тоже улыбнулась она. – Иди уже. Как ребёнок! – покачала она головой с неким снисхождением.

* * *

В четверг утром Пятницкую разбудил настойчивый стук в дверь номера. Она открыла глаза и посмотрела на часы.

«Чёрт! Шесть сорок пять. Неужели Смолину что-то понадобилось в номере в такую рань?»

Накинув отельный халат, Вика открыла дверь. Перед ней стоял неизвестный мужчина лет тридцати в костюме и галстук. Вид у него был странный и весьма помятый. То ли он ещё не проснулся, то ли и вовсе не спал.

– Привет! Ты извини. То есть вы. Или ты? – сказал мужчина, взглядом оценивая Пятницкую.

– Смотря кто вы.

– Для тебя я просто Виталик. Извини за вчера. Я забыл. Мне стыдно. Вот держи, – он потянул ей карточку-ключ от номера. – Сделал тебе номер люкс, раз уж так вышло. На этом же этаже, номер пятнадцать двадцать четыре. Ближе к

лифту. Ты до субботы?

– До пятницы. В восемнадцать точно выезжаю из отеля.

– Ага! Я запомню. Наверное, – почесал он голову, потом порылся в кармане. – Это тебе в качестве извинений, – протянул он Вике маленькую шоколадку «Алёнка». – Ну, что было. Извини ещё раз. Я выпил вчера немного. Нервы, все приезжают. А сейчас иду твоего Красного встречать. Ну давай. Звони, если что. Кстати, сегодняшний завтрак у тебя тоже оплачен, – бросил он напоследок и зашагал, еле заметно качаясь.

– Спасибо, – пробурчала Пятницкая.

Тут дверь номера напротив распахнулась, и оттуда вышел Георгий Образцов – уже в костюме, но ещё без галстука.

– Виктория, доброе утро! Вы здесь? – удивился он.

– Доброе! Да, – смутилась Вика. – Долгая история, – добавила она, чтобы заполнить возникшую паузу.

Глаза Георгия блеснули интересом.

– До встречи, – сказала Пятницкая и поскорее закрыла дверь, потому как ничего более умного ей в голову не пришло.

Спать ей уже не хотелось. Она написала Смолину, что готова освободить его номер, так как ей дали свой. Тот мгновенно ответил, что будет ждать её через десять минут в холле на первом этаже и заодно они смогут вместе позавтракать.

Наспех умывшись и накинув вчерашнее платье, Вика перенесла сумку в свой номер и спустилась вниз.

В холле было очень много людей. «А, выезд энергетиков», – вспомнила Виктория слова девушки за стойкой регистрации. С ней кто-то здоровался, но она этих людей вроде бы не знала.

– Привет! Пойдём, позавтракаю с тобой в вашей столовой, – сказал Алексей, когда Вика подошла к нему, протягивая на ходу ключ.

– Привет! В нашей столовой? – переспросила Пятницкая, не понимая.

– Да. У тебя же стандартный номер?

– Нет, – улыбнулась Вика. – Люкс.

– Интересно почему? – удивился Смолин.

– Потому что сегодня я тоже ночевала в номере люкс, – пошутила она.

– Так тебе, оказывается, фартит, а я за тебя переживал. Тогда идём в наш ресторан. Он на последнем этаже.

– Не завидуй!

– Я, между прочим, сегодня плохо спал.

– Тебя пожалеть? Ах, Алёшенька, как же ты, бедненький, будешь сегодня сидеть на совещании? Зевать, наверное? – театрально запричитала Вика, пытаясь дотянуться до головы Смолина, чтобы приголубить его.

– Ладно, идём, – отмахнулся он, но не стал отстраняться от прикосновений Виктории. – Я ещё хочу успеть помыться.

– И я тоже!

Когда Пятницкая и Смолин зашли в ресторан, за даль-

ним столом завтракали Фролов и Образцов. Все четверо друг другу лишь кивнули в знак приветствия.

* * *

Кофе-брейк закончился, и все вернулись в большой конференц-зал отеля, где проходило совещание. Пятницкая только села на место, как получила сообщение от Алексея:

«Я всё узнал. Один из зампредов Вивата не приехал. Так что его номер отдали Краснову. А номер Краснова – тебе. Они уже были оплачены».

«А зачем ты это узнавал, Лёш? Тебе что, жалко, что я в люксе?» – не понимая, спросила Виктория.

«Просто было интересно».

«Жадина-говядина», – лишь ответила ему Пятницкая. Но червячок сомнения начал её грызть. «Если Смолин так интересуется этим вопросом, может, это ещё кого-то беспокоит? Впрочем, что уж теперь», – попыталась успокоить саму себя Вика, стараясь вникнуть в речь очередного докладчика.

Объявили перерыв на обед. Пятницкая поспешила к Краснову, который вместе с руководством Виват-банка сидел за столом на небольшом помосте, лицом к залу, чтобы, пока он не ушёл, обсудить с ним несколько текущих вопросов и подписать пару писем.

– Давай быстро. Что у тебя? – спросил Николай.

– Если быстро, то вот письма на подпись. А ещё нам се-

годня нужно согласовать акт проверки службы внутреннего контроля. Там...

– Так, это точно не будет быстро, – прервал её Николай. – Именно сегодня?

– Да, завтра последний день отправки ответа.

– Тогда давай пообедаем вместе. В ресторане на последнем этаже. И всё обсудим. Но сначала сходи ко мне в номер, я забыл там свой второй телефон, личный. Думаю, он на столе. Встретимся наверху через десять минут. Мне нужно позвонить сейчас.

И Николай протянул Вике ключ от номера.

– Хорошо, – согласилась она.

– Номер пятнадцать-пятнадцать, – уточнил Краснов и начал кого-то набирать, однако вновь оторвался от телефона и добавил: – Пока не забыл. У тебя был прекрасный слайд. Лучший из тех, что ты делала раньше.

Вика мило улыбнулась и спешно пошла за телефоном Николая, чтобы не показать своих истинных чувств: ведь не она рисовала этот слайд, поэтому ей стало немного обидно после такого комплимента, но, с другой стороны, она правильно делегировала работу своей подчинённой, и тут ей вроде было чем гордиться.

Телефон Краснова действительно был на столе. Пятничная взяла его и сразу вышла из номера. Мимо по коридору шёл Георгий Образцов. Они столкнулись нос к носу, когда она выходила из дверного проёма.

– Виктория, вы здесь? Разве это не номер Краснова? – прямо спросил он.

– Его, – так же прямо ответила Виктория.

– Я понял, долгая история, – спокойно сказал Георгий, а глаза его ехидно блеснули.

– Да, – подтвердила Пятницкая. – До встречи!

И поспешила к лифтам, нервно хихикнув.

Подсовывая очередное письмо Николаю на подпись, Виктория подняла глаза и снова увидела Образцова, проходящего мимо их столика.

– Приятного аппетита, – пожелал он.

– Взаимно, – ответил Краснов, оторвавшись на миг от изучения письма.

– И вам, – кивнула Пятницкая, отводя глаза. Её начинали смущать эти частые встречи с Образцовым.

После совещания Виктория сидела в своём номере. Она отсканировала через программу на планшете письма, которые подписал Краснов, выслала своим сотрудникам, чтобы те отправили их адресатам, и ответила на срочные письма и звонки. А после решила спуститься вниз в лобби-бар, чтобы расслабиться, выпив чего-нибудь горячительного. Она вышла из номера. А по коридору в очередной раз шёл Георгий Образцов.

– Виктория, вы здесь?

– Да. Теперь это просто мой номер, – устало улыбнулась Вика.

– То есть ужинать вы будете в одиночестве? – спросил Георгий.

– Вы сейчас надо мной подтруниваете, да? – не сдержалась Пятницкая.

– Констатирую факт.

– Да, в одиночестве. Надеюсь, – сказала Виктория и пошла дальше.

Одиночества не случилось. В лобби-баре Пятницкая встретила Виталика, и тот настоял, чтобы она присоединилась к большой компании коллег из Виват-банка. В целом Виктории было очень полезно пообщаться с ними в неформальной обстановке, послушать местные байки и личные истории. Так ей стали более понятны внутренние процессы Вивата и особенности работы, а значит, она могла лучше выстроить последующее взаимодействие своей службы с подразделениями присоединяемого банка в ходе проекта.

Добрая компания поехала в караоке, разбиваясь на группы, чтобы уместиться в такси. Это дало возможность Пятницкой незаметно улизнуть и никуда не ехать. Она же была на море! И ей хотелось наконец дойти до этого моря. Посидеть на берегу и послушать шум волн. При отеле был свой небольшой пляж через дорогу, куда она и отправилась тёмными тропами.

На берегу было тихо. Светил полумесяц в россыпи звёзд. Она забралась с ногами на лежак и посмотрела на небо. В этой романтической атмосфере ей категорически не хватало

Виктора, поэтому она позвонила ему, невзирая на поздний час.

– Привет, милый. Не разбудила?

– Привет, милая. Почти. Я уже в кровати.

– Я сижу на пляже, смотрю на звёзды, и мне очень не хватает тебя.

– Это приятно! Я бы тоже хотел, чтобы ты была рядом. Здесь даже море ещё тёплое и можно купаться. Хотя тебе, мерзлячке, было бы холодно.

– Ты бы меня согрел.

– Согрел.

– Ладно, ложись спать. Я тоже скоро пойду. Спокойной ночи. Люблю тебя!

– Спокойной ночи, милая. Я тоже тебя люблю.

Виктория отложила телефон и вновь посмотрела на небо.

– Это было мило, – вдруг услышала она чей-то голос и обернулась.

Почти на соседнем лежаке сидел Образцов.

– Вы подслушивали? – возмутилась Пятницкая.

– Непроизвольно, – сказал он без извинений. – Я первый сюда пришёл. Это вы меня не заметили.

– Не заметила, – сожалея о своей ошибке, повторила за ним Виктория.

– Это было мило. Тут нечего смущаться.

– Я разговаривала с мужем, – зачем-то пояснила Пятницкая, поднимаясь. – Спокойной ночи.

– Уже уходите?

– Да, пора спать. Завтра командообразование в десять утра.

– Только в десять, – странно сказал Образцов. – Может, расскажете мне вашу долгую историю?

– Спокойной ночи, – повторила Виктория и зашагала прочь.

* * *

Беспрпятственно пройти от входа до лифта Виктория не смогла, её перехватил Антон Мягков, руководитель московской дирекции.

– Вика, мы с тобой последний раз пили на новогоднем корпоративе. Давай это исправим и выпьем сейчас.

– Антон, час ночи. Я спать.

– Брось, когда ещё такое будет? Мы же с тобой друзья? – странно заметил он. – Есть вино.

– Я уже виски пила.

– Сейчас всё организую, присядь, – сказал Мягков, усаживая Викторию за столик, а сам пошёл к бару.

Через пару минут Антон поставил перед Викой стакан с виски, сел и заговорил:

– Так как мы с тобой друзья, давай я с тобой по-дружески поговорю. Московские клиенты – моя зона ответственности. И мне бы хотелось, чтобы так и оставалось.

– О-о-о... – протянула Пятницкая. – Ты про компании, связанные с Правительством Москвы?

– Хорошо, что ты понимаешь, о чём я.

В этот момент с пляжа возвратился Георгий Образцов. Проходя мимо, он чуть покачал головой: мол, ай-яй-яй, Виктория – и направился к лифту.

Пятницкая устало потёрла правый глаз и продолжила слушать Антона.

– Я понимаю, что ты девушка видная. Краснов ради тебя обед со мной отменяет. Тебе люкс предоставляют. Но, может, побережёшь себя, ты ведь только недавно получила службу Полянского, у тебя сейчас и без того работы много, к чему тебе новый функционал?

– Ты совершенно прав, Антон, – спокойно начала Виктория. – Мне сейчас хватает работы. А времени не на всё хватает. Вот я думаю: давай я в следующий раз не пойду пить кофе с Михайловым? Хотя он мне тут такой красивый букет тюльпанов подарил и подарок... Даже не успела посмотреть, что это за подарок, представляешь? Не было времени. Но мне как женщине такое простительно, правда?

Антон что-то хотел сказать, только Пятницкая жестом остановила его:

– Подожди! У меня даже лучше есть предложение: давай я пару недель вообще на звонки Ивана отвечать не буду, чтобы не мешать твоим сотрудникам налаживать контакт с его организациями. Только ты Краснову скажи о своём желании

самостоятельно общаться с Михайловым, чтобы он меня зря не дёргал. Или лучше мне самой как-нибудь Николаю сообщить это за ужином?

Мягков немного повертел на столе свой бокал с вином, а потом поднял его и сказал:

– Давай всё забудем. Начнём сначала и снова выпьем за нашу дружбу. Я благодарен тебе, что ты помогла нам получить документы на открытие счетов. Без обид? – глядя в глаза, спросил Антон, протягивая Виктории свой бокал, чтобы чокнуться.

– Конечно, – сказала Пятницкая, чокаясь с ним. Но пить не стала, поставила бокал на стол. – Поздний час, мне пора спать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – пожелал Мягков, шумно выдохнув.

Пятницкая наконец зашла в лифт и подумала: «Прав был Виктор, какая разница, что обо мне подумают остальные, главное, что основные участники событий знают, что я верная жена». Но потом не удержалась и заплакала в голос. Впрочем, ей пришлось остановить себя, чтобы без всхлипов дойти от лифта до номера.

На счастье, в этот раз она не встретила Георгия Образцова. Но всё же не смогла сразу попасть в свой номер. На перекрёстке гостиничных коридоров в Викторию врезалась заплаканная сотрудница отеля. Та самая, со стойки регистрации. Она стала бурно извиняться, а после расплакалась ещё больше и попыталась поспешно уйти, но Вика остановила её.

– Пойдите! Может, я чем-то могу помочь? Что у вас случилось?

Слова бездумно вырывались у Виктории, и она повиновалась этому порыву.

– Как вы мне поможете? Если только вы не остеопат.

Пятницкая переключилась на видение и просканировала девушку. У неё была острая кривошея: сначала продуло в автобусе по дороге на работу, а потом она резко повернула голову, отвечая на звонок.

– У вас шею заклинило, – констатировала факт Вика. – С кем вы разговаривали в этот момент по телефону и о чём?

– Со сменщицей. Она сказала, что приболела и не придёт на ночную смену. И мне придётся стоять на ресепшен вместо неё, а тут ещё и это, – с горечью произнесла сотрудница отеля, а потом, опомнившись, спросила: – Откуда вы знаете про телефон?

– Вижу. И вижу, что она не первый раз так делает.

– Не первый, – согласилась девушка, подавляя свою злость на коллегу по работе. – Вы разве не из банка? Я вас вспомнила. Я вас заселяла вчера, то есть не смогла заселить. На вас номер не бронировали.

– Вижу и всё. И вижу, что вы вчера так поздно были на работе тоже из-за опоздания сменщицы. И это не в первый раз. А вы всё это храните в секрете, помогаете подруге. Давайте вы сохраните и мой секрет – о том, что я вижу? А я исцелю вашу боль. Раз уж вам подругу всю ночь покрывать

и работать.

– А вы можете? – не поверила та.

– Могу, – сказала Вика и мысленно опустила на девушку энергию из источника, которая растворила её боль. Но прежняя подвижность шеи не вернулась. – Видите, боль ушла. А чтобы к вам вернулась свобода движения, скажите мне, почему вы соглашаетесь покрывать сменщицу? И как вас зовут? – улыбнулась Пятницкая. – Меня зовут Виктория.

– Я Мария, – девушка наконец смогла улыбнуться. – А что мне делать? Не жаловаться же на неё начальству?

– У меня лучшая подруга Маша, – снова с улыбкой сказала Вика. – Тоже как вы – добрая и понимающая. А какая вы будете, если расскажете начальству о прогулах другой сотрудницы?

– Ну что вы! Я стучать не буду.

«Да, лучше работать за двоих», – подумала Пятницкая, но вслух снова спросила:

– Какой вы будете, если всё же расскажете? Давайте просто пофантазируем, нас же сейчас никто не слышит.

– А вдруг?

– Пойдёмте ко мне в номер. Вон следующая дверь.

– Хорошо, – осторожно согласилась девушка.

Уже в номере Мария повторила:

– Не, я стучать не буду. Что обо мне потом подумают другие?

«Ага, страх оглянуться вокруг: уж лучше пусть шея со-

всем не поворачивается, чем узнать, что шепчут за спиной, если вообще шепчут».

– А что они могут подумать? Что именно? Что первое приходит в голову? – спросила Вика, садясь на диван рядом с Марией.

– Подумают, что я плохая, – неуверенно выдала та.

– А кто вам это сказал впервые, что вы плохая? – вдруг спросила Пятницкая, вновь повинувшись странному порыву, словно ей кто-то подсказывал, хотя они точно были в номере вдвоём.

– Мама, – сказала Мария и заплакала – уже от обиды на мать.

– Когда она вам это говорила, помните?

– Когда меня старшая сестра обижала, а я хотела рассказать ей об этом. Мама говорила, что ябедничать плохо, что так делают только плохие люди. А потом меня сестра за это дразнила малявкой, что ничего сама не могу, всё к маме бегаю.

– И чему вас это научило?

– Самостоятельности.

– Это же хорошо?

– Хорошо, конечно.

– А всегда ли нужна самостоятельность?

– Да. Как же иначе?!

– Ну да, и хлеб вы самостоятельно, наверное, печёте...

Что в магазине покупать? И лечите себя самостоятельно, не

нужен вам остеопат. Ведь не первый раз вас так скрутило.

– Вы как-то переиначиваете мои слова, – обиделась Мария.

– Разве? Так вы сами сказали, что всегда хороша самостоятельность.

– Нет, не всегда.

– Хороша ли ваша самостоятельность в действиях с вашей коллегой по работе? Может, начальству в этом случае будет виднее, кто хорошо работает, а кто нет? Будете ли вы плохой, если начнёте решать проблему с вашей коллегой, или хотите и дальше недосыпать, откладывая личные дела на потом? У вашей лучшей подруги завтра день рождения. А вы на него теперь опоздаете, чтобы хоть чуть-чуть поспать после суток, проведённых на работе.

Мария грустно покачала головой.

– Вы молодец, посмотрите, у вас шея начала свободно двигаться, – порадовалась Вика. – И это вы сами отпустили свой внутренний зажим. Сами! И это прекрасно. Но в чём-то вполне можно попросить помощи.

– Да, – сильно задумавшись, сказала девушка.

– Посмотрите в глубь себя. Что вам мешает, какие чувства вы бы хотели отпустить, избавиться от них прямо сейчас? Я могу растворить их в энергии божественной любви и наполнить вас ей, заполнить образовавшиеся пустоты чистой энергией, когда уйдут негативные чувства. Идёт?

– Да, – вновь задумчиво согласилась Мария. – Хочу изба-

виться от обиды на маму, и сестру, и на себя, что не могла понять таких элементарных вещей.

– Как говорит мне в таких ситуациях муж, мы не идеальны и только учимся, так что нужно позволить себе просто учиться быть лучше.

– Я тоже замуж хочу, – снова грустно сказала сотрудница отеля.

– Ещё один повод освободить время для личной жизни, – подмигнула ей Пятницкая и опустила на девушку энергию из источника, растворяя в ней негативные чувства.

– Спасибо вам, – искренне сказала Мария, поднимаясь с кресла. – Задержалась я, мне пора возвращаться на рабочее место. Хотя что я? Хорошо, что вы мне помогли, хорошо, что я вас встретила. На десять минут задержалась всего, нестрашно.

– Мне нравится ход ваших мыслей, – улыбнулась Вика. – Желаю вам больше и не вспоминать о былых проблемах с шеей.

– Спасибо! Я сохраню ваш секрет. Но если вдруг что-то случится неприятное и серьёзное, можно я вам позвоню? Телефон есть в вашей анкете.

– Хорошо. Если что-то действительно серьёзное – звоните, разберёмся.

– Спасибо! – поблагодарила Мария и наконец ушла.

А Вика доплелась до кровати и плюхнулась на неё. Она лежала и думала, что нужно раздеться, собрать остатки сил

и раздеться, но так и уснула в одежде.

* * *

Спала Пятницкая плохо. Проснулась очень рано. Не было и шести. Она спустилась вниз. Мария приветливо помахала ей из-за стойки. Вика подошла и спросила её о самочувствии. Всё было хорошо, и девушка совсем не чувствовала усталости. Впрочем, на всякий случай Пятницкая обдала её энергией безусловной любви из источника.

– Завтраки ещё не подают, – извиняясь, сказала Мария.

– В баре можно купить кофе с собой? Хочу прогуляться к морю.

– Подождите меня буквально пять минут. Вам с молоком? – спросила вдруг она.

– Да, – смутилась Виктория.

И Мария тут же куда-то побежала.

Она действительно быстро вернулась. В руках у неё был бумажный стаканчик с приятно пахнущим кофе и какой-то пакетик.

– Держите, хоть как-то отблагодарю вас. Это американо с молоком и два круассана. Только испекли. Ещё горячие. Будьте осторожны.

– Спасибо большое! – искренне поблагодарила Вика. – Прекрасное дополнение к рассвету на море.

Мария лишь улыбнулась ей вслед.

Раньше Вика думала, что ей нравится путешествовать. Теперь она чётко понимала, что ей нравится путешествовать именно с мужем. Сейчас ей очень не хватало рассудительного и спокойного Виктора – здесь, на пляже, или хотя бы на уютном подоконнике в их квартире. Даже на кухню к маме с чаем её больше не тянуло.

«Куда ты пропала вчера? Пойдём завтракать?» – пришло сообщение от Смолина. Вика не ответила.

Через полчаса телефон завибрировал вновь: «У тебя всё в порядке?»

Потом Алексей не выдержал молчания и позвонил. Вика решила, что лучше всё же ответить.

– Пятницкая, что случилось? – не здороваясь, спросил он.

– Ничего, – как можно спокойнее ответила Виктория. – Я на пляже. Вышла подышать свежим морским воздухом. Не видела твоих сообщений.

– Точно ничего не случилось?

– Точно.

– Завтракать идёшь?

– Не хочу. Уже выпила кофе.

– У нас будет какой-то квест. Будем бегать и разгадывать ребусы, разбившись на команды. Может, всё же поешь? Нужны будут силы.

– Слушай, а нам обязательно ходить на подобные мероприятия?

– Обязательно, – однозначно сказал Смолин. – Руковод-

ство тоже будет.

– Ладно. Только завтракать не пойду, нет. Не хочу есть.

– Ну как знаешь. Рад, что у тебя всё в порядке, увидимся ещё.

– До встречи!

* * *

В самолёт Вика заходила с радостью: уже через три-четыре часа она прыгнет в объятия мужа. И лететь обратно ей предстояло с максимальным комфортом. А потом она увидела своего соседа. Это был Георгий Образцов.

– Виктория, – улыбнулся он, – не знал, что руководители службы могут летать бизнес-классом. Ах, да! Это, наверное, долгая история. И у нас с вами теперь есть два с лишним часа, чтобы вы мне её наконец рассказали.

– Не поспоришь, – тоже улыбнулась Пятницкая, осознавая комизм ситуации. – История долгая, но прозаическая. Без страстей и виражей.

– Ничего. Я готов поскучать в вашем обществе.

– Хм. Вы меня смущаете, – призналась Вика. – Мне пора начать переживать?

– О чём? – не понял Георгий.

– Ну вы так странно сказали про моё общество...

– А, вы об этом... Нет. Не переживайте. Вы для меня слишком молоды. Я не люблю, когда между мной и мо-

ей женщиной большая разница в возрасте. Слишком много несовпадений в интересах. А в отношениях я в первую очередь люблю спокойствие и комфорт. Я ж не мальчишка. И вполне радуюсь своему возрасту. Однако мне любопытно наблюдать за вами. Вы необычная.

– Это комплимент?

– Считайте, что комплимент.

– А у вас есть дочь? – неожиданно даже для самой себя спросила Виктория.

– Да, – с удивлённой улыбкой подтвердил Георгий.

– Почти моего возраста?

– Смотря сколько вам.

– Мне двадцать шесть.

– На пару лет помладше.

– И мы похожи.

– Да. Похожи, – согласился он.

Виктория расслабилась: вот и истинная причина интереса Образцова к её скромной персоне.

– Похожи, – ещё раз повторил Георгий и улыбнулся.

И Вика, абсолютно успокоившись, во всех красках расписала ему «долгую историю» своей странной командировки.

Глава 13

Самолёт приземлился в Москве около одиннадцати. Вика прыгнула в заказанное мужем такси и помчалась в отель, там все уже собрались.

Виктор встретил её на парковке. Вид у него был странный, несколько отрешённый. Машина уехала, но он не спешил показать жене дорогу к коттеджу. Не поцеловал при встрече, не взял за руку, не обнял.

– Вика, что ты творишь? Почему ты ночевала в номере Смолина? – прямо спросил Пospelов.

Лёгкие у Виктории сжались, горло пересохло. Она ощутила физическую боль: муж предавал её своим недоверием. Было невыносимо больно, но она собралась и объяснила:

– А тот, кто донёс на меня, не сказал, что Смолина в тот момент не было в номере? Что он провёл ночь в номере одного сотрудника на второй кровати? Мы даже не были в этом номере вдвоём. Он передал мне ключи – и всё.

– Почему ты провела ночь в его номере? – всё так же холодно спросил Виктор.

– На меня забыли забронировать номер.

– И что? У тебя не было денег снять номер самой? Если не было, есть мгновенные переводы с карты на карту. Я на расстоянии телефонного звонка.

– Гостиница была переполнена. Не было свободных номе-

ров. Только утром освобождались.

– В Сочи много гостиниц. Ты могла найти любую другую и забронировать онлайн по телефону. Я знаю, у тебя точно есть нужное приложение.

– Эта гостиница на отшибе. Совещание начиналось в девять утра. Я приехала ночью.

– Не понимаю, – сухо ответил Виктор. – Почему, Вика?

– Я ничего не сделала! Я не такая умная, как ты! Я не знаю. Я растерялась. Он предложил мне свой номер и сказал, что переночует в другом. Всё! – не выдержала Пятницкая. Она заплакала и опустилась прямо на землю. – Зачем ты так со мной? – прошептала она, закрывая руками лицо.

– Потому что я тебя очень люблю и сильно ревную. И мне больно, – с горечью сказал Пospelов, сел рядом и обнял.

– Теперь больно мне.

– Прости, – искренне прошептал он.

– Мне не в чем оправдываться. Я ничего не сделала. Ты же сам не так давно красиво и логично объяснил, почему не ревнуешь, и сказал, что веришь мне.

– Смолин...

– А что Смолин? Чем он отличается от остальных?

– Он до сих пор любит тебя, а ты когда-то любила его. Я ревную тебя к нему.

– Это нелогично.

– Чувства нелогичны.

– У него семья.

– У меня тоже была семья.

– Чёрт с ним, со Смолиным! Почему ты не веришь мне?!

– Тебе я верю, а ему – нет. Он, как и я, прекрасно умеет мыслить стратегически. Он просто выжидает удачный момент, чтобы вернуть тебя. Он сильный противник.

– Это не игра.

– Всё – игра. А я слишком люблю тебя, чтобы потерять.

– И я тебя люблю. И не собираюсь уходить ни к какому Смолину. Но не обижай меня.

– Не давай повода.

– Я ничего не сделала!

– Я сильно ревную, Вик. Я старался, но не могу с собой справиться. Уходи из ТТК-банка. Я не хочу, чтобы вы вместе работали.

Пятницкая физически ощутила собственный протест. И на мгновение сама испугалась такой реакции.

– Нет, – твёрдо сказала она. – Я люблю свою работу. Люблю ТТК-банк. Мы не так часто пересекаемся с Алексеем, как тебе кажется. Зачем такие кардинальные меры?

– А меня ты любишь? Или работу сильнее?!

– Это невозможно сравнивать. И ты сейчас сам без работы. Зачем мне тоже уходить? Где логика?

– Милая, чувства нелогичны. Я очень сильно ревную тебя к Смолину. И честно признаю, что не могу пока с этим справиться. Посмотри, к чему это приводит. Уходи из ТТК.

– Я только вступила в должность. И просто подставляю

Краснова. И проект присоединения входит в активную фазу. Мы запускаем изменения в инструкцию по кредитованию. Я не понимаю, как я сейчас возьму и уйду.

– Хочешь, я сам поговорю с Красновым и найду ему замену на твою позицию? Как минимум двое моих бывших сотрудников прекрасно справятся с твоими обязанностями. Думаю, их в итоге уберут из ГорБанка, когда придёт новый руководитель, так что они будут только рады такому предложению.

– А я что буду делать? – через боль спросила Вика.

– Займись исцелениями. Хороший повод не разрываться между двумя сферами деятельности.

– Но я люблю свою работу в банке.

– Тогда я найду тебе новую похожую работу. У тебя средняя позиция, это не так сложно.

– Дай мне время подумать.

– Нет. Я могу дать тебе время найти верные слова, чтобы сказать об уходе Краснову. Могу дать время, чтобы ты ушла, закрыв срочные дела, а не бросая Николая ровно через две недели. Но я должен знать, что есть чёткий срок, после которого у тебя уже не будет возможности встретить Смолина случайно в коридорах банка, пить с ним кофе и что-то обсуждать. Я дико тебя ревную. Я не могу это объяснить.

– У меня нет выбора?

– Нет.

– Это нечестно.

– Я согласен. Нечестно. И сейчас за счёт тебя я стараюсь решить свою проблему. Однако я не вижу других вариантов.

– Хорошо, – согласилась Вика, поднимаясь. – Я сама поговорю с Красновым. Но не прямо сейчас или на следующей неделе. Мне нужно прийти в себя. Поездка получилась эмоциональная, а тут ты ещё.

– Прости, милая... – Виктор тоже поднялся и обнял её. – Там что-то произошло?

– Откуда ты узнал про номер в гостинице? – не слыша вопрос мужа, спросила Виктория.

– Мой знакомый работает в Виват-банке. Он был на вашем выездном совещании. Пошли слухи, что вас часто видят вместе. Он позвонил.

– Мерзко это. Ничего ведь не было.

– Достаточно лишь повода, а дальше люди додумают сами.

– Мерзко.

– Я готов поднять тебе настроение. Проси что хочешь.

– Я хочу остаться на своей работе. Но ты против. Так что лучше просто пойдём спать. Я выжата как лимон.

– Милая... – Виктор снова нежно обнял её и поцеловал в нос.

– Не подлизывайся. Я пока ещё злюсь на тебя. И с твоей просьбой всё ещё не согласна.

– Тогда идём спать. Кстати, Петров так и не привёз свою девушку. Сморозил какую-то глупость, что она куда-то срочно уехала встречаться с родственниками. Я заинтригован:

почему он скрывает её от нас? У тебя есть предположения?

– Может, это кто-то, кого мы знаем, и он боится нам признаться?

– Нет, ну кто это может быть, чтобы он боялся?!

– А может, это мужчина?

– Вика!

– А что? Всё бывает.

– Мы слишком бурно вместе провели молодость. Я знаю, что он ещё тот любитель женщин.

– И ты? – вдруг искренне удивилась Пятницкая. – Про ваши похождения ты мне не рассказывал.

– И я, – улыбнулся он. – Не успел рассказать. Нам было, о чём поговорить.

– Так вот почему вся эта ревность... По себе судишь. А я ведь почти домашняя девочка. У меня было мужчин меньше, чем пальцев на одной руке.

– Вот пусть так всё и остаётся.

– Кто твой шпион в Виват-банке?

– Не скажу. Чтобы не мстила.

– Ну мстить я и не собиралась. Просто интересно.

– Не скажу. Иначе он потом мне больше ничего не расскажет.

Вика остановилась и серьёзно сказала:

– Знаешь, если ты мне не доверяешь, то мой уход из ТТК ничего не решит. Дело ведь вовсе не в моей работе.

– Я понял, о чём ты. Я доверяю тебе. Я справлюсь с этим.

Однако мне, как и тебе, нужно время. Я не понимаю, что со мной происходит. Раньше этого не было. А теперь я порой просыпаюсь ночью, чтобы убедиться, что ты рядом, что всё это не сон. Я очень боюсь тебя потерять.

– Может, пойдёшь к психологу? Давай честно: ведь нет поводов для беспокойства.

– Уже записался на приём. Иду в среду.

– Хорошо, – кивнула Вика.

Они пошли дальше.

– У нас два коттеджа. В одном не уместились. Тут дома максимум на четыре спальни. Зато родителей я поселил во втором доме и Ольгу с Ваней тоже. Они всё равно встают рано, а мы спокойно сможем выспаться. Завтраки я оплатил. Они в основном здании отеля. Так что нас точно никто не будет беспокоить утром.

– Хорошо, я с удовольствием высплюсь.

* * *

Вика очнулась в домике на дереве: она сидела на стуле, а напротив неё на кровати сидел Тимофей.

– Привет! Я не предупредил тебя, извини. Но они сказали, что медлить нельзя и у тебя осталось мало времени.

– Мало времени для чего? – не поняла Пятницкая. Она уже не спрашивала, кто такие «они».

– Я не знаю, – пожал плечами мальчик. – Меня лишь по-

просили познакомить тебя с твоим основным тотемным животным. Они обитают здесь – на четвёртом плане бытия.

– Только домашних животных мне сейчас не хватало! – Вика потёрла глаза.

– Это не домашнее животное. Это животный дух. Он связан с тобой на энергетическом уровне и может усилить или даже активировать те качества, которые пригодятся тебе в жизни. При условии, что ты признаёшь эту связь и будешь чтить её. Человек далеко не один, хотя порой и думает так. У него много помощников на жизненном пути.

– Как чтить тотем? – сразу перешла к главному Пятницкая.

– Для начала признать его существование. Потом общаться.

– Общаться как с тобой?

– Почти.

– А спать мне в этой жизни уже не полагается? – пошутила Вика, всё же приходя в рабочее состояние.

– Это необязательно делать во сне. Тотемные животные хоть и живут здесь, но призвать их можно мысленно в медитации, оставаясь на третьем плане бытия. Или перейдя на четвёртый план, да. Ты же помнишь путь сюда? Через вспышку света?

– Да, помню, – кивнула Пятницкая.

– И это необязательно делать ночью. Я выдернул тебя из сна только потому, что днём ты была слишком занята. Они

сказали, что ты опаздываешь по своему божественному расписанию и события пойдут очень быстро.

– Куда уж быстрее?! – хмыкнула Вика. – Ладно, что нужно делать, чтобы познакомиться с этим животным?

– Спуститься в пещеру к ритуальному костру.

– Ага, а при входе мне вручат бубен и шапку шамана, – ехидно заметила Пятницкая.

Тимофей искренне и как-то по-взрослому засмеялся:

– Я тоже думаю, что всё это лишь занимательные декорации, но они очень нужны людям, чтобы морально настроиться на встречу. И в принципе это красиво.

– Людям?! А духам? – всё ещё шутя, спросила Вика.

– Нам – нет. Я и так соединён с тотемом. Смотри, – сказал Тимофей, и тут же у него выросли прозрачные огромные крылья, нос покрылся прозрачным клювом, а ноги превратились в прозрачные птичьи лапы.

Пятницкая удивлённо вытаращила глаза: мальчик будто оделся в прозрачный, дымчатый, лёгкий костюм орла.

– Садись мне на спину. Сейчас я только выйду на крыльцо. Отнесу тебя к пещере. Заодно посмотришь четвёртый план бытия с высоты птичьего полёта.

– Хорошая тема... – заворожённо пробормотала Вика.

Они вышли из домика, и Пятницкая запрыгнула на спину орлу.

– Держись за шею, а не за перья, – попросил Тимофей.

Они взмыли ввысь.

Орёл нёс Викторию по тёмно-синему небу. Вокруг сияли малюсенькие звёздочки, будто рассыпанные бриллианты, и до них можно было достать рукой.

– Не трогай звезды, – предупредил Тимофей. – Для тебя они будут как колючие морские ежи, ты не местная. Потом ещё иголки вытаскивать из рук. Только любуйся.

– Это всё настоящее?

– Да, это чья-то фантазия. Одного из первых духов, который пришёл на четвёртый план. Уже стёрлось из памяти, кто именно это придумал, но всем так понравилось, что фантазия закрепилась и стала реальной для всех обитателей этого плана.

Они всё летели и летели. Внизу медленно двигалась какая-то субстанция: она переливалась всеми цветами радуги и по консистенции походила на лаву вулкана. Иногда Тимофей спускался чуть ниже, и Пятницкая различала в этом потоке одинокие строения, большие поселения, леса, реки, моря и даже пустыню.

– Ты говорил, что на четвёртом плане бытия нет расстояний. А мы летим уже значительное время.

– Нет расстояний. Всё верно. Мы могли бы оказаться в нужном месте за мгновение, но разве не занимательно путешествовать по чьим-то фантазиям?

– Мне сейчас интереснее поспать.

– На Земле пройдёт лишь несколько мгновений, ты ещё успеешь выспаться.

– Боюсь, впечатления теперь не дадут мне это сделать.

– Ты хочешь долететь?

– Да, хочу. Я налюбовалась видами, спасибо. У меня хоть и открылось очередное дыхание, но я не уверена, что меня хватит надолго.

Орёл камнем полетел вниз и через мгновение высадил Вику на небольшой полянке, усыпанной цветущими кустами земляники. За густыми деревьями справа виднелась высокая скала. Слышался шум водопада.

– Тебе туда, – сказал Тимофей, указывая на скалу. – Там пещера. Иди внутрь, к костру.

Вика лишь кивнула и пошла. Она так устала, что делала всё на автомате. Неважно, сколько мгновений пройдёт на Земле, ведь для неё это не были мгновения.

На минуту Пятницкая задержалась у небольшого водопада. Маленькое бирюзовое озеро под ним растекалось на три ручья. Вика пожалела, что нет времени неспешно насладиться этой красотой: попасть бы сюда при других обстоятельствах! Но пещера была совсем рядом и зияла чёрным входом. Снаружи она казалась большой, но как только Вика шагнула внутрь, огромное пространство почти сразу сменилось небольшим коридором с чадящими факелами, заманивающими тусклым светом куда-то в глубь скалы.

Вика шла всё дальше и дальше – то поднимаясь, то спускаясь, но неизменно продвигаясь вперёд. Кажется, она брела уже минут пять, а может, и больше – здесь запросто мож-

но было потерять счёт времени. Но коридор всё же кончился: Вика очутилась в огромном подземном гроте. Здесь текла неширокая лазурная река – вероятно, та, что потом изливалась наружу водопадом. Вода хаотично окрашивала бело-голубой известняк пещеры удивительными оттенками – от сине-зелёных и бледно-васильковых до фисташковых и сине-фиолетовых.

В середине небольшого плато возле подземной реки горел костёр. Языки пламени тоже отдавали синевой. Рядом возвышался массивный каменный трон, стоящий точно на условной линии, соединяющей выход из коридора, по которому пришла Пятницкая, с входом в какой-то ещё один коридор. Вика села на трон и стала рассматривать пещеру. Цветовая гамма очень расслабляла её, как и пляшущий огонь, завораживающий своим танцем. На глубоком выдохе Вика прикрыла глаза, расслабляя зажимы в шее, а когда открыла их, то в проходе напротив увидела чёрного медведя: массивного, грозного и тихого. Вика совсем не испугалась. Она встала и подошла к костру. Медведь тоже приблизился. Теперь между ними были только языки пламени.

Пятницкая посмотрела в глаза животному. Там не было и намёка на дружественный настрой. Там было величественное спокойствие. Медведь кивнул головой и сделал шаг вперёд, вставая прямо в костёр. Огонь расступился, не причинив ему никакого вреда. Медведь стоял и смотрел на Вику: ждал. Она улыбнулась от страха, громко выдохнула и тоже

шагнула прямо в костёр – в объятия пламени и огромного чёрного зверя.

* * *

Пятницкая открыла глаза. Она лежала на кровати в спальне загородного дома. Виктор мирно сопел рядом, обнимая подушку. Вика улыбнулась, глядя на мужа, но вдруг вспомнила его вчерашнюю просьбу уйти из банка и поёжилась: захотелось отстраниться от любимого мужчины. Она присела на кровати и встряхнула головой, отгоняя нахлынувший негатив, как морок. Было шесть утра. Вика чувствовала себя усталой, но понимала, что больше ей не заснуть.

Она выскользнула из спальни, сделала себе на кухне растворимый кофе и вышла на широкую веранду с видом на разноцветный осенний лес. На аналогичной веранде соседнего коттеджа Вика заметила маму: та сидела в плетёном кресле, укутанная пледом, и держала в руках чашку чего-то горячего. Кажется, она смотрела не в даль, а внутрь себя.

– Доброе утро, мам, – поздоровалась Вика, подходя к ней и присаживаясь на рядом стоящее кресло.

– Доброе, – печально сказала Анастасия Георгиевна, а потом словно очнулась: – Рада тебя видеть, – уже с улыбкой добавила она, но глаза выдавали грусть.

– Всё нормально? – смутилась Пятницкая. Она никогда раньше не видела маму в таком состоянии.

– Нет, – ответила та после недолгой паузы. – Они стали учить тебя сами. Значит, я не справилась с моей задачей. Вижу, ты соединилась со своим тотемом.

– Да, – подтвердила Вика, но тут же быстро затараторила, осознав двусмысленность сказанного: – Нет. Подожди. О чём ты? С чем не справилась?

– Со своей единственной задачей: обучить тебя искусству исцеления.

– Но ты же учишь меня!

– Когда мы в последний раз с тобой беседовали об этом?

Вика замялась.

– Вот и я о том же. Почти не учу. А ты всё дальше отдаляешься от своего истинного пути. Это может быть очень опасно.

– Просто много событий. Знаешь, как много вопросов у меня накопилось к тебе по исцелениям?! Я просто не успеваю спросить.

– А между тем это твоя основная работа. Ты была рождена как целительница. Всё остальное – второстепенно.

– Ничего себе второстепенно... Посмотри, какую я карьеру сделала в банке. Я теперь руковожу службой.

– Это побочный эффект от подключения к эгрегору банка. Вопрос цены, которую ты потом за это заплатишь.

– Я работаю на максимуме своих возможностей.

– Это хорошо. Это оберегает тебя. И всё же твоё – это исцеления. Не будешь делать эту работу для мира – случится

беда, – Анастасия Георгиевна на мгновение замолчала, а потом печально сказала: – Ты отдалилась от меня. Наша связь теряет былую прочность. Это моя плата за то, что я не справляюсь с поставленной задачей.

– Мам, ну что ты? – обеспокоенно сказала Вика, обнимая её. – Я тебя очень люблю. Просто я выросла и замуж вышла.

– Да, – как-то быстро согласилась Анастасия Георгиевна и погладила дочь по голове. – Я тоже тебя люблю. У тебя были какие-то вопросы ко мне?

– Да, – кивнула Пятницкая. – Я как мантру всегда и всем повторяю, что исцелить человека могу лишь только с его согласия. Но ведь это неправда. Было как минимум два случая, когда я спасла людей без спроса. Это Алексей и Иван Михайлов. Помнишь, я говорила тебе о Иване? Он из Правительства Москвы. Так всё-таки мы можем исцелять людей без их ведома?

– Технически – можем. Только я настоятельно тебе рекомендую этого не делать ни при каких обстоятельствах. Когда человек соглашается на исцеление, то он берёт на себя ответственность за свою дальнейшую жизнь. Это его выбор. Его законное право. Когда ты делаешь выбор за него, ответственность – на тебе. И ты за это будешь расплачиваться, так как изменила ход судьбы. Ты не имеешь права менять чью-то жизнь. Это право Бога или самого человека. Каждое наше действие имеет свои последствия.

– Как же врачи реанимации, например? Они часто спаса-

ют жизнь человека, не спрашивая его.

– Не путай мягкое с тёплым. Мы наделены силой, которой нет у врачей. Мы ответственны за использование нашей силы, и есть правила. Хотя врачи тоже отвечают за свои действия – только изначально перед законом. Мы же – сразу перед Богом. Нас судьба точно миловать не будет. Вспомни, что произошло после того, как ты исцелила Алексея. Что он сделал? Причинил тебе боль, вернувшись к Лене. И хотя вы сейчас хорошо общаетесь, я не уверена, что на этом завершится ваша непростая история.

– Он изменился, мам.

– Дай бог! А что с Михайловым? Как ты расплачиваешься за это самовольное исцеление?

– Он попросил меня исцелить мальчика, который в итоге умер. И он не верил мне. В мою силу, – грустно ответила Вика.

– Видишь?! Повторюсь, что каждое наше действие имеет последствия. Не стоит больше экспериментировать и самовольно кого-то исцелять. Высшие силы умнее нас, знают больше нас. Доверяй естественному ходу событий, иди по судьбе. А все, кого ты и правда должна исцелить, дадут своё согласие.

– Как-то это очень просто, – смутилась Вика.

– Просто, да непросто. Даже ты не принимаешь свою судьбу, хотя знаешь намного больше обычного человека.

– Мам, но я же исцеляю людей. И как ты сама говорила,

исцеляю тех, кто сам ко мне приходит.

– Ты уже должна была исцелять больше людей и более сложные случаи. Не тех, кто готов к исцелению, а тех, кто только созревает для перемен в его жизни.

– Ты не права. Я тут смогла исцелить Анну. Ту девушку, которой мне когда-то не удалось помочь. Я говорила с ней, задавала ей вопросы. Я вообще сейчас с людьми начала разговаривать.

– Это очень хорошо. Наша работа и заключается в том, чтобы слушать людей и иногда направлять к истине.

– Ты всегда меня слушаешь, – закивала головой Вика, вспоминая первые минуты их встречи. – Мне это очень важно.

– Я рада, – снова грустно улыбнулась мама.

– У меня, кажется, назревает проблема, – осторожно начала Пятницкая, ещё не понимая, как всё верно рассказать. – Виктор хочет, чтобы я ушла из ТТК-банка. Он ревнует меня к Алексею. А я не хочу уходить. Ты, конечно, понимаешь, что дело не в Лёше. Я не хочу уходить с работы. Я болезненно воспринимаю каждый разговор об этом – мне физически больно. И не понимаю почему. Я боюсь, что это как-то изменит мои чувства к мужу. А я не хочу.

– Это последствия подключения к эгрегору. В твоём сознании теперь есть некий вредоносный вирус, который активизируется, как только кто-то хочет разорвать твою связь с эгрегором банка. Так эгрегор защищает вашу связь, ведь от-

нимают его собственность. Старайся контролировать себя, хотя я знаю, что это непросто. Будет физическая боль, будет агрессия в сторону тех, кто станет мешать твоей работе в банке.

– И что же мне делать, чтобы отключиться от эгрегора? –

Вика почувствовала тяжесть в висках.

– Уйти из ТТК-банка самой. Первое время будет очень тяжело, но однажды отпустит.

– Нет, – покачала головой Вика. – Странное предложение.

– Это не предложение, а единственный путь. Ты подключилась к эгрегору, тебе и разрывать эту связь. Больше никак. Если по судьбе тебе работать в ТТК-банке, то ты вернёшься обратно через какое-то время. А если не по судьбе, то и неважно.

– Как же неважно? – искренне возмутилась Вика. – Посмотри, как у меня всё хорошо выходит там!

Анастасия Георгиевна улыбнулась:

– Сейчас ты это говоришь именно под воздействием эгрегора. Удивительно, какая хорошая интуиция у Виктора. Вот уж не думала, что он так непрост.

Вдруг дверь распахнулась, и на веранду вышел Ваня. Он увидел Вику, расплылся в счастливой улыбке и тут же залез к ней на колени. А потом появились Ольга, Дарья Владимировна и Виктор. Сразу стало шумно и весело, и уже было не до эгрегора.

После семейного завтрака Вика с мужем уединилась в их комнате, а потом крепко заснула, игнорируя доводы Виктора и манкируя общением с близкими. Не могла она ждать ночи, слишком уж устала.

Открыла глаза она уже в три часа дня. Снова умылась и привела себя в порядок. На втором этаже коттеджа слышались какие-то шорохи: там были спальни Маши со Стасом и Саши Петрова.

Пятницкая поднялась наверх в надежде увидеть свою подругу и застыла в конце лестницы: в приоткрытой двери спальни Петрова она заметила его самого и Ольгу Поспелову – они страстно целовались. Вика потрясла головой, прогоняя видение, но картинка не изменилась – это точно был не сон: они целовались. Первый шок прошёл, и Пятницкая подумала, что всё это даже хорошо.

Поцелуй закончился. Ольга встретилась глазами с улыбающейся Викторией, вздрогнула и попыталась отстраниться от Александра. Тот обернулся, понял, что их застукали, но не дал Оле отойти, а наоборот, взял её за руку и вывел из спальни.

– Привет! – улыбаясь, поздоровалась Вика. – Витя уже знает?

– О чём? – послышался голос Поспелова, поднимающего-

ся по лестнице. – Пришёл тебя будить, а ты уже встала, – улыбнулся он Вике и чмокнул её в шею. – Так о чём я должен знать? – весело переспросил он, переводя взгляд на друга и бывшую жену.

Виктор заметил, что Петров держит Ольгу за руку, и улыбка исчезла с его лица. Загуляли желваки. Руки и спина напряглись.

Петров достойно выдержал тяжёлый и пристальный взгляд Виктора и честно признался:

– Мы вместе полгода. У нас всё серьёзно. Надеюсь, ты как мой лучший друг примешь наш выбор.

– Друг, – холодно повторил Пospelов, сжимая кулаки.

Пятницкая прикрыла глаза, мгновенно оказалась у источника энергии истинной любви и направила поток на коттедж, разряжая обстановку, а потом спокойно сказала мужу:

– Милый, я знаю, что мне сейчас лучше бы промолчать и не мешать мужчинам решать их вопросы, но, прошу тебя, удели мне всего пять минут своего времени и выслушай. Оля пока пойдёт к Ване, а Саша выйдет на веранду и будет тебя там ждать для мужского разговора.

Виктор молчал и не двигался.

– Мы вообще можем прямо здесь поговорить, а Оля и Саша пойдут. И Саша дожётся тебя на веранде, – повторила Виктория, многозначительно посмотрев на Петрова.

– Да, – согласился Петров и потянул Ольгу за руку.

Они спустились вниз. Виктор, тяжело дыша, освободил

им путь.

– Милый, – бойко начала Пятницкая, даже не пытаясь смягчить или приукрасить свою речь, – я сейчас возвращаю тебе твои же слова. Перед тем как расстраиваться, а в твоём случае – набить морду лучшему другу, оцени ситуацию. У Ольги однажды всё равно появится мужчина. Она же красавица. И кому-то будет в кайф, что она домоседка и хорошо готовит. Значит, у Вани появится отчим. Так вот, какой-то неизвестный тебе мужик будет воспитывать твоего сына, живя с ним в одной квартире. А раз Саша говорит, что у них с Олей всё серьёзно, значит, точно серьёзно. И разве плохо, что этим мужиком откажется твой лучший друг, крёстный отец твоего сына? Это же идеальный вариант! Ваню будут воспитывать близкие тебе люди, которым ты доверишься. Ты Ольгу никогда не любил. В официальном разводе вы почти два года. Они встречаются только шесть месяцев. Нельзя его обвинить в том, что он увёл твою женщину.

Виктор снова лишь тяжело выдохнул.

– Я не мужчина, – продолжила Вика. – Я не знаю особенностей мужской дружбы. Я всего лишь призываю тебя думать логически. И хочу напомнить, что Оля тебя простила и спокойно отпустила. Благодаря ей мы вместе. Разве это не повод позволить и ей быть счастливой?

– Да, повезло мне с женой, – неоднозначно сказал Виктор и пошёл вниз.

Его и Александра не было около двух часов. Пришли они

изрядно выпившие, однако в хорошем расположении духа. В итоге Ольга с Ваней переместились из коттеджа родительского в молодёжный, заняв свободную спальню на первом этаже. Туда же перешёл и Петров.

Пятницкая не спешила приписывать себе заслуги по примирению сторон, ведь уладить конфликт ей помогла не её пламенная речь, а божественная энергия, которую она регулярно опускала на Витю и Сашу, пока те где-то разговаривали по душам.

* * *

После затяжного совместного ужина за длинным столом, накрытом в большой гостиной молодёжного коттеджа, родители Пятницкой и Пospelова ушли в свой дом – спать, как они сказали, хотя на часах было только девять вечера. Ваню тоже забрали – бабушка с дедушкой пообещали и уложить его, и накормить с утра кашей.

Оставшиеся переместились к камину – на диван и кресла. Петров раздвинул шторы: в панорамных окнах темнел ночной лес.

– Как насчёт кавы? – спросил он. – Мне недавно пришла партия чёрной кавы из Каталонии. Уверен, вы такое игристое не пробовали и оно вам придётся по нраву больше, чем шампанское.

– Коньяк тоже из винограда, – усмехнулся Виктор, под-

держивая друга. – Принесу бокалы.

– Ну вот. Не мог сразу предупредить?! – с шутливым укором сказала Виктория. – Я пила виски.

– А я вино, – заулыбалась Маша. – Неси!

Скромная Оля как всегда промолчала и лишь слегка улыбнулась.

– Помочь? – предложил Стас. – Чувствую, нам одной бутылки не хватит.

– Да, помочь. Я ещё девчонкам десерты привёз от нового шеф-кондитера. Это что-то космическое!

– Саша! – смеясь, вновь запротестовала Вика. – Что ж ты не предупредил, я ведь уже объелась.

– Вот и правильно, – отмахнулся Петров. – Десерты нужно есть исключительно на полный желудок, чтобы всецело наслаждаться их вкусом, а не удовлетворять ими голод.

– Не слушай её, неси! – засмеялась Мария.

Девушки получили три красивые квадратные коробочки разных цветов, обвязанные белыми лентами.

– Открывайте по очереди, – попросил Александр. – Эти десерты заслуживают, чтобы ими сначала полюбовались. Маша, начинай. Потом Вика, а последняя – Оля.

Никто не стал возражать. И под звук открывающейся бутылки кавы Маша развязала ленту и открыла бирюзовую коробочку. В ней лежал пончик, облитый синей глазурью и усыпанный мелкими ракушками и морскими звёздами из марципана. Из дырки пончика торчал хвостик серебристой

шоколадной рыбки, как бы ныряющей внутрь десерта.

– Я не смогу это есть. Это очень красиво, – театрально захныкала Маша.

И тут же за окном зажглось пять неоновых жёлтых звёзд, установленных на небольшой поляне перед лесом.

– Ого! – радостно воскликнула Вика. – Интрига!

Мужчины явно были в сговоре: они упорно молчали и сдерживали гордые улыбки.

Пятницкая поспешила открыть свою фисташковую коробочку. В ней стояла тарталетка из белого шоколада: справа она была заполнена белым муссом, а слева – россыпью заиндевевших черничек. По ободку десерта рассыпались марципановые маленькие цветочки-незабудки, а в середине красовалась бабочка.

– Ах! – замороженно вздохнула Виктория.

А на улице зажглись пять неоновых голубых цветочков.

Все притихли: теперь была очередь Оли. Она медлила, кусая губу. Кажется, даже ей уже стало понятно, к чему всё идёт, и она то ли смушалась, то ли боялась ошибиться в предчувствиях.

– Открывай, – приободрил её Саша.

Ольга осторожно улыбнулась и развязала розовую коробочку. Там была пиала из белого шоколада с нарисованными глазками, торчащими ушками и радужным муссом, который дыбился завитком, словно грива лошадки. И ещё был рог. А на нём блестело обручальное кольцо.

На полянке тотчас зажглось пять неоновых красных сердечек.

Оля подняла глаза на Сашу. Тот широко улыбался. Все молчали, радостно переглядываясь. Маша не выдержала первой.

– Саша, что ты молчишь? Озвучь уже своё предложение! – торжественно сказала она, как дирижёр размахивая руками.

– Оля, я люблю тебя и хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты согласна? – улыбаясь, спросил Александр.

– Да, – тихо ответила Ольга, вновь смущённо закусив губу и опустив глаза.

Послышались радостные возгласы и аплодисменты. И Саша наконец обнял и поцеловал свою будущую жену прилюдно, уже не скрывая, что они вместе. А вскоре Оля и Петров и вовсе скрылись в спальне на втором этаже.

Вика вышла на веранду, кутаясь в плед. Неоновые фигурки ещё горели. Это было романтично.

– Пора выключать огни, – сказал Виктор, присоединяясь к жене.

– Ещё пять минут на романтику – и выключишь, – попросила Виктория. Сквозь её улыбку проглядывала лёгкая грусть.

– Тебе ли сетовать на отсутствие романтики? – тоже улыбнулся Витя. – И да, у тебя есть больше, чем пять минут. Нужно ещё пульт найти. Не спросил у Саши, куда он его положил.

– Когда вы успели установить огни?

– Это не мы, попросили отцов.

– То есть почти все всё знали?

– Да, они тоже рады за них. Оля беременна. А я всё не мог взять в толк, почему Сашка так торопится закончить загородный дом. Скоро туда переедут.

– Это здорово. Ване будет раздолье. А то у них такой район, что до ближайшего дерева нужно ехать на машине, – пошутила Вика.

– Ладно тебе. Там есть скверик рядом. Хороший район. Тебе не нравится? До Кремля пешком полчаса.

– Я работаю в Москва-сити. Что мне Кремль? А почему ты спрашиваешь про тот район? Хочешь, чтобы мы переехали в ту квартиру?

– Нет. Пусть останется для Вани, – немного грустно ответил Виктор и многозначительно замолчал.

– Что не так, милый? – не понимая, спросила Пятницкая.

– Меня беспокоит, что мы до сих пор с тобой живём в съёмной квартире. Может, поэтому ты ещё не беременна?

– Как это связано? – усмехнулась Виктория.

– Ты не уверена во мне, – пояснил Пospelов, смущая Пятницкую таким ответом. – Нет стабильности.

Шутить ей сразу расхотелось. И она очень серьёзно сказала:

– Я уверена, что хочу прожить с тобой всю жизнь. Уверена, что у меня лучший мужчина. Уверена в своей любви к тебе. Это в готовности стать матерью я не уверена. Прости

меня.

– Я люблю тебя. Я говорил: я буду ждать.

– Ты так сильно хочешь ребёнка?

– Я думаю иногда: а вдруг что-то случится? Тебя не станет. И если у нас будет дочь или сын, я уже не буду одинок.

Виктория молчала, не веря, что подобное говорит Виктор.

– Я знаю, как это звучит, милая. Странно звучит. Не похоже на меня. И всё же такие мысли приходят в мою голову и выводят меня из равновесия. Поэтому да, я очень хочу, чтобы у нас был ребёнок.

– Я тоже не знаю, почему мне так страшна даже мысль о беременности. Может, мне не по судьбе дети в этой жизни? Не понимаю.

– Теперь и Ваня будет жить за городом. Уже не захватить вечером после работы навестить его. Петров говорит, что рядом с ними продают хороший участок земли. Давай купим? Что думаешь?

– Если хочешь, купи. Не скажу, что я мечтаю о загородной жизни, но всё может поменяться.

– Для начала я, конечно, хочу купить нам квартиру в Москве, а не ввязываться в стройку дома, где мы будем проводить в лучшем случае выходные.

– Давай вместе начнём копить на квартиру? – предложила Виктория. – Можем переехать и снять квартиру попроще.

– Милая, у нас не всё так плохо с деньгами. Даже сейчас, когда я без работы, – снова улыбнулся Виктор. – Трать свою

зарплату на себя. А лучше поскорее уходи из ТТК. Мы можем купить квартиру уже сейчас, но не ту, какую я бы хотел. У меня большие запросы: размер, район, вид из окон. И раз нет ничего более постоянного, чем временное, то я хочу купить такую недвижимость, которую не захочется потом поменять.

Вика вновь посмотрела на неоновые фигурки и грустно улыбнулась: хоть они сейчас радовали её. Потому как разговор выдался не самый простой.

– Мы справимся, – сказал Пospelов, обнимая жену.

– Конечно, – согласилась она, положив голову на его плечо. – Пора всё же выключать эту иллюминацию.

– Согласен. Может, потом спать?

– Я выспалась, – усмехнулась Виктория.

– А я пойду спать, чтобы не пропустить утро. Уже почти одиннадцать.

Вика вернулась в гостиную к камину одна. Мария тоже сидела на диване в одиночестве.

– Где Стас? – спросила Пятницкая.

– Ушёл спать, – усмехнулась Маша. – Гляжу, Витя тоже не выдержал и отправился спать. Вот так сильный пол!

– Боевой настрой у тебя, – отметила Виктория, смутившись.

– Не. Просто накрыло мыслями.

Маша сделала паузу, и Вика успела сесть рядом с ней в кресло. А после подруга продолжила свою речь:

– Посмотри, как везёт Ольге. Вроде тихоня. А уже второй раз удачно замуж выходит. Вот как они с Виктором познакомились? Как поженились? Она же за весь вечер только пару слов и произнесла: «здравствуйте» да «до свидания».

– Они из одного города. Через каких-то друзей познакомились уже в Москве. Наверное, на этом фоне и сошлись, что земляки. А поженились, потому что Виктор решил, что пора завести семью. Оля казалась ему подходящей парой, всецело принимающей его трудоголизм и частые командировки.

– Так ещё и не москвичка. А уже квартира есть в центре, – немного зло заметила Мария. – Ребёнок растёт. Петров предложение сделал. Далёко не бедный и вообще видный парень решил жениться на женщине с ребёнком. Ты сама рассказывала, что он менял девушек как перчатки. Одна краше другой, и тут Оля. И хотя она красива, всё же почему? Впрочем, знаешь, она сегодня почти ничего не пила. Только вид делала. Может, Оля беременна?

Вика не стала отвечать на вопрос подруги, а наоборот, сама спросила её:

– Маш, дело же совсем не в Оле. Тебе всегда было плевать на то, кто с кем и почему. Что у тебя случилось?

Глаза Маши были на мокром месте, но она не позволила себе пустить слезу. Вытерла глаза руками и грустно ответила:

– Мы со Стасом десять лет. Только представь! Всё изначально было так романтично: цветочки, киношки, кафеш-

ки. Он меня ждал до восемнадцати лет. И пальцем не тронул. Потом стали жить вместе и всё живём и живём. Чего он ждёт? Мне двадцать шесть, ему тридцать один. Почему он на мне не женится? Разве нам уже не пора?

– Вы не говорили ни разу об этом? – осторожно спросила Виктория.

– Нет. Я терпеливо жду, он молчит. И почему Оле воздаётся за её терпение и принятие, а мне нет? Что, я не скромна? Стас – мой единственный мужчина. Я уже восемь лет борщи готовлю, а у меня даже белого платья не было, сразу одни обязанности.

– Вы же ходите по кафешкам и киношкам до сих пор. Сколько стран объездили...

– Я не об этом сейчас! – отмахнулась Мария. – Мы уже год не предохраняемся. А я так и не беременна. Не спрашивай про врачей. Я у них была. Поставили бесплодие только потому, что восемь лет половая жизнь есть, а детей нет. Не знают они, по какой причине я не могу забеременеть. Всё идеально с точки зрения здоровья.

– А может, дело не в тебе?

– Стас сдавал спермограмму, дело не в нём. Всё у него хорошо.

– Прости меня, я бы посмотрела сейчас тебя, но изрядно выпила. В таком состоянии мне сложно отключать свои мысли и нормально видеть. И ты тоже выпила.

– Конечно, через год, если ничего не изменится, помо-

жешь мне, – с досадой сказала Мария, поднимаясь и собираясь уходить.

– Маш, ты чего? – остановила её Вика.

– Ничего. Когда мы виделись с тобой в последний раз? Месяц назад или два? Ты в своей работе с головой. Когда ни позвонишь – то совещание, то срочное письмо. Мы перестали общаться.

– Ты по-прежнему моя лучшая подруга, – искренне сказала Пятницкая.

– Да, конечно! – с сарказмом бросила Мария.

– Давай завтра утром?!

– Завтра день отъезда. Утром все встанут рано, раз уже спать разошлись. Ладно, не бери в голову. И извини меня. Всё верно. Я пьяна. Это алкоголь излишне развязал мне язык. Завтра уже буду как обычно шутлива и мила.

– Не нужно быть со мной милой, если на душе у тебя кошки скребут, – одёрнула её Вика. – Ты моя лучшая подруга. Я приму тебя любой. У меня, кажется, есть идея. Подожди, позвоню кое-кому. Не уходи.

Пятницкая вышла на веранду. И позвонила маме, невзирая на время.

– Мам, извини, если разбудила. У меня есть важная просьба.

– Не разбудила, я читаю.

– Ты намного сильнее меня, можешь нас с Машей сейчас отрезвить? У неё есть проблема, я бы хотела с этим порабо-

тать.

Анастасия Георгиевна ответила не сразу, вероятно, про-
сматривая ситуацию:

– Не нужно тебе сейчас с ней работать. Лучше покажи ей
путь к источнику. Пусть сама туда походит какое-то время.
Так и отрезвлять мне вас не придётся. Нечего торопить со-
бытия.

– Отвести к источнику? – удивилась ответу Вика.

– Я сейчас увидела её возможное будущее. Это умение пе-
ревернёт и улучшит её жизнь. Пора ей узнать про источник.

– Хорошо, – больше не стала спорить Вика.

Она вернулась в дом и, как прежде и Смолина, провела
подругу к источнику божественной энергии.

Маша ушла спать под большим впечатлением, Пятницкая
же осталась у камина – смотреть, как языки пламени обли-
зывают берёзовые брёвна. Иногда ей мерещилось, что пламя
становится синего цвета. Она не могла списать это на уста-
лость, если только на алкогольное опьянение. В ушах стран-
но зазвенело.

– Иди на четвёртый план бытия в пещеру к костру, – ска-
зал ей Тимофей, не здороваясь. – Тебе стоит пообщаться со
своим тотемом. Иди сама. Ты уже сможешь найти дорогу и
без меня.

– Хорошо, – согласилась Виктория.

Перед встречей с тотемным животным Виктория реши-
ла подняться к источнику, чтобы наполнить себя божествен-

ной энергией: кто знает, сколько продлится приключение. Это окончательно отрезвило её. И там, сливаясь с энергией безусловной любви, она осознала, что может прямо оттуда спуститься на четвёртый план бытия, всего лишь загадав место прибытия. Пусть в этом будет меньше красоты, зато она мгновенно достигнет пункта назначения.

И Вика тут же переместилась в пещеру – прямо в синее пламя. Медведицы нигде не было, хотя она ощущала её присутствие. Пятницкая подошла к неспешной реке, чтобы полюбоваться лазурной водой, и увидела своё отражение: её окутывал прозрачный образ животного.

Вике странно было видеть себя такой. И дело было вовсе не в обличье, просто она чувствовала в себе силу и мощь. Теперь, войдя в комнату переговоров с руководством банка, по энергетике она была бы с ними на равных, невзирая на отсутствие должного опыта и регалий. Не нужно было бы окутывать себя непроницаемым шаром или наполнять дополнительную энергией. Ей было удивительно ощущать себя столь значимой фигурой без использования магии. И снова этот факт ей пока было сложно принять. Она не понимала, как соединение с тотемным животным может дать такую мощь. Может, это лишь сон? Может, она выдаёт желаемое за действительное?

С этими мыслями Виктория пошла спать, с ними же проснулась около шести утра. Крепко обняла спящего рядом мужа и попыталась опять заснуть, но не вышло. Вика реши-

ла себя не мучить, встала, налила кофе и выскользнула на веранду.

У соседнего коттеджа в кресле сидела большая лиса. Пятницкая резко закрыла глаза: это недосып или алкоголь? Спустя пару мгновений посмотрела вновь, увидела вместо лисы свою маму, облегчённо выдохнула и пошла к ней.

– Привет, милая! Ты снова не спишь в такую рань? – удивилась Анастасия Георгиевна, увидев дочь.

– Не могу. Просыпаюсь и всё.

Мама пристально посмотрела на неё, едва заметно качнула головой, явно неодобрительно, а потом сменила тему беседы:

– Не спросила вчера, какое у тебя основное тотемное животное? Медведица или пантера?

– Медведица, – ответила Вика. – Чёрная, если это важно.

– Отчасти важно. А я всё гадала, что за животное. И да, чёрная. Ты более продуктивна в тёмное время суток, у тебя тесная связь с луной и землёй. Ты сильна, хоть пока и не принимаешь это на веру. И порой тебе жизненно необходимо одиночество. Да, медведица, теперь это кажется очевидным. Для пантеры ты слишком быстро адаптируешься в новых обстоятельствах, а они не любят быстрых изменений, да и предпочитают не выходить из зоны комфорта.

– Ты же сразу увидела, что я соединилась со своим тотемом, разве не увидела с каким?

– Нет, это видит только сам человек, и только он может

показать или рассказать другим. Я лишь могла догадаться по некоторым чертам твоего характера и предрасположенностям.

– А твой тотем – лисица? – вдруг спросила Пятницкая. Мама недоумённо улыбнулась.

– Я это увидела, мам, – поразились Вика своей догадке. – Странно, что ты сказала, что это невозможно.

– Ты сильнее, чем я предполагала. Снимаю шляпу.

– Ну что ты... – смутилась Виктория.

– Да-да, сильнее и меня, и тех, кого я знаю. Однажды ты это поймёшь и примешь.

– Как-то странно всё, мам: с одной стороны я слышу, что однажды это придёт, с другой стороны слышу, что опаздываю по своему божественному расписанию. Как такое возможно?

– В этом есть и моя вина, – спокойно признала Анастасия Георгиевна. – Не нужно мне было прерывать твоё обучение. Я ошиблась тогда. Впрочем, нет проку от горестных мыслей, этого уже не изменить. Надеюсь, ты сумеешь наверстать упущенное.

– Делаю что могу, – успокоила её Виктория. – Какая особенность у твоего тотема?

– Быть незаметной, – усмехнулась Анастасия Георгиевна. – Я быстро адаптируюсь в любых ситуациях, поэтому можно неверно подумать, что я всегда спокойна и рассудительна.

– А это не так? – пошутила Вика.

– Ничто человеческое мне не чуждо, даже негативные эмоции, – тоже пошутила мама. – Лисья мудрость и скорость к адаптации позволяют мне быстро понять суть происходящего, и эмоции сходят на нет за ненужностью. Это опыт. Ты сейчас тоже получаешь этот опыт и редким людям показываешь свои истинные чувства, однако проживай свои эмоции потом, в одиночестве или с кем-то – неважно. А пока ты их, как я вижу, копишь внутри, а не проживаешь. Это плохо. Это мина замедленного действия. Эмоции нужно проживать, пусть не в моменте, когда это не идёт на пользу при тех или иных обстоятельствах, но при первом же удобном случае.

– Как проживать?

– Нужно позволить себе злиться, обижаться, негодовать, кричать и плакать. Хотя бы бить подушку. Пока вдруг не почувствуешь, что нечего уже проживать и действие покажется бессмысленным. Посмотри, что произошло только что: я призналась, что испортила твою жизнь, а ты вместо хоть какой-нибудь реакции на это, перевела тему разговора в другое русло.

– Ты вырастила меня, – запротестовала Пятницкая.

– Это сейчас в тебе говорит хорошая дочь. Я же не снимаю с себя ответственности за свой поступок. Я была не права, что оборвала твоё обучение. Когда однажды ты это поймёшь и придёшь в ярость или другая яркая эмоция захлестнёт те-

бя, я готова буду это услышать и принять как есть.

– Мне как-то сейчас страшно от твоих слов.

– Мне тоже, милая. И всё же мы справимся! Я тебя очень люблю. И я всегда рядом.

– И я тебя, мам! Мне повезло с родителями.

Мама лишь грустно улыбнулась последней фразе дочери и больше ничего не успела сказать – на веранду вышла Дарья Владимировна с подносом, уставленным чашками. Запахло пряно-мятным чаем. Вика вдохнула аромат и подумала: как только Виктор выбрал её в жёны, ведь его мама такая кулинарка, а она даже макароны варит по инструкции на пачке.

* * *

Виктория сидела на веранде и смотрела, как мужчины жарят шашлык и беседуют, потягивая пиво из бутылок. Дарья Владимировна играла с Ваней в мячик на лужайке, Анастасия Георгиевна на кухне готовила салаты к обеду, а Оля и Маша пошли поплавать в бассейне в основном здании отеля.

Вика же думала о работе, о том, что пора увольнять Веру Кузнецову. И ей было не по себе. Она никогда раньше никого не увольняла, не знала, как это делать и как набраться духу, чтобы не дрогнуть и не отступить.

– Милая, у тебя столько печали на лице, словно ты кого-то хоронить собралась, – сказал Поспелов, подходя к ней и садясь в соседнее кресло. – Вокруг всеобщая идиллия и

счастье, а ты грустишь? И ведь даже моя мама ни разу тебе не напомнила про внуков. Хорошая тебе пришла идея – собраться большой толпой.

– Видимо, это Ваня отвлек её от мыслей об очередном Поспелове, – предположила Вика и улыбнулась, но тут же переключилась на серьёзную волну: – Я всё думаю, как бы правильно уволить одного человека. Хотя, может, его уже и не нужно увольнять, раз ты хочешь, чтобы я сама уволилась.

Виктор внимательно посмотрел на Вику и спросил:

– Ты считаешь, что человек не на своём месте?

– Да, верно. Зарплата у Веры Кузнецовой, это та, о ком я думаю, большая, а функционал – нет, да ещё она постоянно просит кого-то ей помочь. Вера не соответствует своей должности.

– Тогда совсем неважно, уходишь ты из банка или нет. До последней минуты в ТТК делай свою работу хорошо. И если ты как руководитель видишь, что сотрудник не соответствует должности, тогда увольняй. Впрочем, сначала у меня к тебе вопрос: ты с ней говорила об этом?

– Нет, только пару раз делала замечания, что она совместно с кем-то выполняет задания, которые я дала лично ей. Она отвлекает других и не слушает меня. Мне это не нравится.

– Вполне законные поводы для увольнения. Поговори с ней. Только не просто о том, что тебя не устраивает в её работе, а укажи на то, что ты ждёшь от неё, что она должна выполнять, в какие сроки и прочее. То есть дай ей понима-

ние, что именно ты ждёшь от неё. Она сколько уже работает на этой позиции?

– Два года.

– Тем более нужно поговорить, чтобы Кузнецова понимала твои требования к ней как к сотруднице. Дай ей шанс.

– Да вроде уже давала. Хотя ты прав, я не указывала на то, чего жду от неё, а говорила, что ей не следует делать.

– Я однажды принял за правило трижды разговаривать с сотрудником об увольнении. Первый раз объяснял, почему человек не соответствует и что я от него жду. Второй раз, если действия сотрудника продолжали меня не устраивать, давал последний шанс и ставил ряд проверочных задач, исполнение которых сам жёстко контролировал. Если это не помогало, третий раз предлагал подписать бумаги об увольнении по соглашению сторон. В моей практике при такой схеме люди готовы были подписать соглашение об увольнении, потому что уже сами видели своё несоответствие занимаемой должности.

– Дать несколько шансов – добрый совет. Сейчас у меня ощущение, что я ломаю жизнь человеку, а так я буду понимать, что это его выбор – не делать свою работу хорошо. Ты сам до этого додумался?

– Нет, – усмехнулся Пospelов. – Меня так уволили с моей первой работы в небольшом банке. Я получил прекрасный урок. С меня сбили спесь, и я понял: меньше слов и больше дела. Помнишь, я говорил, что отличает обычного сотрудни-

ка от человека, который способен достигать и руководить? Второй ищет пути решения задачи, а первый ищет виноватых в своих неудачах. Ты и сама это ощущаешь на себе. Людям проще думать, что ты спишь с руководителем, чем то, что ты хорошо работаешь. Иначе им станет понятно, что они недостаточно хорошо себя проявляют, чтобы Краснов отдал твоё место им. Так что нет, увольняя человека, ты не ломаешь ему жизнь, а даёшь ему шанс изменить её в лучшую сторону, потому что то, что он делает в текущий момент, не его. Я шансом воспользовался тогда и через три месяца попал в ГорБанк проектным менеджером в департамент стратегии, которым до недавнего времени руководил. Видно, и сейчас судьба даёт мне шанс двигаться к новым высотам.

– Ого, как ты это сказал! Есть какое-то предложение?

– Оно очень призрачное, так что пока не буду ничего говорить.

– Я верю, что всё сложится!

– Дай бог! А сейчас бери купальник и шлёпай к девчонкам в бассейн. И без возражений. Я его взял, он в моей сумке сверху. Отдыхай, завтра уже рабочий день.

– Есть, мой капитан! Или не капитан, а продуман?! Даже купальник мой взял, вот ведь! – рассмеялась Вика.

Глава 14

В понедельник Пятницкая пришла на работу позже обычного – в десять тридцать.

– Привет! Представляешь, пережили выходные и дождались тебя, – с радостью сказала Таня, заботливо подливая воду в корзину с тюльпанами.

– Привет! Это и правда приятно, – согласилась Виктория.

Не успела она сесть за стол, как в дверь постучали, и в кабинет зашёл сотрудник московской дирекции с красными тюльпанами.

– Здравствуйте, это вам! – сказал он, поставил огромную корзину у стола Виктории, улыбнулся и вышел.

Та смущённо полезла искать карточку в букете. На мини-открытке было написано лишь одно слово: «Мир?» Цветы были от Антона. Поразмыслив, Пятницкая пришла к выводу, что в принципе ничего криминального не произошло: Антон имел полное право защищать свои границы... как мог. Ей бы тоже было неприятно, если бы кто-то посягнул на её служебный функционал. Она ответила Антону: «Мир».

И тут её мобильник залился трелью. Номер был неизвестным.

– Здравствуйте! Это курьер. Вы можете подойти сейчас к проходной?

– Курьер? – удивилась Вика. – Я ничего не заказывала и

не жду.

– Это сюрприз.

– От кого?

– Мы не можем говорить, извините. Вы сможете подойти?

– Да, – сказала заинтригованная Вика и пошла к выходу.

Возвращалась она с огромным букетом голубых тюльпанов, уже зная, что они от мужа, потому как в записке было написано: «Люблю тебя, милая!» Виктор явно чувствовал свою вину за вспышку ревности и извинялся таким красивым образом.

– Ого! – не сдержала удивлённого восторга Лескова. – Можно открывать цветочный магазин. Ты расскажешь от кого всё это?

– Скажу лишь, что всё в качестве извинений, – улыбнулась Виктория, а потом вспомнила о подарке Михайлова, который так и не посмотрела.

Она заглянула в пакет и вытащила небольшую чёрную коробочку без каких-либо опознавательных знаков. Открыла её. Достала оттуда простенький браслет с чередой больших белых кристаллов Сваровски серебристого цвета. Посмотрела на бирку и замерла. Это были не кристаллы, а тридцать три бриллианта – 57 каратов в белом золоте.

– Ничего себе... – прошептала Пятницкая, лицо на мгновение залило жаром. – Сколько же это стоит?

Вика дождалась, когда включится компьютер, открыла сайт одного из известных производителей бриллиантов и на-

шла похожий браслет. Со скидкой в шестьдесят процентов, которая действовала сейчас, подобное изделие стоило миллион четыреста тысяч рублей. Виктория ошеломлённо потёрла лицо руками и отправила Ивану сообщение:

«Привет! Очень хочу выпить с тобой сегодня кофе. Есть время?»

«Привет! Приятно это слышать. Могу предложить обед. В 13:30 на Якиманке в ресторане «Оранжерея»».

«Договорились!»

* * *

Для встречи с Михайловым Виктории пришлось значительно изменить своё рабочее расписание и ускориться при проверке почты, хотя прежде это казалось невозможным. Теперь же она могла это сделать, если сосредотачивалась исключительно на текущем письме, отрешаясь от остальных мыслей и внешнего мира в принципе.

Уже по дороге в ресторан Виктория снова вспомнила о стоимости браслета, который положила в сумочку, и её снова на мгновение бросило в жар: «Есть автомобили дешевле, а в некоторых городах и квартиры!»

Хостес провожал Пятницкую по ресторану, который выглядел как роскошный зимний сад, к столику, где уже ждал Иван. Он даже успел сделать заказ и теперь смотрел на приближающуюся Пятницкую, широко улыбаясь.

– Привет! – Иван привстал, когда Вика присаживалась, и придвинул к ней меню.

– Привет! – тоже улыбнулась Вика.

– Выбери себе что-нибудь, а после поговорим. Думаю, я знаю о чём, – снова улыбнулся Иван.

– Правда? – отозвалась Вика, листая меню. – О чём же?

– Выбери сначала.

– Уже. Я буду ризотто с грибами и большой капучино.

– Ризотто – не их конёк. Лучше посмотри что-то на странице от шеф-повара.

– Я консервативна. И хочу ризотто. Так что за предположение?

– Ты меня сейчас спросишь о подарке, – уже серьёзно сказал Иван.

– Ты прав. Это очень дорогой подарок. Я не могу его принять.

– Вика, в знак моего хорошего расположения к тебе я объясню свою позицию. И лишь один раз. Так вот, не считай мои деньги. И вообще не пристало тебе решать за меня, что мне можно, а что нельзя. Жизнь моего сына стоит дороже. Да и скидки сейчас хорошие, я сэкономил. Не переживай. Я эти деньги не украл. У меня давно есть несколько вполне доходных бизнесов, а в Правительство Москвы я пошёл от скуки, чтобы был драйв и нетривиальные задачи. Это тебе на чёрный день. Даже не смей мне возвращать браслет. Наживёшь врага. И мне будет приятно, если ты его будешь носить хоть

иногда. Машины теряют в цене, недвижимость тоже порой изрядно обесценивается, а это – нет.

Вика молчала, думая, что сказать, и жалея, что не посоветовалась с мужем. Единственное, что ей пришло на ум, – решить за счёт этой ситуации вопрос, который её беспокоил.

– Если ты хочешь, чтобы я уважала твои решения, то и мои, будь добр, уважай. Из-за твоего упрямства и желания исключительно меня видеть контрагентом от ТТК-банка у меня начались проблемы. Ты и так можешь общаться со мной, зачем тебе ещё нужно, чтоб я лично курировала счета фирм, связанных с Правительством Москвы?

– Хороший ход, – улыбнулся Михайлов. – Расширение полномочий будет для тебя не лишним. А что за проблемы? Давай я решу вопрос.

– Ваня, я не прошу тебя решить вопрос. Я прошу тебя не вмешиваться в мою работу. Меня устраивает то, что есть сейчас. У меня всё нормально. Уважай моё решение тоже.

– Ты можешь больше.

– Не могу. Мне сейчас достаточно нового функционала. А ты своими действиями устраиваешь мне столкновение с коллегой, с которым я в одном подразделении, а нам стоит быть заодно, а не враждовать. Это саботаж, а не помощь.

– Ты занижаешь свои возможности.

– Давай без фанатизма. Всё идёт своим чередом. Или я могу вернуть браслет? – подмигнула Пятницкая.

– Не возвращай. Я не буду больше настаивать, – улыбнул-

ся Михайлов. – А вот ризотто здесь ты зря взяла.

– Ну да, последнее слово должно остаться за мужчиной, – засмеялась Пятницкая. – Пригласишь меня сюда ещё и сам выберешь мне блюдо.

– Договорились!

* * *

В конце рабочего дня всё того же понедельника Пятницкая поговорила с Верой Кузнецовой. Виктория готовилась к разговору больше часа, чтобы быть честной в первую очередь перед собой, отвечая на вопросы: готова ли она дать Кузнецовой шанс, есть ли у неё к Вере личная антипатия, что ей не нравится в работе Кузнецовой и что нравится, а главное, что той нужно изменить в своих действиях. Когда Вера пришла в комнату переговоров, у Виктории уже не было эмоциональных биений и сомнений, поэтому разговор был хоть и непростым, но спокойным и конструктивным.

Сложнее Пятницкой дался разговор с Марией Осиной, ведь нужно было убедить безотказного человека в необходимости начать отказывать людям.

– Проходи, Маш, садись. Проходи, проходи, не смущайся. Я сразу скажу, почему позвала тебя. Я прошу тебя больше не помогать Вере Кузнецовой с заданиями, если я сама не попрошу тебя об этом, или по крайней мере согласовывать со мной.

Осина смущённо и недоумённо посмотрела на Пятницкую. В её глазах читался вопрос: как же не помочь человеку? Она попыталась оправдаться:

– Я особо и не помогала, так если чуть-чуть.

– Как бы странно это ни звучало, но у вас у каждого есть свой почерк, хоть вы и предоставляете мне на рассмотрение документы и отчёты в электронном виде. Под почерком я имею в виду, например, способ выравнивания строк и цвета шапки в таблице или употребление в письмах слова «касаемо» вместо «касательно». Я изучаю каждого из вас: потенциал и методы работы. Мне это нужно, чтобы определить в дальнейшем тот участок работы, который будет вам посилен и раскроет ваш потенциал. А ещё я наблюдаю, за какой срок кто и что выполняет, сколько заданий может одновременно делать.

Осина явно не понимала, к чему клонит Виктория.

– А теперь представь, верно ли я могу определить скорость выполнения тобой заданий, если ты делаешь параллельно ещё и чужую работу?

– Но я...

– Да, ты не подумала.

Осина потупила глаза.

– Ты толковая работница. У тебя действительно большой потенциал. Однако если ты будешь излишне помогать другим, прикрывая их недочёты и промахи, то для раскрытия твоего потенциала у тебя не останется времени. Нет работы

– сообщи мне, напиши СМС. Если ты что-то делаешь после работы, – опять опередила Пятницкая возражение Осиной, – то для меня это значит, что ты не успеваешь выполнить порученное тебе в рабочее время, хотя я слежу за вашей загрузкой. А ещё ты не успеваешь отдохнуть от рабочих тем, когда не идёшь домой вовремя, и это может привести к частым ошибкам и выгоранию.

Осина сникла. Пятницкая хоть и старалась, но не смогла мягко донести до неё свою мысль.

– Я ещё раз повторяю. У меня нет к тебе претензий, у меня есть просьба делать только свою работу и не помогать Кузнецовой. Если она с чем-то не справляется, я должна это знать, пусть приходит ко мне с просьбой дать ей помощь, о чём я ей только что сказала. А тебе я готова давать новые задания, если ты выполняешь свою работу быстрее, чем я думаю.

– Хорошо, – на автомате сказала Мария, явно погрузившись в какие-то свои мысли.

– Ладно, иди, рабочий день уже закончился. Пора домой.

– Хорошо, – опять машинально согласилась Осина и поспешила выйти.

Пятницкой стало очень грустно, ведь она совсем не преувеличивала, когда говорила, что у Осиной большой потенциал, вот только веры в себя у той не было, поэтому она и не развивала свои способности, а выполняла чужую работу.

Вдруг на телефон Виктории пришло сообщение от Анны

Пономарёвой:

«Виктория, здравствуйте! Боли вернулись. Вы можете ещё со мной встретиться? Я верю, что вы мне снова сможете помочь!»

Пятницкая могла бы порадоваться такому сообщению, ведь Пономарёва прямо заявляла о своём доверии к ней как к целительнице, но на фоне усталости она лишь ещё больше загрустила. Ей явно было не обойтись без советов мамы, и поэтому она решила предложить Анне встречу в среду, а во вторник вечером заехать к родителям. Сегодня же ей невыносимо хотелось домой, чтобы отдохнуть от командировки и бурных выходных. Она была не в состоянии кого-то исцелять.

* * *

Виктория вышла из банка и направилась к метро. Но вдруг она остановилась как вкопанная, почувствовав, что абсолютно дезориентирована в пространстве. Она смотрела по сторонам и ничего не узнавала. Да что там, она даже не понимала, кто она и как её зовут. Всё тело колело, было страшно, а в сознании пульсировало слово: «одна».

Морок резко схлынул, как только Вика непроизвольно переклочилась на видение. Она увидела, как вязкая, липкая субстанция волной откатилась от старушки, стоящей у окна одной из башен. Это было состояние той пожилой женщины.

Вика подошла к ней.

– Добрый вечер! Вы здесь одна? Вы потерялись?

Та ничего не смогла сказать, лишь кивнула и заплакала.

– Вы... Вы немая? – внезапно поняла Пятницкая. – Слышите меня? Понимаете?

Старушка кивнула.

– Помните, с кем пришли сюда?

Старушка помотала головой и подумала: «Нет, не помню».

«Так, уже легче, я могу слышать её мысли», – успокоилась

Вика.

– Вы одна пришли?

«Не помню», – подумала пожилая женщина.

– Где живёте, вы помните?

Вновь отрицательный ответ.

Виктория оглядела старушку: у той не было сумки.

– В карманах есть что-то? Телефон? Документы? Записки?

Бабушка проверила боковые карманы пальто, но те были пусты.

«Господи, помоги мне, ведь ни одной зацепки. Что мне делать?» – взмолилась Виктория, мыслями улетающая к источнику безусловной любви и опуская её на себя и заодно на потерявшуюся.

Вдруг Вика увидела, как что-то оранжевое светится в районе живота старушки, а из этого яркого шара тянется светя-

щаяся оранжевая ниточка в сторону торгового центра.

Сначала Пятницкая хотела последовать за этой путеводной нитью, однако осознала, что будет странно куда-то тащить и без того испуганную бабушку. Поэтому она решила потянуть за данную энергетическую связь и, когда коснулась оранжевого луча, на другом его конце увидела образ мужчины. Он явно сильно нервничал и не стоял на месте, а метался из стороны в сторону.

По нити Виктория отправила ему энергию из источника, чтобы погасить в нём излишнее напряжение, а потом дёрнула за нить, отправляя мужчине зов идти к ним. Она вела его по горизонтальной связи и чувствовала, как это тяжело даётся. Сил у неё почти не осталось.

«Должен быть иной вариант!» – вознесла руки к небу Пятницкая и снова взмыла к источнику. Воссоздавая в мыслях образ мужчины, она опустила на него энергию, находясь непосредственно в источнике, и отправила ему посыл двигаться по направлению к ней и старушке. Вернувшись на Землю, но всё ещё оставаясь в режиме видения, Виктория наблюдала, как небесный свет, неразличимый для обычных людей, ведёт мужчину прямо к ним.

– Мама! – воскликнул мужчина и ускорился, заметив пожилую женщину. Подбежал и обнял, скупно радуясь, что нашёл родного человека. – Только в туалет отошёл – и вот... Спасибо вам, – поблагодарил он Викторию и чуть коснулся её плеча.

– Я ничего не сделала, лишь подошла к вашей маме. Мне показалось, что она потерялась.

– Да. У мамы бывают провалы в памяти. Увы. Отец год назад умер – и началось.

– Ваша мама немая? А вы говорите?

– Да, это с детства у неё. Проблемы с центральной нервной системой. Неврождённое. И отец мой говорил: нет наследственных патологий. Спасибо вам, что подошли! Не прошли мимо.

– Пожалуйста, – скромно ответила Вика.

Она прислушивалась к себе и не чувствовала посылы спросить, нужна ли этим людям её магическая помощь. В голове не рождались вопросы и не приходили картинки из прошлого.

– Всего доброго вам! – улыбнувшись, сказала Пятницкая.

Она собиралась уйти, но старушка остановила её, взяв за запястье правой руки. Виктория посмотрела ей в глаза и прочитала её мысль: «Помоги мне».

«Но как вы узнали?» – тоже мысленно спросила Вика.

«Молилась и ждала. Он озарил вас сейчас. Я молилась и просила иметь возможность сказать сыну, что люблю его. Мужу не успела сказать».

У обеих женщин покатались слёзы по щекам: старушка плакала в преддверии чуда, Пятницкая плакала, осознавая, что есть такие простые и важные вещи, недоступные некоторым, которые другие совсем не ценят. Мужчина с непони-

манием смотрел на них.

Вика слила негативные чувства в центр Земли, вернулась в рабочее состояние, опустила на старушку божественную энергию и засвидетельствовала, как эта сила восстанавливает у той отсутствующую подвижность языка. Проблем со связками и с дыханием у женщины не было. А ещё Пятницкая увидела, как та в годовалом возрасте оказалась в доме малютки, когда из-за аварии умерли её родители, и как её удочерили в пять лет. Но как ни старались приёмные родители, важный период формирования речи, когда логопеды и психологи смогли бы помочь ребёнку, у которого отнялся язык после тяжелейшей психологической травмы, был уже упущен. Момент исцеления наступил только сейчас.

– Ви... – выдала старушка, глядя на сына.

– Мам! – ошарашенно сказал он. – Ви. Виталик. Да, Ви!

Глаза мужчины тоже наполнились слезами. Он обнял мать, не веря своим ушам.

– Ей всё равно придётся учиться говорить. Навыка нет. Мышцы не развиты. Но язык начал двигаться. Хорошо, что она слышащая. И дальше дело практики, больше не нужно ждать чуда.

– Но как?! – все ещё не понимал мужчина.

– Вера, – пожала плечами Виктория. – И молитва.

«Спасибо большое», – подумала старушка, мысленно обращаясь к Пятницкой.

«Это Бог, я лишь проводник, – ответила Вика, не произ-

нося ни слова. – Мне пора идти, удачи вам!»

Мужчина был так обескуражен, что только кивнул на прощание, крепко держа мать за руку, чтобы та больше не потерялась.

– Провалов в памяти у неё больше не будет, – вдруг пообещала Вика, обернувшись. – Ваша мама уже нашла меня. И ей больше нет смысла теряться.

– Как нам вас отблагодарить? – вдруг опомнился мужчина.

– Поставьте свечку за моё здоровье, кажется, у меня скоро настанут нелёгкие времена, – вдруг попросила Пятницкая и пошла к метро.

Но туда она так и не дошла, а села в ближайшем кафе, взяла кофе и написала мужу:

«Милый, забери меня, не могу сама ехать. Я в ближайшем Старбаксе у ТТК. Я в прострации. Больно и одиноко. Сейчас помогла одной женщине. Не могу собраться».

«Еду», – коротко ответил Поспелов.

Пятницкая ждала его и думала, что ей очень повезло с мужем. В такие моменты он всегда был готов приехать и не задавать лишних вопросов, пока она сама не начинала рассказывать очередную историю исцеления.

* * *

Виктор сидел на диване и читал книгу. Он сознательно

оставил Викторю наедине с её мыслями.

– Забыла тебе рассказать, – вдруг вспомнила Вика и встала с подоконника. Она вышла в коридор, вытащила из сумки небольшую чёрную коробочку и передала её Пospelову со словами: – Это подарил мне Михайлов.

– О! Вот тебе и золотой парашют к твоему уходу из банка, – одобрил Виктор, посмотрев на подарок.

– Шутить изволите? – в манере мужа спросила Вика.

– Что ещё остаётся, если я сам тебе это не додумался подарить? Да и пока глупо будет, если подарю такую вещь, будучи безработным.

– Я хотела вернуть, но Иван не взял.

Виктор улыбнулся:

– Решила нажать себе врага?

– Если резюмировать, то именно это он и сказал мне, когда я пыталась вернуть браслет обратно, – подтвердила Пятницкая. – Но мне всё равно неудобно.

– Почему?

– Дорогой подарок.

– Не дороже денег, – бросил Виктор.

– Вижу, ты злишься? – расстроилась Вика.

– Злюсь, но не на тебя или Михайлова, а на себя, потому что сам не могу сделать такое.

– Это временно, – приободрила мужа Пятницкая.

– На этом и держусь.

– И вообще, ты же знаешь, я спокойно отношусь к укра-

шениям.

– А вот это совсем неважно в данном контексте. Я не ищу повод расслабиться и ничего не делать. Если бы у нас была квартира, а я с лёгкостью мог бы подарить тебе пару таких побрякушек, то мне было бы спокойнее, случись вдруг что со мной.

– Даже слышать о таком не хочу! Это необоснованные страхи из-за текущей ситуации. С тобой ничего не случится, и у нас всё будет в порядке. Надеюсь, психолог, к которому ты пойдёшь, разберётся с твоими страхами.

– Хочешь виски? – вдруг спросил Виктор.

– Хочу, – кивнула Пятницкая, закрывая неприятную тему разговора.

* * *

Вика очнулась в знакомой пещере на четвёртом плане бытия, закованная в тушу своего тотема. И заплакала. Маленькая девочка лет семи была вживлена в шкуру, которая явно была ей не по размеру. Её растягивало во все стороны, растаскивало на события, а она словно ещё не наигралась в куклы. А играла ли вообще? Не было воспоминаний.

Она многое не помнила. Воспоминания шли как в умело смонтированном фильме: вот она сидит за школьной партой, а потом новая сцена и титр: «Спустя месяц». Впрочем, чёрт с ними, с событиями тех лет, она не могла даже вспомнить,

как начались отношения со Смолиным, почему она пошла учиться на финансового менеджера, если в детстве она грезила стать врачом.

Внезапно Вика почувствовала в груди плотный ком давящей боли. И лишь образ медведицы не дал ей упасть на холодные камни. Пятницу знобило. Красивейшая голубая пещера стала вдруг ледяной тюрьмой.

– Оставьте меня здесь! – прокричала Вика неизвестно кому, пытаясь упасть на камни, и снова не смогла, соединённая с тотемом.

Ей было очень больно от понимания, что она мала и незначительна, что она все ещё кроха, хоть и во взрослом облике. Ей не удавалось проснуться, вернуться на привычный третий план бытия, и не было возможности выбраться из звериной туши, поэтому она, даже сломленная собственными страхами, начала вспоминать дыхательную гимнастику. Поначалу получалось плохо, потом ей удалось встать и выпрямиться. Она тут же унеслась мыслями к источнику божественной энергии и наполнила себя. Когда каждая клеточка организма напиталась безусловной любовью, она позволила энергии хлынуть за пределы тела, чтобы заполнить пустоты между ней и образом медведицы. Теперь она чувствовала себя в этом образе вполне комфортно.

Вика очнулась в кровати. Боль в груди отступила, стоило ей прижаться к мужу всем телом. Но новый сон пришёл не сразу.

Глава 15

Во вторник вечером Пятницкая сидела на кухне родителей, грея руки о чашку с облепиховым чаем. Анастасия Георгиевна уже вытащила булочки из духовки и выкладывала их на блюдо.

Теперь Вика и сама видела, что мама была права: они действительно отдалились друг от друга в последнее время, очень давно они не сидели так на кухне и не говорили по душам.

– Почему ты молчишь? – улыбнулась мама, присаживаясь за стол рядом с дочерью.

– Не знаю, какая из тем важнее.

– Какая разница, с какой темы ты начнёшь, если мы никуда не спешим?

– Верно, неважно, – смутилась Пятницкая. – Тогда начну со своих переживаний. Я не рассказала Виктору про воссоединение с тотемным животным. Мне кажется, это будет как-то странно.

– Он знает о твоём даре, видел твою работу в действии. Встреча с тотемным животным – ещё одна история из твоей неординарной жизни. Что тебя смущает?

– Это слишком похоже на галлюцинацию, на сон, на мою сказочную фантазию.

– Красивая фантазия, почему бы и нет?! И в то же вре-

мя это такая же фантазия, как использование магии Луны, подключение к эгрегору, видение нашего мира через потоки различных энергий. Но, судя по твоему виду, всё это тебя не убеждает.

– Нет, – призналась Виктория. – Так много людей живут и вообще ничего об этом не знают, так странно. Почему они не знают? И я на работе тоже частенько забываю о своих магических способностях.

– Не пришло время этому знанию проникнуть в массы. Люди не готовы. А ты сейчас словно орёл, удивляющийся, отчего он не воробей или почему все вокруг не орлы. Люди разные даже в твоём банке. И именно в этом разнообразии и есть прелесть нашего мира. Разве порыв ветра одинаково колышет разные листья с одного дерева?

– Так много аллегорий, мам... – тихо сказала Вика.

– Чем больше ты будешь узнавать наш мир, тем больше их будет. Есть знания, которые невероятно сложно выразить словами. Вот тот же тотем? Это же энергетическая структура, которая призвана активировать знания, которые уже есть в тебе, но сокрыты от тебя же самой. Это триггер. В нас изначально есть всё, что нам нужно, чтобы благополучно прожить жизнь, сделать всё запланированное и ещё получить от этого удовольствие. Однако наши страхи, негативные установки и сомнения не дают нам это осознать, потому и появились тотемные животные как носители определённых качеств, способные активировать их в человеке, если он готов

принять это. Красивый ритуал, разве нет?!

– Механизм понятен, и с его эффектностью я спорить не стану, – согласилась Вика. – Непонятно, зачем изначально всё это нужно.

– Зачем дети играют в игры? Они так постигают наш мир и получают жизненный опыт. Вот и мы тоже.

– Это игра? Наша жизнь – игра?

– В некотором роде игра. Это как раз одно из тех знаний, которое сложно передать словами, его можно только однажды понять и принять. Моё сравнение – как максимально упрощённая модель.

– Вот и Витя часто приводит примеры из жизни детей. Вы как сговорились.

– Примеры наглядные, особенно если уже есть дети. И тебе это понятно, так как Ваня растёт на твоих глазах.

– И всё же почему представления о нашем мире различаются?

– Разный личный опыт и среда, в которой человек живёт. Ты росла в семье, в которой магия была привычна и не являлась элементом исключительно сказок. Для тебя магия – это нормально. А для кого-то магия под запретом, так как человек вышел из рода, который частично был истреблён во времена охоты на ведьм. И если ты начнёшь доказывать ему, что магия реальна, есть большая вероятность категорического протеста. Там в жилах течёт страх смерти из-за применения магических сил. И этот яркий пример описывает лишь

два возможных случая, а их, конечно, больше. И ещё много различий, которые и вовсе не бросаются в глаза: растёт человек в квартире или в собственном доме, разрешают ему есть сладкое или запрещают, укладывают спать или с рождения он приучен делать это самостоятельно, собирается ли дружная семья за большим столом в выходные или его воспитывает один родитель и больше особо нет родственников. Потому и выяснять причину болезни нужно индивидуально с каждым, хотя на самом деле причин не так уж и много: различные эмоции, активирующие программы самоуничтожения и наказания.

– Причина болезни, – повторила эхом Пятницкая. – Об этом мой следующий вопрос. К Анне Пономарёвой снова вернулись боли, и я в тупике. Мне казалось, я отыскала причину болей, которая была связана с её мужчиной.

– Это не причина, а следствие. Она выбрала такого мужчину, имея определённый запрос на него. Ядро проблемы стоит искать в раннем детстве, примерно до трёх-пяти лет.

– Так рано?

– Рано – это в прошлой жизни, – улыбнулась Анастасия Георгиевна. – Хотя не совсем мы жили в ней. Впрочем, не советую тебе так далеко копать. Все проблемы можно решить в текущем воплощении. И да, бывает, что негативная установка сформировалась позднее трёх-пяти лет, но тогда при каком-то серьёзном потрясении: смерть близкого, нападение, насилие, жёсткие ограничения свободы или что-то в этом ро-

де.

– И всё же? Почему до этого возраста?

– Редкий человек помнит себя до пяти лет. А даже если помнит, воспоминания обрывочны. Значит, самому ему сложно осознать, что он тогда решил делать и как поступать. Нужен проводник.

– Если человек не помнит, то как можно вспомнить, что было?

– Тебе не нужно вести человека к чётким воспоминаниям, тебе нужно, чтобы человек рассказал тебе те негативные установки, которые он тогда принял для себя за правило и с которыми идёт по жизни. Нужно, чтобы он это осознал и был готов сменить на убеждения, которые сейчас будут ему в помощь, а может, и просто растворить негатив в божественной энергии. И есть ключевое действие, без которого все остальные разговоры бессмысленны – это прощение. Негативные установки не появляются на пустом месте, значит, было какое-то неприятное событие. И нужно простить всех участников того события, в том числе и себя, за то, что произошло. Ведь это урок, который позволил человеку стать лучше, научил чему-то новому.

– Подожди, разве всех можно простить? Вот один мужчина избивал жену и сына. Как же его просто взять и простить?

– Я не сказала, что это просто. Было бы просто, люди бы не болели из-за своих обид, злобы, стыда или отчаяния. Что же касается прощения, человек от радости не пойдёт кого-то

бить, от любви – насиловать, а от восхищения – красть. Кто знает, что случилось с этим мужчиной и изменило его настолько, что он стал способен, а вернее, не способен совладать со своей злостью и начал избивать самых близких.

– Ты хочешь подвести меня к принятию этого факта? Это же ужасно!

– В идеале хочу. И в то же время я уже буду рада, если после нашего разговора ты хотя бы перестанешь судить его. Судьба и без тебя его наказала. А принятие однажды придёт к тебе. Я в это верю.

– Представь, что меня бы избивал муж. Что тогда?

– Не могу представить. Это невозможно.

– Откуда такая уверенность?

– В тебе нет алгоритмов поведения, которые привлекли бы таких людей. И я сейчас вовсе не возвышаю тебя над кем-либо. У тебя иные задачи на эту жизнь, поэтому я понимаю, что подобного с тобой не произойдёт.

– Что-то ведь может произойти плохое?

– Оно уже происходит, и я это принимаю, доверяя Богу и его замыслу.

– Происходит? – не поверила Пятницкая.

– Увы, – подтвердила Анастасия Георгиевна. – И я также принимаю, что это последствия моей слабости.

– Слабости?! Ты же очень сильна в магии.

– Я сейчас совсем не о магии. Вне зависимости от наших способностей и умений мы остаёмся людьми, творениями

Господа, стремящимися к идеалу в этом непростом дуальном мире. Я не идеальна и совершила ошибку – прекратила твоё обучение магии, последствия которой сейчас наблюдаю. Насколько бы ты была сильна сейчас и полезна для мира – одному Богу известно.

– Ты меня окончательно запутала, – всплеснула руками Вика, пытаясь улыбнуться. – Как Сократ говорил: я знаю то, что ничего не знаю.

– Ты права, сейчас тебе нужно узнать алгоритм, который поможет вам с Анной увидеть первопричину её головных болей. Как я понимаю, они уже начали тебе активно подсказывать.

– Господи, да кто такие «они»? – вырвалось у Пятницкой.

Станный разговор с матерью, не проясняющий ситуацию, а наоборот, всё больше запутывающий её, разбудил в Виктории неведомую злость. Внутри неё забурлили болезненные потоки энергии, сгруппировались в голове и ударили все вместе в центр лба, стремясь вырваться наружу. Боль была такой, что Вике показалось, что этой энергии и правда удалось излиться во вне.

– Чёрт! – выругалась Пятницкая, закрывая глаза, в которых помутнело. И почти сразу открыла их. А после снова в ужасе воскликнула: – Чёрт! – и вскочила на стул, будто увидела мышь.

Анастасия Георгиевна с интересом наблюдала за поведением дочери. Проследила за её испуганным взглядом и,

улыбнувшись, сказала:

– Это не черти, а ангелы.

– Ага. Ну это всё меняет, конечно, – с сарказмом закивала Пятницкая. – Хоть не черти.

– Садись-садись, не стой. Это наши ангелы-хранители. Нет повода бояться.

– Ну да, – повторила Пятницкая, присаживаясь обратно. – Сказка пришла в мою жизнь сама. А я ещё смущалась, рассказывать ли Вите про тотемное животное, с которым встречаюсь во сне. Вот об этих папа тоже знает? – с ехидными нотками спросила Вика, указывая на четырёх маленьких крылатых человечков, усевшихся на краю сахарницы.

Они были в современных строгих костюмах – тёмно-синем, тёмно-сером, тёмно-зелёном и тёмно-бордовом – и белых рубашках без галстуков. Кажется, один лакомился кубиком сахара, держа его в руках.

– Ангелы очень любят сладкое, – объяснила мама, улыбаясь. – На пятом плане бытия, где они обитают, еды нет. И да, твой отец знает всё, что знаю я. Хотя он не видит ангелов, не путешествует по планам бытия и никого не исцеляет.

– Ага, хоть кто-то в нашей семье нормальный.

– Дар передаётся по женской линии, – подтвердила Анастасия Георгиевна.

– Хорошо, что у меня нет детей.

– Я тоже боялась материнства. Это проходит.

– Я не боюсь, я не хочу, – поправила маму Вика, уже с ин-

тересом рассматривая ангелов. – Что они такие маленькие? Размером с мышку.

– Они могут быть любого размера. Сейчас им удобно быть такими. Находиться в центре событий и не мешать нам. Разве на этой кухне удобно разместилось бы ещё четыре человека? Не стоять же им кольцом вокруг нас.

– Логично. А почему не в балахончиках?

– Ты, вероятно, имеешь в виду, почему они не в хитонах или хламидах, как на иконах?

– Наверное, да, – смутилась Пятницкая, не зная таких названий.

– Века изменились. Сейчас влиятельные люди ходят в костюмах. Диadem не носят, скипетры в руках не держат.

– Понятно. А на иконах почему иначе?

– Предположу, что это лишь дело привычки. Да и мода сегодня одна, завтра – другая. Иконы же создаются на века.

– Понятно. У каждого человека есть ангел-хранитель?

– Да.

– А почему их четыре? Мой, твой, папин. Чей ещё?

– Тут нет папиного. Один – мой и три – твоих.

– Три?

– У тебя всегда было два, ты особенная. Но недавно появился третий. Так бывает, когда наступает сложный период.

– И они прямо всегда с нами?

– Всегда.

– Даже когда я в туалет хожу?

Анастасия Георгиевна улыбнулась.

– Ангелы – бесполое существа. Стыд быть увиденным голым или занимающимся чем-то интимным – в нашей голове. Ангелы же не судят. Для них естественные процессы так и остаются естественными. На пятом плане нет дуальности. Но если тебя это смущает, попроси их не проявляться в этот момент.

– Как попросить?

– Общайся с ними как с духами – мысленно. Впрочем, можешь и вслух. Они тебя и так и так поймут.

– Сейчас они почему молчат?

– Ты к ним не обращалась.

– Ты же говоришь, они начали мне подсказывать?

– Они делают то, что идёт им свыше. Сейчас же мы с тобой просто разговариваем. Не происходит ничего, в чём требуется их помощь.

– Раз людям подсказывают ангелы, почему мы ошибаемся?

– Мы, люди, вольны слушать подсказки или не слушать. Иногда мы в принципе отказываемся от Бога и идём своим путём. И ангелам остаётся только повиноваться нашей воле. Хотя они всё равно подсказывают, это мы их не слышим, потому что не хотим.

– Значит, когда мне из ниоткуда приходило какое-то знание о прошлом человека или нужный вопрос, это были подсказки ангелов?

– Да, всё верно.

– Почему они рассказывают не всё о человеке?

– Они дают тебе ровно столько информации, сколько нужно, чтобы ситуация разрешилась благополучно. А иногда ты что-то не готова слышать, потому и не слышишь. Твой ум блокирует информацию. Помнишь, как было с Виктором, когда ты совсем не хотела замечать, что он женат?

– Помню, – подтвердила Вика. – И теперь понимаю, почему я вела людей в фантазии и задавала странные вопросы. Какой или какая ты? Что самого страшного случится, если это произойдёт?

– Правильно ещё извлекать опыт из тех ситуаций, которые произошли. Поэтому задавай вопросы: что хорошего дала тебе эта ситуация? чему это тебя научило?

– Точно! Я спрашивала об этом.

– Я и в следующий раз подскажу, – спокойно пообещал один ангел приятным звенящим голоском, на время оторвавшись от кусочка сахара.

Вика и Анастасия Георгиевна переглянулись и улыбнулись. Это выглядело мило.

– Поеду домой, мам. Поздно уже. Сейчас вызову такси.

– Хорошо, – согласилась мама. – Ты теперь их видишь и слышишь, мне намного спокойнее.

Уходя из квартиры родителей, Вика бегло посмотрела на себя в зеркало и застыла на мгновение с улыбкой на лице. Три ангелочка сидели на её правом плече, свесив ножки. И

все прихватили с собой по кусочку сахара.

– Теперь я понимаю, почему в нашем доме всегда стоит сахарница на столе. Хотя чай с сахаром пью только я.

Анастасия Георгиевна лишь улыбнулась.

* * *

Виктория вышла из душа, обернулась полотенцем и собралась почистить зубы. Подошла к зеркалу и увидела, как за её спиной крылатая троица что-то бурно обсуждает. Эта картина её невероятно смутила, поэтому она сказала:

– Так, мои крылатые помощники, давайте вы будете визуально проявляться, только когда я перехожу в режим видения, а то я сойду с ума постоянно наблюдать вас. Кусковой сахар в сахарницу я уже закинула. Она на столе на кухне.

– Подсказывать тоже можно только в режиме видения? – в один голос спросили ангелы, порхая возле головы Пятницкой.

– Подсказывать можно, когда это нужно.

– Хорошо, – закивали они и исчезли.

Вика выдохнула. Но вдруг услышала вопрос мужа:

– Милая, с кем ты там разговариваешь?

– С ангелами, – честно призналась Виктория.

– Ага, – хмыкнул Виктор. – Как закончите разговаривать, приходи. Я уже отчаянно борюсь со сном.

– Вот так и живём, – тихо сказала Пятницкая своему от-

ражению в зеркале.

* * *

В среду Пятницкая снова проснулась рано и, не придумав ничего лучше, поехала на работу. У входа в банк она встретила хмурого Красного.

– Привет! Иди за мной, – буркнул он. – Из-за тебя так рано встал.

– Да? – смутилась Вика, забыв поздороваться. – У службы всё вроде в порядке.

– Пойдём-пойдём! Не буду объяснять, лучше покажу.

– Ладно, – согласилась Вика. – Привет, кстати. А то я не поздоровалась.

Николай лишь махнул рукой: мол, не отставай.

Лифт остановился на тридцать первом этаже. Они зашли в офисное пространство. Опенспейс был пуст в прямом смысле этого слова. Не было ни столов, ни стульев, ни шкафов. Краснов подошёл к большому окну и посмотрел на предрасветный город под пасмурным тёмным небом.

– Красиво, когда солнце, – словно сам себе сказал он и жестом позвал Пятницкую следовать за ним. – Заходи, – пригласил он, открывая вторую дверь по левому боковому коридору. – Твой новый кабинет. Нравится? Или можешь выбрать следующий. Он по размеру больше, но вид отсюда лучше.

– Я схожу посмотрю? – спросила Вика.

– Конечно, – разрешил Николай.

– Этот кабинет лучше, – сказала она, вернувшись. – Просто подарок. Спасибо!

– Я знал, – довольно улыбнулся Николай. – Если возьмёшь свою мебель, то переезжай хоть сегодня. Если хочешь что-то новое, придётся ждать закупку. Своих посадишь в опенспейсе. Согласуй с московской дирекцией, где они будут сидеть, а где вы. Я и остальные, кто сейчас работает на тридцатом этаже, там и останемся. Всем здесь места не хватит. Весь этаж нам не отдали. Остаётся ещё подразделение Машковой на третьем этаже, постараюсь договориться, чтобы и им на тридцать первом место нашлось, как раз пойду сейчас обсуждать. В общем, будем рядом. Мебель в опенспейсе должны начать устанавливать завтра.

– Функциональность моей мебели меня вполне устраивает, – ответила Виктория.

– Вот и хорошо! Оформляй заявку на переезд как можно скорее, пока административный департамент не передумал отдавать нам это пространство. Кстати, теперь у тебя не будет отмазки, что лифт долго ждала. До моего кабинета сможешь дойти пешком по лестнице.

– Хорошо, – улыбнулась Вика.

Краснов ушёл, оставив её смотреть на пробуждающийся город. Вика стояла у панорамного окна, любуясь рекой. Где-то вдали виднелись кусочек Белого дома и гостиница «Укра-

ина». Как там было в её мечтах пару месяцев назад? Вот теперь у неё есть свой кабинет на тридцать первом этаже. Она всегда носит платья и обувь на каблуках. И вообще так много всего ещё впереди! Гордость охватила Пятницкую.

* * *

В среду после работы Виктория зашла в кафе, где была назначена встреча с Анной Пономарёвой. Та ещё не появилась, а дальний столик с большими креслами был свободен. Вика присела там и заказала капучино. Тут же показалась и Анна, на ходу попросив принести ей американо.

– Я перестала бояться опоздать и не прихожу теперь заранее, – улыбнулась Пономарёва. – Мне кажется, это побочный эффект от прошлого разговора. А вот боли вернулись.

– Приятно слышать про исчезновение страха, а с болями сейчас будем разбираться.

Переключившись на видение, Пятницкая просканировала Анну и увидела, что исправленные ранее божественной энергией позвонки сместились вновь, а приток крови к головному мозгу повторно нарушился из-за лишних изгибов сосудов.

Вика тут же услышала шорохи со стороны стола и чавканье.

«Ну конечно, ангелы-помощники», – усмехнулась она про себя, посмотрев на стол, где была сахарница. Их было только

двое: в синем и сером костюме.

– Что активировало боли снова? – спросил ангел в сером костюме, сидящий на краю верхней части сахарницы и закидывающий кристаллики сахарного песка себе в рот, как орешки.

– Вы хотя бы примерно помните, когда боли вернулись? – воспользовавшись подсказкой, спросила Вика у Анны.

– Я точно помню. К маме в гости заезжала в четверг. Ничего особенного – ужинали, общались. И в середине ужина боли вернулись, я даже на чай не осталась. Вернулась домой и легла в кровать. Сначала не хотела вас беспокоить, думала пройдёт. Но не прошло. А я так расслабилась, что уже и обезболивающие перестала с собой носить.

– Вы хотели ехать к маме в гости?

– Что значит – хотела или нет? Это же моя мама. Мы регулярно встречаемся по четвергам.

– Я поняла. У вас есть традиция встречаться с мамой по четвергам. Но именно в этот четверг вы хотели ехать к маме в гости?

Пономарёва взяла паузу, потупила взор и лишь потом ответила:

– Нет. Я очень устала. Отчётный период. Много работы. Не хотела, – подтвердила она. Это признание далось ей явно нелегко.

– Почему поехали?

– Маме было бы одиноко. Всё-таки традиция.

– Что вы почувствовали, кроме боли? Какие чувства появились у вас тогда?

– Вроде никаких, – смутилась Пономарёва.

– Помоги ей расслабиться. На бессознательном уровне она очень напрягается, чтобы не сказать чего-то плохого о своей матери или о своих негативных чувствах по этому поводу, – подсказал всё тот же ангел.

– Как ей помочь расслабиться? – не поняла Вика, мысленно уточняя у помощника в сером.

– Попроси её сделать пять глубоких и спокойных вдохов и выдохов. Опустит на неё энергию безусловной любви без каких-либо команд об исцелении или каких-то ещё.

Вика удивилась, что не додумалась до таких элементарных вещей сама. И объяснила Анне, как ей нужно подышать, а пока та делала дыхательную практику, опустила на неё божественную энергию.

– Помните, как вы в прошлый раз фантазировали? Предлагаю сейчас сделать что-то похожее. Что первое приходит вам на ум, когда вы входите в квартиру матери?

– Мрак, – тихо ответила Пономарёва через какое-то время. – Там всегда полумрак. Деревья загораживают окно. Тёмная мебель. И даже если включить свет, лампы тусклые. Я предлагала маме поменять люстры, но она против. Не хочет ничего менять.

– Вы росли в этой квартире?

– Да.

– Там всегда было так тускло?

– Обстановка не менялась со времён моего детства.

– Закройте глаза и мысленно зайдите в этот мрак.

– Это обязательно?

– Вам – нет. Придумайте себе волшебного помощника, который сделает это за вас.

– Кого? Красную Шапочку? – улыбнулась Анна.

– А почему бы и нет? Пусть она сходит и посмотрит, какие неприятные чувства доставляют вам боль.

– Ладно, я лучше сама. Что нужно делать?

– Ты упрямее её, – вдруг сказал ангел в синем, но Вика отмахнулась от этой реплики, увлечённая процессом.

– Зайдите во мрак, – повела она Пономарёву голосом. –

Что вы там чувствуете?

– Мне неприятно.

– Из-за чего вам неприятно? Какое чувство это вызывает?

– Одиночество и сожаление.

– Это не её чувства, а её матери. Она впитала их с молоком. Её родители разошлись, когда Анне было шесть месяцев. Это чувство передаётся в роду от женщины к женщине, – подсказал ангел в сером.

– Сожаление о чём?

– О несложившемся женском счастье.

– Это вы так думаете? Это ваше женское счастье не сложилось?

– Не знаю.

– Мама растила вас одна?

– Да.

– Ей было тяжело?

– Очень. Она много работала, чтобы я выбилась в люди.

Анна тихо заплакала с закрытыми глазами.

– Ваша бабушка растила вашу маму одна?

– Да, одна.

– Ей было тяжело?

– Очень тяжело. Это было послевоенное время. Только закончилась Вторая мировая война.

– Ваша прабабушка растила вашу бабушку одна.

– Точно не знаю всего. Там странная история. Кажется, семью раскулачили, а бабушка какое-то время была в детском доме. Мне особо не рассказывали.

– Сейчас, когда вы вспомнили историю нескольких поколений вашего рода, скажите мне: одиночество и сожаление – это ваши чувства?

– Мои. Я же тоже одна.

– Сколько вам лет?

– Тридцать.

– Вам всего тридцать.

– Уже, – поправила Анна сквозь слёзы.

– Женщины выходят замуж после тридцати?

– Да.

– А вы допускаете мысль, что можете выйти замуж позднее, например, в тридцать пять?

– За кого? Я же осталась одна.

– Вы поставили на себе крест?

Пономарёва многозначительно молчала.

– Что сказала ваша мама, когда узнала, что вы больше не встречаетесь с Анатолием?

– Что я повторяю её судьбу, но хорошо, что у меня ещё нет детей.

– Вы согласились с этим?

Анна молчала, слёзы из её глаз потекли сильнее.

– Самый близкий вам человек сказал, что вы повторяете его судьбу, которая была тяжёлой. Вы согласились с этим? – ещё раз задала неприятный вопрос Пятницкая.

– Да, – с горечью прошептала Пономарёва.

– Скажите мне ещё раз. Чувства одиночества и сожаления – ваши? Ваша жизнь уже заканчивается? Разве у вас не может быть счастливого будущего?

– Не может, – повторила Пономарёва безучастно. – Нет. Я не согласна. Я не хочу повторять судьбу мамы или бабушки! – вдруг очнулась и запротестовала она.

– Вы сейчас очень правильно сказали про судьбы близких. Это родовая программа. Вы готовы её завершить прямо сейчас и жить дальше без необходимости оставаться одинокой?

– А так можно?

– Кто или что вам мешает жить иначе, когда вы это осознали? Разве вы должны повторять несчастную судьбу своей матери? Или бабушки?

– Нет.

– Тогда скажите мне сами, можно ли вам жить иначе. Вы готовы разрешить себе это?

– Да! – безапелляционно заявила Анна в свойственной ей манере, окончательно перестав плакать.

– Я использую при исцелении энергию из божественного источника. Если вы скажете «да», то прямо сейчас могу опустить её на вас, чтобы в ней растворились чувства одиночества и сожаления, доставляющие вам боль.

– Чему она научилась за время одиночества? – спросил ангел в сером. – Что в этом хорошего?

– Только предварительно ответьте мне на вопрос. Чему вы научились, пока были одиноки? – по совету ангела спросила Пятницкая.

– А это чему-то учит?

– Разве нет? Как это повлияло на вашу судьбу?

– Я начала рано работать и обеспечивать себя. Хотела разгрузить маму.

– Значит, такой вы стали рано?

– Не понимаю ваш вопрос.

– Если вы ещё в юном возрасте стали обеспечивать себя и отвечать за себя, то какой вы стали?

– Самостоятельной? – неуверенно спросила Пономарёва.

– Верно!

– А какой вы будете, если вам предложат выйти замуж. И вы будете замужем?

– Несамостоятельной, – задумчиво произнесла Анна.

– Вы готовы завершить урок самостоятельности, когда вы учились полагаться только на себя и свои силы?..

– Пользу от урока самостоятельности зафиксируйте, – подсказал ангел.

– ...но чтобы остались все умения и навыки, полученные во время него, – добавила Виктория. – И пусть начнётся новый этап в вашей жизни, когда вы будете учиться жить с любимым мужчиной и быть замужней.

– Да, пусть! – согласилась Анна.

И Виктория опустила на неё энергию безусловной любви, исцеляющую и завершающую родовую программу женского одиночества.

– Как вы себя чувствуете? – спросила Вика после окончания процесса.

– Я в порядке, – кивнула Анна.

– Ещё не всё, – снова подсказал ангел в сером. – Нужно простить всех, кто был передающим и принимающим родовую программу одиночества и сожаления.

Неожиданно Пономарёва поделилась:

– Только мне очень грустно, что всё это было. Что я потратила столько лет на хандру. Я ведь говорила маме: найди себе кого-то; не нужно всё время говорить, что ты живёшь ради меня; я буду рада твоему счастью.

– Вы готовы простить за произошедшее себя и свою маму? Всех женщин в вашем роду, которые передавали и принима-

ли эту негативную программу – жить без женского счастья?

– Готова простить, – спокойно согласилась Пономарёва. – Пусть всё завершится. И наш род станет счастливым.

– Да будет так! – сказала Пятницкая и снова пропустила через Анну божественную энергию, отправляя остатки негативных чувств в центр Земли, в другой божественный источник.

– Спасибо вам за всё, особенно за терпение, – с тёплой улыбкой поблагодарила Анна. – Я уже чувствую, что это и правда конец моих мучений. Я сейчас без пафоса это говорю. Просто чувствую.

– Я рада. Пусть так и будет, – улыбнулась Вика.

– Как вы с этим живёте?

– С чем?

– Со всеми этими историями? С этим бесконечным негативом. К вам же не приходят счастливые люди?

– Не приходят, – подтвердила Виктория. – Я не знаю, как бывает иначе. Я вам говорила: я исцеляю столько, сколько себя помню. Это просто моя жизнь.

– Тяжело это.

– Я привыкла.

– Зато вы делаете добрые дела.

– Да, – улыбнулась Пятницкая. – Мне пора уходить. Удачи вам, Анна.

– И вам! Спасибо большое ещё раз! Обращайтесь, если смогу быть вам полезной. Буду рада тоже помочь.

– Предупреди, что у неё практически нет алгоритмов поведения при совместном проживании мужчины и женщины. Она не жила в полной семье и других примеров толком не видела. Ей придётся почти всему обучаться с нуля, так что пусть наберётся терпения. Активируй в ней это умение – терпение. Пусть не рубит с плеча.

Вика почти дословно передала Пономарёвой слова ангела и с её согласия активировала новый навык, а после снова попрощалась и поспешила домой.

* * *

По дороге к метро Вика, всё ещё в режиме видения, мысленно спросила ангелов:

– Вас стало двое. Почему? Это хороший знак?

– Наш собрат отправился на четвёртый план бытия – поговорить с Тимофеем и обсудить, что тот хочет в оплату своей помощи тебе, – пояснил ангел в синем костюме.

– В оплату? – переспросила Пятницкая, не понимая.

– Да. Люди не могут использовать магию четвёртого плана бытия безвозмездно, если обращаются за помощью к существам четвёртого плана напрямую или используют, например, силы природы. В случае с силами стихий – луны, солнца – всё тривиально, их нужно просто почитать, с духами же нужно договариваться о цене за услугу.

– Ага, интересно складывается: без меня меня женили.

Попросили Тимофея мне помочь, а потом мне за это расплачиваться.

– Это было необходимо после того, как ты исцелила Михайлова. Нас ты не слышала, а с Тимофеем готова была общаться, потому что чувствовала вину за его смерть. Этим мы решили несколько трудностей: смягчили негативные последствия после оживления Михайлова, избавили тебя от вины за невозможность исцелить ребёнка, начали твоё обучение истиной магии, знакомя тебя с устройством мироздания.

– Ясно, – сухо резюмировала Виктория. – А за воссоединение с тотемом я что буду должна?

– Принять тотемное животное в себе.

– Так это же я в нём?!

– Это у тебя нет веры в свои истинные силы, поэтому ты в нём, а не оно в тебе.

– Я больше, чем эта медведица?

– Значительно больше, – подтвердил ангел.

Вика поёжилась и отключила видение, заходя в метро. Не хотелось ей больше думать о магии или работе, хотелось домой к мужу, сесть с ним на подоконнике и болтать о чём-то лёгком и незначительном.

Однако сквозь звуки мчащего её поезда метро она услышала приятный голосок ангела:

– Тимофей хочет, чтобы ты поговорила с его матерью и уговорила её уехать из страны. Предложение по работе в Швейцарии уже есть. Она не хочет.

– Кажется, это будет непросто, раз он об этом просит, – мысленно ответила Вика вернувшемуся с четвёртого плана бытия ангелу.

– Всё сложится, главное – начни процесс. Номер её мобильного телефона он мне сообщил.

– Ага, хорошая память у пятилетки, до сих пор не отшибло в райских пущах, – со странным сарказмом заметила Пятницкая. – Хорошо, я позвоню, как выйду из метро. Теперь давай-ка ты отключись, а я всё же отдохну от работы, магии и всего остального.

Вика вышла из метро и тут же позвонила маме Тимофея:

– Здравствуйте, Елизавета. Это Виктория Пятницкая. Мы виделись с вами в больнице, когда я приезжала к Тимофею.

– Добрый вечер, я вас помню. Что вы хотели?

– У меня есть для вас информация. Не могли бы вы уделить мне время и встретиться со мной?

– Нет, спасибо. Мне не интересно общение с вами. И прошу вас не звонить мне больше. До свидания, – спокойно и холодно ответила мать Тимофея и отключилась.

Пятницкая озадаченно смотрела на телефон, словно это как-то могло помочь делу. Что делать дальше, она пока не знала. Тут телефон завибрировал. Это была Маша Новикова.

– Привет, Вик. Можешь говорить? У меня к тебе вопрос на засыпку.

– Привет. Могу, – отозвалась Виктория.

– Ты, когда находишься в источнике, слышишь там голос?

Кто там с тобой разговаривает?

Пятницкая удивилась настолько, что решила не шутить на эту тему:

– Нет, я ни с кем там не разговариваю. Просто растворяюсь.

– Точно? – смутилась и переспросила Мария.

– Абсолютно, – подтвердила Вика.

– Пусть свяжется с твоей мамой, – подсказал ангел в синем.

Виктория начала отличать ангелов по голосам, не переходя в режим видения, чтобы рассмотреть их.

– Позвони моей маме, спроси. Это она мне указала путь к источнику. Ей точно известно больше, чем мне, – предложила Пятницкая.

– Хорошо, – согласилась Новикова. – Предупредишь её, что я буду звонить?

– Конечно! Напишу ей прямо сейчас.

– Спасибо! Когда увидимся? Хочу рассказать тебе о впечатлениях об источнике и просто поболтать.

– Маш, честно, пока не понимаю. Точно не в будни. Может, что-то получится в выходные, если не будет много запросов на исцеления.

– Ладно, звони, если что! Пока!

– Удачи!

Пятницкая снова озадаченно посмотрела на телефон, а потом обратилась к ангелам:

- Крылатые мои, как же так? Вы же говорили, что всё сложится с матерью Тимофея?
- Всё сложится, – в один голос подтвердили они.
- Как-то я этого не вижу.
- Всё сложится, – снова повторили ангелы. – Пусть пройдёт время. События уже запущены.
- Ага, – грустно кивнула Вика и пошла домой.

* * *

В четверг Виктория вышла на обед в торговый центр. Сегодня ей хотелось побыть в одиночестве – без обсуждения рабочих вопросов или личных бесед с коллегами. И ей это почти удалось. Её уединение было нарушено уже под кофе. Как обычно, Алексей бесцеремонно сел напротив и начал беседу:

- Привет! Куда пропала? Не видел тебя на этой неделе.
- Вика немного поёжилась, вспоминая сцену ревности мужа, но взяла себя в руки и сказала:
- Привет! Не было больших совещаний, а работы много. Мне на каждую встречу по проекту ходить? У моих сотрудников это прекрасно получается.
- У меня к тебе есть предложение.
- Не люблю я такие твои заходы, – призналась Пятницкая.
- Завтра я работаю последний день, – сказал Смолин и сделал многозначительную паузу.

– Не поняла тебя. Ты в отпуске идёшь?

– Нет. Я ухожу из ТТК-банка, – улынулся он.

– Ого! – удивилась Вика, судорожно соображая, как это повлияет на её жизнь. Ведь ей теперь не нужно самой уходить из банка, а раньше и думать больно было на эту тему. Напряжение, которое держало её с пятницы, спало. – Судя по выражению твоего лица, тебе поступило интересное предложение.

– Весьма интересное, – подтвердил Алексей. – Пойдёшь со мной? Дам тебе зарплату вдвое больше и по должности не обижу. Ещё не понимаю, что по структуре можно придумать, но точно будет что-то значительнее твоей текущей позиции. Будешь моей правой рукой. И место тебе знакомо.

От этих слов у Пятницкой пробежал ток по спине.

– Лёш, ты что, в ГорБанк переходишь? – ужаснулась она своей догадке.

– Да, – заулыбался Смолин.

– На какую позицию? – холодно спросила Вика.

– Буду руководить департаментом стратегии.

Тут Пятницкая наконец вспомнила, откуда ей известно имя Александра Аверина. Когда она ещё встречалась с Алексеем, тот познакомился с ним на одном экономическом форуме, чему был несказанно рад. А потом он невероятно гордился, что ему удалось наладить с Авериным контакт.

– Ты издеваешься надо мной? – честно спросила Виктория.

– Нет.

– Но ты сместил моего мужа, – как можно спокойнее произнесла Вика.

– Так и ты сместила Полянского, став руководителем службы.

– И всё же... – неодобрительно покачала головой Пятницкая.

– И всё же я просто принял выгодное для себя предложение. И делаю выгодное предложение тебе. Что вдвойне интереснее, пока твой муж без работы. Не знал, что у них там такие большие зарплаты.

– Нехорошо, – вновь покачала головой Вика.

– Перестань! – одёрнул её Смолин. – Ты давно не девочка-колокольчик, чтобы я пытался как-то оградить тебя от правды жизни. И позиции для своего департамента ты отстаиваешь лучше некоторых мужчин и не менее настойчиво и жёстко. Так что давай без театральных вздохов, прямо и честно. Думай. Неделю тебе на размышления.

– Давай прямо и честно, – спокойно согласилась Вика, потому что её окончательно отпустило всякое напряжение. – Мой ответ: нет. Я уверена в Краснове как в руководителе, а в тебе я не уверена. И я рада, что ты уходишь. Это решает одну мою проблему. Я должна была уйти из ТТК, но теперь могу остаться и работать в любимом банке.

Смолин пристально посмотрел на Вику и, улыбнувшись, сказал:

– О, не думал, что он ревнует тебя ко мне. Это лестно узнать.

Вика пожалела о своей честности, однако сдержала выпад Алексея и снова спокойно сказала:

– Что ж, удачи тебе на новом месте. Можешь потом не рассказывать, как устроился. Я обойдусь без подробностей.

– Ладно, остывай и допивай свой кофе, не буду тебе сейчас мешать. До встречи!

– Прощай, Лёш. Прощай!

Смолин неопределённо махнул рукой, улыбнулся и ушёл, оставляя Пятницкую наедине с неприятными мыслями.

Тут ей пришло сообщение от Елены Подольской:

«Мы срочно завешиваем вопрос на правление о подтверждении лимитов кредитования в регионах. Сможешь подойти сейчас и поставить свою подпись? Сегодня в пять закрывают возможность завешивать вопросы к рассмотрению на текущем заседании, а Краснов уедет через час на встречу и будет только завтра. Долго собирали согласования по вопросу, поэтому такая срочность. Вопрос технический. Изменений не вносим».

«Это лимиты, которые мы переутверждаем каждые полгода?»

«Да, верно. В этот раз они без изменений».

Вика посмотрела на остывающий кофе, думая, стоит ли ей бежать срочно в офис или лучше спокойно допить. Ей было жаль, что нужна её живая подпись и она не может делеги-

ровать подписание технического документа Лесковой электронной визой.

И в это же время ей пришло сообщение от неизвестного абонента:

«Здравствуйте, Виктория! Я бы хотел с вами встретиться. Когда это возможно? Пётр Савелов».

Пятницкая замерла над телефоном. Ей совсем не хотелось общаться с Савеловым. Не знала она, что ему говорить и как при личной встрече реагировать, зная о том, что он делал с женой и сыном.

– Договорись о встрече, – услышала Вика подсказку ангела.

Она выдохнула и ответила Подольской:

«Буду через десять минут у себя. Заходи, я всё подпишу».

По дороге в офис Пятницкая опомнилась и написала сообщение мужу:

«Смолин уходит из ТТК. И займёт твою позицию в Гор-Банке».

«Печально, – пришёл ответ от Поспелова. – Причём печально ещё и то, что теперь ты не захочешь уходить из ТТК».

«Не хочу уходить, ты прав».

«Тогда завязывай с исцелениями».

«У меня ещё есть время подумать».

«Как скажешь. Но по окончании этого времени компромисс невозможен. Либо одно, либо другое».

Вика не стала отвечать Виктору и поспешила на работу.

Петру она тоже ничего не написала, а в офисе и вовсе забыла про его сообщение.

Глава 16

В пятницу утром Виктория вышла из лифта на тридцать первом этаже, где находился её новый отдельный кабинет. Прошла через входные двери в опенспейс. Мебель привезли и даже начали собирать, поэтому её сотрудники могли оформлять заявки на переезд.

Проходя по коридору, она поняла, что соседний кабинет больше тоже не пустует. Зашла внутрь, миновала пустую приёмную и увидела Антона Мягкова.

– Привет! Успел переехать? – спросила Пятницкая.

– Как видишь. Привет! – ответил Антон.

– Нам нужно договориться, где будут сидеть твои сотрудники, а где мои. Моих немного. Уступишь ближайшие два ряда столов для моей службы? А то, твои когда сядут, моих придётся искать на другом конце офиса.

Антон странно посмотрел на Вику, а потом спросил:

– Сведёшь меня с Михайловым?

– Так вы же и так знакомы? – не поняла просьбу Пятницкая.

– Он закрытый человек. Общается только по делу.

– А ты с ним как хочешь общаться? – снова не поняла Вика.

– Он делает интересные проекты. Хотел бы поучаствовать в этом. Где-то активностью, где-то наш департамент мог бы

стать спонсором. И ему будет хорошо, и нам реклама.

– Хочешь заняться общественной деятельностью?

– Почему нет? И мне лично реклама не мешает, впрочем, как и новый опыт.

Телефон Пятницкой завибрировал в сумке. Она достала его, чтобы посмотреть, кто звонит, и тут же показала Мягкову. На экране светилось имя: «Иван Михайлов».

– Я поговорю с ним, но прогнозировать его реакцию не могу, – сказала Вика, не отвечая на звонок. Она хотела договориться с Мягковым, а потом уже пообщаться с Михайловым.

– У тебя получается обычно людей уговаривать, – с нотками лести сказал Антон.

– Я поговорю. Это я обещаю.

Её телефон снова завибрировал. Это снова был Михайлов. И это было странно.

– Мои начнут оформлять заявки на переезд на ближайшие столы, ладно? И мне всё же нужно ответить, извини. Может, что-то случилось. Иван слишком настойчиво звонит.

– Хорошо, – согласился Антон с лёгкой улыбкой.

Виктория вышла из его кабинета и ответила на звонок Ивана.

– Привет! Ты мне очень нужна, – излишне холодно и чётко сказал Михайлов. – Машину за тобой уже отправил. Ты же на работе? – спросил он, но ответа не дождался и сказал: – Спускайся к выходу. Вера, моя жена, в больнице. На операционном столе прямо сейчас. У неё перитонит. Какой-то

гангренозный аппендицит. Волнуюсь я. Помоги. Она должна жить.

– Приве-е-ет, – озадаченно протянула Вика, словно растягивая время, чтобы подумать. – Я спущусь и приеду, хоть для меня расстояние и не важно. Я могу дистанционно с человеком работать. Только я твою жену никогда не видела и не слышала её голос. Фото пришли мне, где она одна. Загвоздка в другом: мне нужно её согласие. Или с душой поговорить, но я не знаю, как это сделать, не касаясь человека.

– Она под наркозом. В операционной. С ней нельзя поговорить, а жить она должна. Понимаешь?! Она мне нужна. Как хочешь, но спаси её. Скорая привезла её в больницу почти без сознания. Ты ведь уже спускаешься?! Мерседес. Чёрный. Номер пятьсот восемнадцать. Вера обезболивающее выпила. Думала, просто живот болит. Кто же знал, что при аппендиците этого делать нельзя. Что врачам будет сложно диагноз поставить.

– Я захожу в лифт. Как выйду – перезвоню, – сказала Пятницкая и оборвала разговор, отчасти радуясь небольшому перерыву в потоке информации от Михайлова.

– Я проведу тебя на пятый план бытия, чтобы ты поговорила с душой Веры. Ты закроешь глаза и расслабишься. Ты сможешь это сделать в машине по дороге в больницу, – сказал ангел в бордовом костюме.

– Хорошо! – обрадовалась Вика. И напряжение отпустило её.

Как только Вика вышла из лифта, её телефон снова завибрировал. Это был Иван, который успел отправить ей пять фото своей жены во всех ракурсах.

– Я сейчас постараюсь договориться, чтобы тебя пропустили в операционную.

– Не надо, – отказалась Вика, в красках представляя, как Михайлов будет это делать: врываясь в операционную посреди процесса, пытаясь там с кем-то договориться, вклиниваясь в разговоры хирурга с ассистентами о скальпелях, зажимах и тампонах. – Мне обещали подсказать иной способ.

– Ты же в лифте ехала?! – не понял Иван. – Как ты успела с кем-то связаться? По вай-фай?

– У меня иные средства связи и помощники необычные, – спокойно пояснила Пятницкая. – Я всё же целительница.

– Понял. Пропуск в больницу для тебя я сделал. Тебя встретят и проводят ко мне. Что тебе нужно для исцеления Веры? Что мне организовать?

– Мне ничего не нужно, кроме её согласия, которое я буду получать по дороге в больницу. Поэтому от тебя сейчас требуется не беспокоить меня, пока я буду ехать.

– Как ты это будешь делать? – не понял Михайлов.

– Пойду, так скажем, в другой мир и буду разговаривать с ней там.

– Как в другой мир? Она что, умерла? – опешил Иван.

– Ваня, тебе нужны объяснения или исцеление? Я сделаю всё, что в моих силах, и врачи тоже. Просто дай нам делать

нашу работу.

Иван молчал.

– Я поняла, как тебе дорога твоя жена. Честно. Я сделаю всё, что в моих силах. Всё. Сажусь в машину. Поговорим уже в больнице.

– Хорошо, – скрепя сердце, согласился Михайлов.

Не успела Вика открыть дверь машины, как телефон снова завибрировал. Она устало выдохнула и сняла трубку.

– Привет! Куда собралась? – услышала она голос Краснова.

– Привет! У Михайлова жена попала в больницу. Попросил исцелить её. Еду туда. Не против? Сегодня нет никаких важных совещаний. Я буду на связи.

– Ладно. Поезжай.

– Можно я не буду сегодня возвращаться в офис? – спросила она с подачи ангела в бордовом.

– Не приезжай. Если что, позвоню. До четырёх будь на связи. Потом я сам уеду.

– Хорошо! Спасибо тебе!

– Да, спасибо мне, – согласился Николай. – Может, нам исцеления добавить в ВИП-пакет услуг к расчётному счёту?

– Добавь, – улыбнулась Вика. – Перестану исцелять по выходным и всех буду проводить официально.

– Договорились, – усмехнулся Краснов и отключился.

* * *

– Здравствуйте! – поздоровалась Вика, забираясь на заднее сидение автомобиля. – Нам долго ехать?

– Здравствуйте! – откликнулся водитель. – Нет. Минут пятнадцать.

– Поняла. Я подремлю. Не будите меня, пока не приедем. Водитель кивнул.

– Нам хватит времени? – мысленно спросила Вика у ангелов, закрывая глаза.

– Конечно, – ответил ангел в сером. – Там нет времени. А здесь мы его растянем, так что пройдёт только пара мгновений. Главное, помоги себе расслабиться.

Пятницкая ничего не ответила и стала делать дыхательную практику, концентрируясь на выдохе и вдохе и отпуская всякие мысли, приходящие в голову. Через некоторое время ангел в сером сел возле неё в полный человеческий рост и протянул руку.

– Возьми мою руку, – сказал он. – Я перенесу тебя за пределы атмосферы.

Пятницкая повиновалась и взяла его ладонь. Не успела она и глазом моргнуть, как они оказались в космосе. Под ногами была Земля. Это было очень красивое зрелище, но отчасти грустное, потому что она не могла почувствовать единения с этим местом.

– В твоём случае это нормально, – успокоил ангел, прочитав её мысли. – Тебе нужно попасть в источник божественной энергии и уже оттуда дать команду переместиться на пятый план бытия, чтобы встретиться там с душой Веры. Когда ты делаешь что-то через источник, то избегаешь необходимости быть обязанной кому-либо за что-либо при общении с обитателями планов бытия. Так всё свершается при божественном участии.

– Я могу так дать любую команду? – ошеломлённо спросила Виктория.

– Можешь.

– И всё сбудется?

– Сбудется то, во что ты веришь и что может быть по замыслу Творца.

– Значит, всё же не всё? – переспросила Вика.

– Разве ты уже начала что-то желать с верой в сердце и оно не осуществилось?

– Подловил, – улыbnулась она. – Даже не начинала.

– Я покажу тебе планы бытия, чтобы ты знала, где какой. Первые два плана бытия заключены в третьем. Первый план бытия – неорганические вещества, которые могут образовываться без участия живых организмов, то есть минералы, соли, вода. Второй план бытия – это органические вещества: растительный и животный мир. Третий план бытия – человеческий мир.

– Ты делишь неделимое, – усомнилась Пятницкая.

– Всё верно. Как ты не можешь осознать третий план бытия без первых двух, так я не могу осознать пятый план бытия без первых четырёх. Деление условно и безуслово одновременно. Четвёртый план бытия тебе известен – это мир духов, в том числе тотемных животных, и мир заблудших душ. Он находится на пути к источнику – там, где вспышки света, помнишь? – спросил ангел и вдруг стал огромным, а Вика превратилась в маленького человечка в его ладошке. – Садись теперь ты на моё плечо, я донесу тебя до седьмого плана бытия, – предложил ангел и помог Вике устроиться поудобнее.

Они полетели ввысь за пределы Галактики, мимо вспышек света, которые являлись воротами в четвёртый план бытия. Когда они пролетали через некий золотистый слой, ангел объяснил:

– Это пятый план бытия. Если уменьшить до минимальных размеров, увеличить скорость до максимальной и направить себя мысленно в золотистую частицу, то ты окажешься на пятом плане бытия, где живу я, а ещё души людей и духи просветлённых людей. Святых не стоит искать на четвёртом плане бытия, если вдруг захочешь с ними пообщаться.

– Пообщаться?

– Да, – подтвердил ангел.

– Так просто?

– Так же просто, как с Тимофеем. Главное – это принять.

– Принять что?

– Принять то, что это возможно.

– Как ты видишь мой мир? – спросила Вика.

– Так же, как и ты, – спокойно ответил он.

– Да? – удивилась она. – Но ты же другой. В тебе нет дуальности, как я знаю.

– Представь, что ты уйдёшь далеко в горы от привычного тебе города. Вокруг будут первый и второй планы бытия во всей своей красе. Вот так мне сейчас на третьем плане. Непривычно и восхитительно.

– Тебе не хочется обратно?

– Я знаю, что вернусь обратно, когда придёт время. И нет смысла его торопить. Мне есть чем наслаждаться на Земле. Тем, чем я не смогу наслаждаться на пятом плане.

– Сахар, – улыбнулась Вика.

– И он тоже, – согласился ангел, полетев дальше. – Как ты верно заметила, я не подвержен дуальным терзаниям, поэтому, находясь на третьем плане, не скучаю по пятому, а наслаждаюсь тем, что есть на Земле. А люди могут скучать по хот-догу, находясь на склоне горы и не замечая при этом красоту заката.

– Это плохо?

– Это факт. Я не делю никого на плохих и хороших. Вы созданы такими. А мы созданы другими и созданы, чтобы помогать вам.

Тут они залетели в желеобразную субстанцию, переливающуюся всеми цветами радуги.

– Я не буду здесь останавливаться, иначе нас затянет на шестой план бытия. Это план законов мироздания. Здесь же творят судьбу человека.

– То есть «творят»? Всё predetermined заранее? Тимофей говорил, что это не так.

– Тимофей всё верно говорил. Предопределены те знания, которые ты пришла постигать, твоя душа так решила, а пути их постижения могут быть различны. Поэтому жизнь многовариантна, а её течение напрямую зависит от твоих решений и решений тех людей, которые рядом с тобой. Возможные варианты как раз и просчитываются на шестом плане бытия. Поэтому я знаю, что тебе нужно было ответить Петру Савелову и встретиться с ним. От этого зависит, уедет его жена в Швейцарию или нет. А Ивану Михайлову стоило бы умереть или хотя бы значительно заболеть, чтобы оставить свою работу. Тогда ты приняла иные решения, но сейчас разворачивается новый виток событий, который вернёт тебя к наметенному пути.

Ангел замолчал, останавливаясь возле сгустка света, который теперь виделся как некий портал в белое пространство.

– Почему Михайлову лучше было умереть?

– Это тебе объяснит душа его жены, – ответил ангел. – Тебе пора. Дальше ты сможешь всё сделать сама. Поднимаешься повыше в самую белоснежную гущу – это седьмой план бытия, растворяешься там до момента, пока не останется только твоё сознание и даёшь команду: перенеси меня

на пятый план бытия туда, где я смогу пообщаться с душой Веры.

– Хорошо, – согласилась Вика и взмыла навверх в источник божественной энергии.

Отдав нужную команду, Пятницкая обнаружила себя в пустой просторной белой комнате и смутилась, подумав, что это никак не может быть пятым планом бытия. Ангелы ассоциировались у неё с голубым небом и белоснежными кучевыми облаками. И только она успела так подумать, как оказалась по пояс в белой дымке. Оглянулась. Это была небольшая тучка посреди голубого неба, местами украшенного кучевыми облаками.

«Ага, так правдоподобнее, – улыбнулась Вика самой себе. – Присесть бы ещё, пока жду». Как только она подумала это, на краю облака появились несколько мягких бесформенных кресел. Правда, бесформенными они были, пока Пятницкая не присела в одно из них. Кресло тотчас приняло форму её тела. А одна нога Вики свесилась за край облака, что сделало происходящее ещё оригинальнее.

Мгновение спустя во втором кресле материализовалась миловидная женщина лет сорока с русыми волосами, собранными в пучок. Её фигура была пышной, но ей это невероятно шло и даже располагало к общению, потому что благодаря этим значительным формам она казалась очень доброй.

– Рада познакомиться с вами, Виктория. Я – душа Веры

Михайловой. Предлагаю сразу перейти на «ты».

– Здравствуйте, – улыбнулась Вика. – Мне тоже приятно. И да, на «ты» будет удобнее.

– Не гадай, – сказала душа Михайловой. – Я сейчас выгляжу как Вера, чтобы тебе было проще меня воспринимать. Ты привыкла если и видеть души, то как проекции живых людей.

– А это не так? – уточнила Виктория.

– Не так. В понятной тебе терминологии мы, души, – это сгустки энергии, способные принимать различные формы. Вера – одно из моих воплощений на Земле. До неё были другие и ещё будут новые. Но если я предстану перед тобой в форме многоликого создания, в твоём понимании это будет устрашающе. А если приму естественные очертания, ты меня не увидишь, потому что глаз человека не способен воспринимать моё изначальное состояние.

– Ты здесь, на пятом плане бытия, а не на третьем. Значит, с Верой всё плохо? Ты отлетела?

– Нет. Я здесь и там одновременно. И я даже внутри Вериного тела. Она принимает меня.

– То есть принимает? Может быть иначе?

– Может, когда человек отрекается от себя и отдаёт себя во власть эгрегоров, злых духов или демонов. Когда человек подменяет понятия и вместо счастья идёт за его иллюзией.

– Но почему мы так делаем? Почему у нас столько помощников, а мы всё равно всё делаем по-своему? Зачем людям

дана эта странная свобода?

– Невозможно узнать что-то новое, не делая ничего нового, следуя лишь изведанными маршрутами. Вы постигаете мир.

– Мы как подопытные кролики у вас?

– Ты делишь неделимое. Без Веры нет меня, а меня – без Веры.

– И при этом ты говоришь, что человек может отвергнуть душу. Как тогда?

– Тогда человек бредёт в потёмках. Тогда нам всем сложнее: в этом случае я совсем не могу помогать и подсказывать ему на пути. И я тоже страдаю.

– И зачем это?

– Это тоже опыт. Хотя иногда настолько неудачный, что проще завершить жизнь текущего воплощения, чем продолжать.

– Тогда человек умрёт?

– Да. Покинет Землю.

На этой нерадостной ноте Виктория вспомнила основную цель своего визита:

– Я хотела узнать про Веру. Я могу исцелить твоё тело на Земле?

– Да, можешь. И этим вернёшь в правильное русло мою текущую жизнь. Если бы Иван умер, я бы уехала из России в Испанию, чтобы не предаваться унынию в городе, где потеряла любимого мужа. В Испании от скуки начала бы активно

заниматься йогой, создала бы своё течение, и у меня было бы много последователей. Сейчас же это невозможно. Иван слишком подавляет меня.

– То есть Иван должен был умереть, чтобы ты распространила йогоу? Что такого хорошего в этой йогое?

– Дело не в йогое, а в том, сколько людей могут быть вовлечены в это действие, которое гармонизирует их пространство: они будут лежать в шавасане, а не сеять зло в мир. И дело не в смерти Ивана. Он мог бы и не умирать тогда, если бы слышал подсказки своих помощников. Он заигрался во властную персону и забыл, зачем пришёл на Землю.

– Не понимаю твоей логики. Разве он не созидает? Не делает добро? Он делает крутые проекты, которые обновляют огромный и значимый город.

– Он тешит гордыню, забывая о себе и близких. Ему давно пора начать делиться опытом, писать книги, например, или преподавать, уступая дорогу другим, а не покорять очередные высоты. Не любые средства оправданы в достижении целей. Надеюсь, на пороге смерти и возможной потери близких он услышит себя и почувствует, как много теряет, не наслаждаясь радостью семейной, да и просто спокойной жизни. Несколько раз в год сводить сына в кино или жену в ресторан, а не на деловой ужин – это не в счёт. Исцели меня и донеси до него, что нашей семье на пару лет нужно уехать в Испанию. Я это уже и сама понимаю. Так что Веру, то есть меня, убеждать ни в чём не нужно.

– Почему именно в Испанию? – спросила Пятницкая, думая, что и Иван может задать ей такой вопрос.

– У нас есть дом в Андалусии. Оттуда Иван не сможет излишне активно принимать участие в жизни города, и его подзабудут. А забвение ему очень полезно, чтобы узнать себя настоящего. И там у меня будет должный уровень скуки, чтобы начать всерьёз изучать йогу. В Москве такие обстоятельства сложатся не скоро.

– Что будет, если вы всё же не уедете?

– Будут происходить различные события, чтобы мы так или иначе начали выполнять свои предназначения.

– Негативные события?

– Разные.

– А кто-то может умереть из-за этого?

– Всё возможно. Сейчас наиболее благоприятный путь развития событий – если вся семья уедет из России. Через пару лет можно вернуться.

– Я поняла, – сказала Виктория и осознала себя стоящей в углу операционной.

У неё не было тела, и она казалась себе прозрачной. Операционная бригада её явно не замечала.

– Шейте, – сказал один хирург другому, уступая место.

Вика опустила на операционную и всех, кто в ней находился, энергию безусловной любви и просто смотрела на слаженную работу врачей.

– Да, твоя помощь сейчас не нужна, – сказал ангел в се-

ром. – Операция прошла успешно.

– Поняла, – кивнула Вика. – А её йога немного подождёт.

– Промедление в пару месяцев не страшно. Главное, чтобы они уехали не позднее чем через полгода.

– В этом нужна моя помощь?

– Да. Поговори с Иваном.

– Хорошо, – ответила Виктория и осознала себя сидящей в машине. Ангелы были правы. Судя по расстоянию от Москвы-сити, прошло не более пяти минут.

Почему-то Вика вспомнила разговор с душой Веры про эгрегоры и мысленно взмыла ввысь на седьмой план бытия. А там, растворившись в божественной энергии, отдала команду отсоединиться от эгрегора ТТК-банка. Ничего не почувствовав в ответ, Вика вернулась на Землю. Машина въехала на территорию больницы.

Телефон Виктории завибрировал. Это звонил Краснов.

– Вернись в банк. Ты мне нужна. Через полчаса встреча по проекту присоединения у Образцова. Это на час. Я могу не всё знать по теме. Успеешь?

– Постараюсь.

– Иди сразу на шестидесятый в кабинет Образцова. В списках ты уже есть.

– Хорошо, – ответила Пятницкая, хотя по спине пробежал ток. – Разверните машину, пожалуйста. Нам нужно вернуться в Москва-сити. Я потом сама приеду через полтора часа, – максимально спокойно сказала Вика водителю.

Тот смутился, но возразил:

– У меня было указание привезти вас сюда.

– Я понимаю. Я поговорю с Иваном. Пожалуйста, развернитесь и отвезите меня обратно.

– Я не могу, извините.

– Я прямо сейчас его набираю, не уволит же он вас! – эмоционально воскликнула Пятницкая.

– Может, – спокойно и честно сказал водитель.

– Ладно, – махнула рукой Вика, выходя из машины и сбрасывая набор номера Ивана. – Возьму такси.

Ей очень повезло: она заказала такси через приложение в телефоне, и машина сразу подъехала, так как стояла прямо у стен больницы. Только в такси Пятницкая снова набрала Михайлова.

– Ваня, мне срочно нужно вернуться в банк. Я приеду через полтора часа. С Верой всё нормально, я посмотрела.

– Ты мне нужна здесь. Забудь про этот банк. Жизнь моей жены важнее!

– С твоей женой всё в порядке. Сейчас выйдет доктор и скажет, что операция прошла успешно. Нет угрозы для жизни и здоровья.

– Вика! – запротестовал Иван.

– Прямо сейчас выйдет врач и всё тебе сам скажет, – снова повторила Пятницкая, скрывая волнение. – А я приеду через полтора часа, и тогда мы с тобой поговорим. Моя помощь здесь не нужна.

– Нужна! – снова заявил Михайлов, а потом отвлёкся.

Судя по звукам, доносящимся из трубки, к Ивану подошёл врач и стал рассказывать о проведённой операции.

Вика нажала кнопку отбоя и постаралась в оставшиеся пять минут поездки расслабиться. Михайлов перезвонил, когда она уже заходила в кабинет Образцова, но она не ответила ему и отключила звук телефона.

Внеплановая встреча по проекту присоединения Виват-банка к ТТК-банку прошла хорошо, но бестолково для Виктории. Она не вымолвила ни слова. На последней текущей встрече Пятницкая подробно изложила Краснову суть вопросов, которые поднимались на совещании, поэтому он был прекрасно осведомлён о состоянии дел и сам блистал знаниями. Вике же оставалось лишь мило улыбаться окружающим.

* * *

– Не сердись, – сказала Вика, заходя в палату.

Иван сидел в кресле возле кровати жены, ещё не вышедшей из наркоза, и смотрел в окно. Он даже не обернулся к Пятницкой.

– Операция прошла успешно. Через пять дней снимут швы. Через неделю выпишут. Немного попочкают антибиотиками для профилактики, так как были осложнения. Но в целом всё хорошо. Хотя, увы, шов большой. Делали тра-

диционную аппендэктомию, а не лапароскопию. Опять-таки из-за осложнений это было оправдано.

Михайлов повернул голову в сторону Вики и странно посмотрел на неё, как бы спрашивая: «Что ещё?»

– Вам нужно уехать в ваш домик в Андалусии и потеряться для всех на пару лет, – продолжила Вика.

– В прессу недавно просочилась информация об этом доме. Не удивила, – качнул головой Иван.

– Я и не пытаюсь тебя удивить. Я говорю то, что мне подсказывают свыше.

– Ага, поговорила с врачом до прихода сюда, – небрежно бросил он.

– С какой стати врачи в платном отделении больницы будут рассказывать неизвестной девочке историю болезни жены уважаемого человека? Что ты упёрся как баран в свою обиду? Разве тебе мало последних событий? Ты чуть не умер, потом твой сын, теперь жена. Сколько тебе ещё нужно чудес, чтобы понять, что твоя жизнь и жизнь твоих близких на волоске? И тебе передают свыше прямым текстом: уезжай на пару лет. Что тебе ещё нужно?

– А знаешь, нужно! Нужно чудо! Потому что на фоне всех этих событий мне кажется, что Бога нет. А ты?.. Ты была мне очень нужна. Но не ты спасла мою жену, её спасли врачи.

– Тебе этого мало? Ладно, будет тебе чудо, – устало сказала Вика. – Ты готов сам разбираться потом с его последствиями?

– Ты сначала сотвори, а я уж разберусь.

Больше ничего не объясняя, Пятницкая переключилась на видение, поднялась к источнику безусловной любви и опустила энергию на тело Веры. А потом она стояла и свидетельствовала, как божественная энергия заживляет израненные клетки в брюшной полости, сращивает ткани и убирает все следы хирургического вмешательства.

– Червеобразного отростка у Веры больше нет. И следов операции тоже нет. Она полностью здорова, – спокойно произнесла Пятницкая. – У вас есть полгода, чтобы уехать в Испанию. И минимум два года вам нужно прожить там. Если всё ещё не веришь, сам разбирайся с проблемами, а ко мне даже не обращайся за исцелениями. И сам объясняй врачам, куда делся шов. С меня было только чудо. Я свою часть угловора исполнила. Причём для всех, – сказала она уже для ангелов и души Веры.

Виктория развернулась и пошла к двери.

– Вика! – попытался остановить её негромким окриком Иван.

– Знаешь, я просто человек. Мне тоже может быть больно, обидно и тяжело, – не оборачиваясь, сказала Пятницкая и вышла в коридор.

По проходу шёл мужчина с большой корзиной цветов.

– Виктория? – немного неуверенно спросил он.

– Да. Мы знакомы?

– Я Пётр Савелов. Так что да, мы почти знакомы. Уделите

мне время? – просто попросил он.

– Поговори с ним. Так ты сможешь поговорить с его женой, – сказал ангел в синем.

– Хорошо, – не скрывая тяжести, сказала Вика. – Через полчаса. Я выпью кофе где-нибудь в ближайшем кафе, и мы пообщаемся.

– Вы мне скажете, где будете?

– Да. Сделайте мне сейчас тестовый звонок. У меня не осталось вашего номера. И я наберу, как буду готова.

– Хорошо. Спасибо!

Вика спустилась в холл первого этажа больничного корпуса, накинула пальто и уже собиралась выходить, как ей позвонила Лескова и попросила посмотреть и согласовать несколько срочных писем. Пятницкая присела на широкий и низкий подоконник, достала планшет и начала читать почту.

* * *

– Ты так и не выпила кофе, – сказал Михайлов и поставил перед Викой бумажный стаканчик с капучино.

– Да? – растерянно отозвалась Пятницкая, заканчивая отвечать на очередное письмо.

– Ты сидишь здесь два часа.

– Разве? Заработалась. Вроде намечался спокойный день, но всем что-то понадобилось под конец недели.

– Прости, – вдруг сказал Иван, глядя в глаза Пятницкой. –

Я снова тебе не поверил.

– А кому ты вообще в этой жизни веришь? Понимаешь, это ведь снова повторится, – с вызовом, но без злобы предупредила Вика.

Иван недоверчиво улыбнулся.

– Вань, тебе и твоей семье нужно уехать. Это будет мне лучшей наградой. Перестанете наконец помирать – и я смогу работать в нормальных условиях, а не на подоконнике.

– А может, и правда... ну её, эту работу? И ты тоже.

– Я в отличие от тебя собственный бизнес не имею, и муж у меня временно безработный. Так что предложение не поддерживаю.

– У тебя же дар!

– Дар, – согласилась Вика. – А врачи и без подобного дара спасают жизни. Незаменимых нет. Я же с этим даром себе не принадлежу. Вокруг меня вон ангелы роятся и говорят, что делать.

– Ангелы? – не поверил Иван.

– Ага. Ты же Библию читал?

– Читал.

– Там же написано про ангелов?

– Написано.

– Так что ты сейчас удивляешься?

– Логично, – улыбнулся Михайлов.

– А то! – тоже улыбнулась Пятницкая, вспомнив, как она сама отреагировала, когда узнала про существование анге-

ЛОВ.

– Я решил рассказать лечащему врачу всю правду. Пусть выпишет Веру, чтобы мы в другую больницу переехали.

– Очень логично сразу после операции транспортировать больного в другую больницу, – усмехнулась Вика. – Да и врач в целом порадуется. Забавное будет зрелище.

– Ну а что сказать? – развёл руками Михайлов.

– Ты на меня даже не смотри. Это твой вопрос, вот сам его и решай. Только меня не впутывай. Даже не смей говорить, что это я.

– Вик, но ведь это же чудо! Ты тут всех можешь вылечить.

– Не могу, – покачала головой Вика. – Есть законы, которые я не могу нарушать.

Вика сознательно заменила «не хочу» на «не могу», чтобы не объяснять Ивану всех тонкостей своей работы и не рассказывать, что вообще-то она и его не имела права спасать.

– Я видела твоего друга здесь. Савелова, – сменила тему разговора Вика.

– Да. Он приехал, как только узнал про Веру. Я позвонил, когда операция завершилась. Мы дружим семьями. Я тебе говорил, он мой близкий друг.

– И его жена тоже здесь? – тут же спросила Вика.

– Нет. Приедет через пару часов. Пётр в Москве, а Елизавета сейчас живёт в загородном доме. Он отправил за ней машину.

Было так заманчиво исполнить желание Тимофея пря-

мо сегодня и поговорить с его мамой, которая должна была приехать ровно туда, где была Пятницкая, через каких-то несколько часов, но Вика вдруг спросила:

– Может, ей уже и не нужно приезжать? Как ты объяснишь, что я не спасла их сына, но исцелила твою жену, причём после успешной операции?

– Не подумал, – честно ответил Иван.

– Зато ты очень хотел чуда, – устало выдохнула Пятницкая.

– Я им не буду говорить, – после задумчивой паузы ответил Михайлов. – Никому не буду. Только с врачом поговорю, чтобы не посылал в палату никого другого. И медсестёр тоже. Пусть будет ВИП-обслуживание по полной – лично им. И с Верой поговорю, когда проснётся.

– Вера всё знает. Она сама мне давала согласие. Она всё будет помнить.

– Ещё лучше.

– Через полчаса Вера проснётся, – сообщил Виктории ангел в сером.

– Через тридцать минут твоя жена выйдет из наркоза. Пора тебе возвращаться, чтобы уладить последствия чуда. Аппендицит и операция – всё это было правдой, так что будет что рассказать чете Савеловых. А под ночнушку они Вере заглядывать не станут, чтобы посмотреть шов. Потом расскажете о невероятно удачной пластической операции и удивительных свойствах Вериной кожи к регенерации. Типа гене-

тическая особенность. Ну и закрытые купальники никто не отменял, если вместе поедете на море.

– И правда умная, – по-доброму резюмировал Михайлов. – Взял бы тебя на работу, да уже не надо, кажется.

– У меня хорошая работа, Вань. Может, уже запомнишь это? – улыбнулась Вика. – И вообще, может, у меня не только к исцелениям дар.

– Дар целительницы у тебя бесспорный, – не согласился Иван.

– Ага, только ты постоянно сомневаешься, – устало улыбнулась Вика. – Ладно. Мне пора. Я безумно устала. Я пообещала Петру поговорить с ним, но я не могу. Честно, просто не в силах. Если бы ты только знал, какие тяжёлые последние две недели у меня были... Мне нужна тотальная перезагрузка.

– Хорошо, я поговорю с ним. Скажи, на какой день мне его ориентировать? Или ты совсем не хочешь с ним говорить?

«Очень не хочу», – подумала Вика, а вслух сказала:

– Смогу с ним встретиться в понедельник в восемь вечера в районе Москва-сити. Спишемся с ним в понедельник, чтобы согласовать точное место встречи.

– Хорошо. Я сейчас позвоню водителю, он отвезёт тебя домой. Ты же домой?

– Да, домой, спасибо! Это будет очень кстати.

– Это мелочи.

– Тогда я пошла. Удачи тебе с врачом. Побудешь в моей шкуре, – усмехнулась Пятницкая, направляясь к выходу.

Телефон Виктории завибрировал, и она посмотрела на экран: пришло СМС о перечисленной на карточку зарплате.

«Всё потрачу!» – подумала Вика, села на заднее сидение, и машина тронулась с места.

* * *

Виктор вышел в коридор встречать жену с работы.

– Хорошо, что ты дома, – сказала Пятницкая, передавая мужу пальто. – У тебя есть планы на выходные?

– Да, – ответил Виктор. Вика напряглась, но он тут же продолжил: – Провести их с тобой. Я мужчина свободный... от работы, так что все дела сделал в будни.

– Прекрасно! – обрадовалась Виктория и тут же включила деловой тон: – У тебя есть полчаса, чтобы надеть кроссовки, джинсы, куртку и отправиться со мной на долгую прогулку.

– Куда, не постесняюсь спросить? – таким же деловым тоном уточнил он.

– Куда глаза глядят, – ответила Вика и тоже пошла переодеваться.

– Ты взяла рюкзак? – удивился Пospelов, когда они выходили из квартиры.

– Да. Я решила гулять с утяжелением.

– То есть ты не скажешь истинную причину? – усмехнулся

он.

– Нет, – серьёзно ответила Вика, шагая к лифту. – Потопишь. Нас уже ждут.

Они вышли из подъезда, и Пятницкая указала на машину в паре метров от них:

– Это наше такси.

– Ага, такси, – улыбнулся Виктор, помогая жене сесть в машину. – Значит, не гулять, а ехать.

– Когда как, – серьёзно сказала Вика и тут же начала пересказывать мужу события дня.

– Теперь ты меня интригуешь, – усмехнулся Поспелов, когда машина выехала за пределы города.

Такси лихо промчалось по шоссе и остановилось у входа в терминал F в Шереметьево. Виктор, подавив смех, посмотрел на жену, но так ничего и не сказал, лишь помог ей выйти из машины.

Зайдя в аэропорт, Вика застыла почти сразу на входе, изучая что-то в телефоне.

– Мы в зоне вылета, а не в зоне прилёта. И куда же мы летим? – спросил Поспелов, не удержавшись.

– Не знаю, – честно ответила Пятницкая. – Как раз изучаю этот вопрос. Смотрю, куда мы можем вылететь сегодня и вернуться в воскресенье, чтобы был прямой перелёт.

– Даже так? – с улыбкой прокомментировал Виктор.

– Да, так. Мне захотелось проверить твоё утверждение, что при наличии денег и телефона с доступом в интернет

путешествие можно организовать в режиме онлайн. И да, у нас есть шенгенские визы. Хотя вот есть билеты в Стамбул... Впрочем, мы поедem не туда, идём, – продолжила через пару минут Пятницкая, – я купила нам билеты в Мюнхен. Вылет через час. Оттуда улетим в воскресенье днём. А пока будем проходить регистрацию и паспортный контроль, я забронирую отель.

– Были только в Германию билеты?

– Нет, ещё видела в Швейцарию, но сами билеты дороже и там дороже, а я жадничаю, чтобы не экономить на пиве.

– Мюнхен – прекрасный выбор. Просто стало интересно, какие ещё были варианты.

– Ой, я всё не смотрела. Например, отмела сразу ночные вылеты сегодня или обратные утренние вылеты в воскресенье. Думаю, всё равно бы улетели в какое-нибудь приятное место.

– Милая, Мюнхен – то, что надо. Пиво, рулька и капуста. А ещё вкуснейший штрудель с мороженым. Жаль, всё это будет только завтра. Там рано всё закрывается.

– Сейчас погуглю. Хм... Уже нашла два заведения в центре, которые работают до часа ночи, так что по бокалу свежего пива точно успеем выпить перед сном.

– Отлично! Повезло мне с женой, – улыбнулся Виктор и забрал у Вики рюкзак. – Что там? – спросил он. – А то мне с ним контроль проходить.

– Наше сменное бельё, пара футболок и пара кофт, зубные

щётки, маленький тюбик зубной пасты и телефонные зарядки с наушниками. Всё. Остальное, если понадобится, купим там. Я получила зарплату, так что гуляем на все!

– Интересный поворот! Тогда зайдём в универмаг на Мариенплац, там были хорошие цены на брендовую одежду. Вдруг за пару лет ничего не изменилось.

– Зайдём, – улыбнулась Вика. – Главное – не забудь, что моя зарплата меньше, чем была у тебя.

– Разберёмся, – улыбнулся Пospelов и поцеловал жену. – Забудь про экономию, всё у нас будет хорошо.

* * *

В субботу днём Пospelов и Пятницкая сидели в одном из пивных ресторанов в центре Мюнхена.

– Что у тебя с сотрудницей, которую ты думала уволить? Вера Кузнецова, если я верно помню? – спросил Виктор, отхлёбывая светлое пиво из огромной кружки.

– По-прежнему думаю о её увольнении, – сказала Вика, ставя на стол небольшую кружку с тёмным пивом. – Говорит правильные вещи. Со всем соглашается. Готова работать и меняться. Только всё это лишь на словах. За моей спиной всё так же просит помощи. И не подсказок, а чтобы помогли и что-то сделали за неё.

– Хорошие навыки коммуникации, – усмехнулся Виктор.

– Согласна. Только на её позиции мне больше нужно, что-

бы она знала методологию и отчётность.

– Может, перебросишь её на проектную деятельность? Пусть ходит на рабочие группы и общается там.

– Хорошая идея. Однако у обычных проектных менеджеров зарплата меньше, а руководить проектом я её не готова поставить.

– Сначала попробуй. Если тебе понравится, как она себя там проявляет, тогда будешь думать о технических тонкостях перевода.

– Согласна, спасибо! А почему ты вдруг решил поговорить о моей работе? Ты же хочешь, чтобы я ушла из банка.

– Хочу. И в то же время вижу, как ты не хочешь уходить. А я не готов сбрасывать твои желания со счетов. Так что в последние дни много думаю об этом.

– И что надумал?

– Надумал, что я ошибался по одному вопросу, даже примеры тебе приводил. Я сейчас о многозадачности и возможности совмещения нескольких видов деятельности. Всё очень индивидуально. И если среднестатистическому человеку эффективнее делать сначала одно дело, а потом браться за другое, то в твоём случае это может быть не так. Ты точно не статистка. И не нужно тебе бросать банк и заниматься только исцелениями, или наоборот. Что если нам сесть и подумать, как это совместить? Ввести лимит на количество исцелений в неделю. Установить однозначный выходной, например воскресенье, когда ты не будешь даже телефон брать

в руки, чтобы не читать рабочую почту или не бежать кого-то исцелять. Поговорить с Красновым, чтобы у тебя было четыре рабочих дня, а не пять.

– Разве так бывает? – не поверила Вика.

– Почему нет? Если ты комфортная, эффективная и перспективная работница с точки зрения Краснова, он на это пойдёт. А если нет, то сможешь уйти со спокойной душой при необходимости, понимая, что не подставишь руководителя.

– Не знаю, Витя. Не знаю. Я понимаю, как ты был прав и как я невероятно устала. Мне страшно это произнести, но я перегорела. Я больше не хочу никого исцелять, рассказывать о тонкостях мироздания и выдавать секреты бытия. Я устала доказывать, что могу исцелять. И вообще, как говорит моя мама, мне ещё многому нужно учиться. А я не понимаю когда. Два дня в неделю на исцеления? Не думаю, что этого будет достаточно.

– Ты отказываешься, не попробовав.

Вика посмотрела на мужа печальным взглядом.

– Ты устала. Я понял, – кивнул он. – Не имею права настаивать. Пусть пройдёт время.

– Даже не начинайте, – мысленно шикнула Пятницкая на ангелов, которые, кажется, закопошились. – Я очень устала. У меня выходной, и я хочу провести его наедине с любимым мужем.

– Я впервые видела, как происходит операция, – продол-

жила Пятницкая разговор с Поспеловым. – И в тот момент поняла, что Бог дал людям уникальные знания и возможности, когда без чудес вершится спасение человеческой жизни, когда это может сделать обычный человек, имеющий медицинское образование.

– Так уж и обычный?

– Понятно, что должна быть предрасположенность к врачеванию. Мы разные: кто-то – бухгалтер, кто-то – учитель, а кто-то – доктор. Я ведь совсем не об этом, а о том, что сверхспособности совсем не обязательны, чтоб творить чудеса.

– Я понимаю, о чём ты. Только это совсем не повод, чтобы принижать свои достоинства, милая. В тебе сейчас говорит усталость.

– Не буду спорить. Поэтому давай просто отдохнём.

– Давай, – согласился Поспелов.

В этот момент Виктории позвонила мама:

– Здравствуй, милая! Завтра к нам в гости придёт Маша, буду рассказывать ей о седьмом плане бытия. Может, и ты придёшь? Расскажу и тебе, и ей сразу.

– Привет, мам! Увы, у меня не получится. Мы улетели с Витей в Мюнхен, только завтра вернёмся. Я ещё не успела тебе сказать.

– Хочешь, я перенесу встречу на вечер в будни? Когда тебе будет удобно?

– Спасибо большое, мам, за предложение, но мне сложно сейчас что-то прогнозировать. И работы много, и пару ис-

целений запланированы как раз на вечер. Встречайтесь без меня. Расскажешь потом мне при случае.

– Уверена?

– Да. Очень устала, поэтому и уехали с Витей отдохнуть.

– Я поняла. Хорошего вам отдыха. Вите привет!

– Спасибо! И тебе привет от него. А ты папе передавай.

Пока!

Глава 17

В понедельник, проходя мимо кабинета Мягкова, Вика чертыхнулась: она забыла поговорить с Михайловым о нём. И опять забудет, если не сделает это сейчас. Пятницкая сразу позвонила Ивану.

– Привет! Как вы там?

– Хорошо. Вера ещё делает вид, что перенесла операцию, но сегодня выписываем её из больницы. Врач попался сговорчивый. Правда, хочет с тобой познакомиться.

– Это у него не получится, а по остальным пунктам – я рада! У меня к тебе просьба. Один мой коллега очень хочет установить с тобой дружеский контакт и поучаствовать в судьбе города через помощь в проектах.

– На фоне твоих настоятельных рекомендаций оставить мой пост странно слышать от тебя такое.

– Ты принял решение?

– Да, говорили с Верой об этом все выходные. Думаю, через пару-тройку месяцев уедем, чтобы без спешки и по максимуму закрыть дела.

– Рада слышать. И всё же про Мягкова. Он что-то говорил про готовность к спонсорскому участию, а у тебя скорее всего есть зам. Давай их сведём – всем будет хорошо.

– Тема. Я пришлю телефон Андрея, это мой зам. И предупреду его. Пусть общаются.

– Прекрасно! Удачи!

– И тебе!

Антон вышел из своего кабинета, словно услышав разговор Виктории, хотя это вряд ли было возможно.

– Привет! Как прошли выходные? – спросил он.

– Привет! Хорошо, – кивнула Вика, и её телефон завибрировал. Она показала Антону экран телефона: «Николай Краснов».

– Ты нарасхват, – отметил Антон.

Виктория лишь повела плечами, а потом сказала:

– Как поговорю с Николаем, отправлю тебе номер заместителя Михайлова для установления дружеских контактов. Сам он не может сейчас, у него жена в больнице.

– Добро. Спасибо!

Пятницкая кивнула и пошла к себе в кабинет, на ходу отвечая на звонок.

– Привет! Смотрю текущую повестку правления. У нас технический вопрос. Сходи сама.

– Я? – не поверила Вика.

– Ты, – подтвердил Краснов и отключился.

– Вот чёрт! – выругалась вслух Виктория, окидывая взглядом своё платье, совсем не подходящее для столь серьёзного заседания.

На счастье, она вспомнила, что в пятницу так и не забрала пару шёлковых рубашек и костюм из химчистки, поэтому срочно побежала туда, чтобы было во что переодеться.

Виктория стояла рядом с массивными тёмными деревянными дверями и смотрела на свой силуэт в окне шестьдесят первого этажа – за стёклами была серая облачная дымка. Она очень волновалась. Ещё год назад она и подумать не могла, что достигнет таких высот и высшей степени доверия руководителя. За каких-то пару месяцев Пятницкой удалось полностью перестроить работу вверенного ей подразделения и увеличить зону ответственности процентов на двадцать без увеличения штата сотрудников. И это была её заслуга, а не последствия подключения к эгрегору. Тут у Вики не было сомнений, она и без подсказок высших сил и магических пассов руками могла добиться хороших результатов на работе. Хотя нужно было отдать должное Виктору – без его советов тут не обошлось. И всё же от осознания своих достижений Виктории стало очень хорошо.

Наконец её пригласили в зал заседаний. Пока она шла на место докладчика, постукивая каблуками по паркетному полу, слово взял Георгий Образцов:

– Как я вижу, вопрос регулярный, и в данном случае требуется подтверждение текущих лимитов кредитования регионов без внесения изменений. Чтобы не тратить время, давайте сразу проголосуем. Есть возражения?

– Возражений нет, – начал представитель службы внутреннего контроля. – Однако я не вижу в документах заявленной подписи казначейства.

– Скорее всего, это техническая ошибка, и забыли заве-

свить электронную версию документа, – предположил Георгий. – Я прав, Виктория? – спросил он.

– Конечно, правы! – подтвердила Вика. – Мы бы не стали выносить вопрос, не имея всех согласований.

– Вот и славно, – резюмировал Образцов. – Тогда одобряем.

– Хорошо, только не забудьте предоставить документ в секретариат до двенадцати часов завтрашнего дня, – согласился представитель службы внутреннего контроля.

– Непременно, – ответила Пятницкая, вставая и выходя из зала заседаний правления.

За дверью она с улыбкой сообщила остальным ожидающим докладчикам, что всё прошло хорошо – вопрос одобрен. Потом вышла в коридор, вызвала лифт и, только когда двери кабины закрылись, оставив её одну в замкнутом пространстве, она позволила себе осознать весь ужас происходящего. Ей очень хотелось верить, что это и правда техническая ошибка, но шестое чувство подсказывало: нет, не ошибка, нужная подпись просто отсутствует на документах.

На тридцать первом этаже Вика подошла к столам в опенспейсе, где уже разместились сотрудники её службы.

– Идите за мной все, кто готовил документы на сегодняшнее правление. И перешлите мне сейчас на почту электронные версии этих документов.

– Хорошо, сейчас перешлём и придём, – сказала Елена Подольская.

Вика успела налить себе кофе, и в кабинет вошли Подольская и Кузнецова.

– На документах не оказалось визы казначейства. Вы забыли отсканировать и завести документ или подписи нет? – стараясь сохранять спокойствие, спросила Пятницкая.

– По этому вопросу не нужна виза казначейства, – со знанием дела сказала Вера.

– Вера, ты не услышала мой вопрос. У нас есть виза казначейства?

– Так нам не нужна их виза! – снова ответила Кузнецова. Елена стала копаться в стопке принесённых документов, а

Виктория открыла письмо с электронными версиями бумаг.

– Да, Лена, да, не округляй глаза. Строчка для визы казначейства есть, а самой подписи – нет.

– Так она не нужна, – снова выдала Кузнецова. – Согласно инструкции 2417-К подобные вопросы не относятся к зоне ответственности казначейства.

«Сейчас я её убью», – подумала Виктория, обдала себя энергией безусловной любви и сказала:

– Вера, выйди из кабинета.

Та хотела сказать что-то в ответ, но Пятницкая остановила её жестом и снова повторила:

– Просто выйди – и всё.

Кузнецова обиженно развернулась и закрыла за собой дверь.

– Ты уже поняла? – потирая глаза, спросила Вика у Елены.

– Да, – печально кивнула Подольская. – Скорее всего, мы забыли убрать ненужную строку, когда готовили документ по аналогии с другим вопросом. Это моя вина. Я просмотрела. А секретари правления и правда могли не придать этому значение, так как эта подпись действительно не нужна. Но строка есть.

– Я тоже это пропустила, а внутренний контроль заметил это прямо на правлении.

– И что теперь? – белея, спросила Подольская.

– Теперь эту подпись нужно получить. Крайний срок – завтра до двенадцати.

Подольская молчала, прижав папку с документами к груди.

– Иди, – тяжело вздохнув, сказала Вика.

– Но как? Срок такой маленький! – в глазах Лены заблестели слёзы.

– Я не знаю пока. Иди. Мне надо подумать.

Подольская вышла, заплакав.

Телефон Вики завибрировал: это был Краснов. Окончательно холодея, она приняла звонок.

– Как всё прошло? Хорошо? – задорно спросил Николай.

– Нет, но будет, – честно ответила Пятницкая. – Отчитаюсь завтра до двенадцати.

Ничего не сказав, Николай повесил трубку, а Вика позволила себе разреветься, осознавая стремительное падение с высоты собственного эго, которое совсем недавно восхваля-

ло себя так, что корона в дверь не пролезала.

Минут через пять Пятницкой удалось собраться: надо было действовать, а не рыдать. Кусая костяшку безымянного пальца левой руки, она усиленно думала, как исправить ситуацию, и всё же надумала.

– Наташенька, привет! – поздоровалась Пятницкая, позвонив помощнице Краснова. – У меня к тебе две просьбы на миллион. Миллиона нет, но потом проси, что хочешь. И просто по-человечески выручи меня, пожалуйста, у меня большая проблема.

Вика вкратце объяснила, что произошло, а потом перешла к просьбам:

– Если ты дружишь с помощницей руководителя казначейства, пожалуйста, попроси её организовать мне с ним встречу, причём сегодня. Дружишь же?

– Дружу, – подтвердила Наташа.

– А ещё можешь узнать у помощницы Образцова, какое сладкое он любит? Может, какие-то определённые конфеты или шоколад. Хотя это по времени терпит. Самое важное мне сейчас – попасть к Борису и получить его визу.

– Я тебе перезвоню, как поговорю с Полей, – сказала Наташа и отключилась.

Ожидание было недолгим и долгим одновременно. Впервые кофе не радовал Викторю, а только обжигал горло, а она, как в наказание себе, пила его большими глотками.

– Иди к кабинету Борисова. У него сейчас конфе-

ренц-колл. Как закончится, Поля тебя попробует запустить. Главное, чтобы те, кто должен потом прийти на встречу, пришли вовремя, а не заранее, – сказала Наталья, перезвонив минут через пять. – По Образцову сейчас выясню и напишу тебе сообщение.

– Ты моя спасительница! – искренне воскликнула Виктория. – Я у тебя в долгу, спасибо!

Всё сложилось как нельзя лучше: конференц-колл у Борисова закончился раньше положенного срока, приглашённые на следующую встречу не пришли заранее, так что Полина пропустила Вику в кабинет Борисова уже через сорок минут.

– Александр Владимирович, здравствуйте! – с порога начала Пятницкая, подходя вплотную к столу Борисова, проигнорировав стулья для посетителей. – Я буду честна с вами. Я совершила серьёзную ошибку, и только вы можете мне помочь. На что я очень надеюсь.

После того как Виктория эмоционально рассказала, что именно произошло, Александр Владимирович со странной улыбкой, вероятно, смущаясь такой простоте, спросил:

– И что вы от меня хотите? Чтобы я поставил свою подпись на вашем документе?

– Да, – подтвердила Вика. – Именно это и хочу.

– Думаю, вы понимаете, что у меня лично нет времени разбираться в ваших бумагах. Кого из моих сотрудников вы знаете, чтобы они посмотрели этот вопрос?

– Полякову знаю и Свиридову.

– Хорошо, если кто-то из них поставит свою визу, я подпишу тоже.

– Спасибо, – выдохнула Пятницкая.

– И можете передать документы через Полину.

– Поняла. Спасибо! – повторно поблагодарила Пятницкая и вышла.

Свиридова была на выездном совещании, а Полякова обсуждала отчётность со своими сотрудниками, и поговорить с ней Вике удалось лишь около пяти вечера. Когда Пятницкая получила заветную подпись от Поляковой после такого же честного рассказа о своём промахе, Борисов уже уехал из банка. Ей оставалось лишь ждать следующего дня. Ждать и волноваться, потому что тяжкое чувство не отпускало Викторию даже под напором энергии из источника.

Вика сидела в кабинете и бездумно смотрела на чашку с недопитым кофе. Зазвонил телефон, и она вздрогнула.

– Милая, привет! Я звоню в третий раз, что у тебя случилось? – спросила Анастасия Георгиевна.

– Ничего особенного. Неприятности на работе. И я их почти уладила.

– Но ты так беспокойна, что я почувствовала это на расстоянии.

– Это усталость, мам.

– Вы же только отдыхали с Виктором? Не помогло?

– Наверное, нет. Я допустила возникновение проблемы на пустом месте, а теперь героически её решаю. Я устала сов-

мещать исцеления и работу в банке. Меня на всё не хватает.

– Хочешь, давай обсудим это.

– А когда, мам? У меня дело на деле. Благо хоть на мужа иногда время остаётся. А на остальных близких – уже нет.

– Мне сейчас кажется или ты отключилась от эгрегора своего банка?

– Не кажется. Я это сделала.

– Вероятно, это получилось очень не вовремя и некорректно. Теперь он будет пытаться завладеть твоим временем.

– Не знаю, вроде бы я работаю как обычно, не считая текущего промаха.

– Тебе виднее, – неоднозначно подытожила мама, а потом спросила: – Как сейчас у тебя с исцелениями? Идёт поток людей?

– Не сказала бы. Я вообще хочу проверить, от чего я получаю большее удовлетворение: от исцелений или от работы в банке. Каково это – только исцелять, я знаю, поэтому сейчас хочу попробовать пару месяцев поработать и никого не исцелять. И да, я знаю, что ты не поддержишь это решение, но я хочу попробовать, чтобы потом у меня не было сожалений.

– Исцеления – это твоё, милая. И мне печально, что ты сейчас принимаешь такое решение. В этом есть и моя вина.

– Mam, мне сейчас от этих слов не легче, просто прими это как факт, пожалуйста.

– Хорошо, – согласилась мама. – Приятного вечера!

– И тебе!

Вика ненадолго прикрыла глаза, чтобы сделать несколько дыхательных упражнений, но почти сразу открыла их, почувствовав порыв ветра в кабинете, где даже окна не открывались. Напротив неё на стуле сидел Тимофей.

– Я предчувствовала, что ты придёшь, – с лёгкой грустью сказала Вика. – Думаешь, я откажусь сегодня говорить с твоим отцом?

– Думаю, – честно ответил Тимофей.

– Я уже пообещала, а откладывать дела мне больше не хочется. Я вдруг поняла, как они меня тяготят. Закончу с тобой семьёй и сделаю перерыв, не буду пока исцелять.

Пятницкой показалось, что мальчик неодобрительно взглянул на неё, но тему продолжать не стал, а сказал другое:

– Я могу сам поговорить со своей мамой, только отведи её ко мне на четвёртый план бытия.

– Она не захотела со мной говорить. Я пока не знаю, как это сделать.

– Через отца. Он не хочет давать ей развод. Попроси его об этом, и тогда она с тобой точно согласится встретиться.

– Ты ставишь нереальные задачи, – усмехнулась Вика. – Человек должен сам дозреть до такого решения. Кто я такая, чтобы разговаривать с твоим отцом об этом?

– Отец почти созрел. Ему лишь нужен толчок извне, чтобы разрешить себе завершить эту игру и не пытаться всё исправить.

– И переложить за это ответственность на меня? – смути-

лась Виктория.

– Номинально.

– Ты явно уже не тот милый мальчик, которого я не смогла спасти. А прямо коварный злой дух.

– Это не так, – возразил Тимофей.

– Я поговорю с твоим отцом, как обещала. И ещё раз позвоню твоей матери и попрошу о встрече. А по поводу развода пусть решают сами. Или пусть им их ангелы подсказывают.

– Они их не слышат. Отец давно не слышит, а мать – как вышла за него замуж.

– Значит, я лучше помогу твоему отцу слышать своего ангела-хранителя, чем буду давать ему рекомендации о разрушении семьи, какая бы она ни была.

– Подходящий вариант, – согласился Тимофей, а потом пояснил: – Я не злой. Я действую в интересах своего рода.

– Я поняла, – кивнула с улыбкой Вика. – А я защищаю свои интересы.

Тимофей тоже улыбнулся в ответ и исчез.

Вика посмотрела на остывший кофе. Допивать его расхотелось. А захотелось отправиться на четвёртый план бытия, чтобы пообщаться с тотемным животным и вспомнить о своих истинных силах перед встречей с Петром Савеловым.

Пятницкая очистила сознание в источнике и поднялась на четвёртый план бытия, но не спешила входить в пещеру. Она присела на берегу небольшого озера и смотрела, как бирю-

зовая вода падает вниз из жерла пещеры. Это зрелище успокаивало Викторию. И всё же чего-то не хватало для полного умиротворения. Ей хотелось смыть все свои невзгоды и переживания. И, недолго думая и даже не раздеваясь, Пятницкая нырнула прямо в воду – благо не рыбкой, а солдатиком. Дна она не почувствовала, и её тут же вытолкнуло на поверхность. Вода была холодной, а течение – ощутимым. Однако что-то позволяло ей дрейфовать, словно поплавок, и не мёрзнуть в студёной воде. Она посмотрела в озеро, как в мутное зеркало, и увидела не себя, а чёрную медведицу. Между ней и животным уже не было пустот. Они были единым целым.

Вика вновь погрузилась в воду с головой и тут же осознала себя в кабинете. Ей было спокойно и радостно, а её одежда, невзирая на все ощущения реальности произошедшего, в итоге осталась сухой.

В просветлевший мозг пришла идея, и Вика спешно стала искать нужную информацию в интернете. Через пять минут она набрала Савелова.

- Пётр, здравствуйте! Это Виктория.
- Добрый вечер! Наша встреча в силе?
- Да, в силе, только я хотела бы вам предложить встретиться в районе Цветного бульвара. Тоже в восемь. Я подумала, что нам не очень будет удобно разговаривать в кафе на людях, и предлагаю встретиться в кабинете психолога. Надеюсь, вас не смущает такое название пространства. Я нашла

офис, где сдаются кабинеты под консультации. Пара кресел, торшер и журнальный столик. Тишина и приватность. Что скажете?

– Скажу, что я – за приватность. Готов взять на себя расходы по аренде и принести кофе. А по месту – мне даже удобнее. Смогу пешком дойти из своего офиса, и не придётся стоять в пробках.

– Вот и замечательно. Я сейчас подтвержу бронь кабинета и пришлю вам точный адрес в сообщении.

– Договорились! Вам капучино?

– Да, спасибо!

* * *

Вика приехала на место встречи раньше положенного. Забронированный кабинет пустовал, поэтому администратор психологического центра согласовал увеличение времени аренды. В ожидании Петра Виктория гармонизировала комнату и себя заодно, опуская из источника энергию безусловной любви. Кажется, впервые за всю историю её осознанных исцелений, она совершенно не знала, с чего начать разговор. Ангелы молчали.

– О чём мне говорить с Савеловым? – спросила Вика у помощников, вдруг вспомнив, что необязательно ждать, когда они заговорят первыми.

– О прощении себя за слабость духа, – сказал ангел в си-

нем.

– Так это он бил своих близких, разве это слабость?

– Да, слабость и сломленный дух. У него было очень тяжёлое детство.

– И что, это повод бить кого-то в сознательном возрасте?

– Он бил бессознательно, когда уровень стресса повышался. Он защищался. Он делал то, о чём мечтал в детстве и что не мог себе тогда позволить сделать, потому что был беспомощным ребёнком. Он не мог ответить и защититься от побоев отца. Не мог понять, за что его бьют и когда, поэтому сейчас не может понять, когда сам начинает бить. Он отключается. И чем сильнее он держит себя в руках за пределами дома, не позволяя эмоциям мешать его работе, тем сложнее ему контролировать себя там, где он в безопасности и может быть собой.

– Я не понимаю. То есть как «быть собой»? Быть монстром?

– Быть маленьким мальчиком, которого регулярно избивал отец. И который очень хотел дать сдачи, но не мог. Я лучше покажу тебе, – сказал ангел, и Пятницкая почувствовала, как её окутали его крылья.

Когда пришёл Пётр, Виктория плакала, не утирая слёз.

– Что с вами? – смутился Савелов.

– Мне показали ваше детство.

– У меня было нормальное детство, – не согласился Пётр.

– После пяти лет, когда ваш отец умер и когда ваша мать

снова вышла замуж, ваш отчим показал вам, что бывают нормальные отношения между отцом и сыном: рыбалки, коньки и велосипеды.

– Я плохо помню, что было до пяти лет.

– Врёте. Вы помните. У вас даже шрамы остались почти по всему телу от его ремня с армейской пряжкой.

– Откуда вы знаете такие подробности?

– Мне показали Высшие силы.

– Я иногда кричу во сне, – вдруг признался Пётр. – Но не помню своих снов. Мне говорили, что кричу.

– Вы хотите вспомнить свои сны?

– Нет.

– А забыть? То есть освободиться от них, поняв, что это прошлое, которого давно нет в настоящем и которое не нужно брать в будущее.

– Хочу.

Вика мысленно взмыла ввысь и, оказавшись на седьмом плане бытия, попросила Бога исцелить Петра. И лишь когда он был освобождён от груза прошлого, она спросила:

– Что вы поняли через этот опыт? Через побои? Через боль?

– Понял, что люди не совершенны. И могут быть слабы вне зависимости от силы, заключённой в них. Мой отец был гениальным конструктором, но отвратительным солдатом. Его сломали в армии, как однажды рассказала мне мама. Я же был беспокойным и активным ребёнком, и это провоци-

ровало его на агрессию.

– Вы ведь не злитесь на отца?

– Нет, – честно и спокойно сказал Савелов.

– А на кого вы злитесь?

Пётр молчал. Вика тоже молчала, наконец добравшись до стаканчика с кофе и попивая его маленькими глотками.

– Пётр, – минут через пять напомнила о себе Пятницкая. – Я, когда работаю с людьми вот так, как с вами сейчас, могу читать мысли. Вы просто это произнесите вслух. Я уже и так знаю, а вам точно станет легче. Тут больше никого нет, а я вас судить не стану.

Он помолчал ещё немного, а после признался:

– На мать.

– Вы не понимаете, почему она не защитила вас?

– Не понимаю.

– Ей было страшно. Некоторые люди в страхе цепенеют и не могут ничего сделать. Кто-то даёт сдачи, кто-то убегает, а ваша мать – из тех, кто цепенеет. И от ужаса происходящего у неё включался механизм защиты, когда она не помнила большую часть того, что творил ваш отец.

Пётр молчал.

– Ваша жена похожа на вашу мать?

– Да, – подтвердил Савелов.

– Вы поняли, почему ваша агрессия была в основном направлена на вашу жену?

– Понял, – сухо согласился Пётр.

А Виктория в этот момент поняла, почему Елизавета терпела побои от мужа и как включались её защитные механизмы психики. Ведь только из-за сына, когда он попал отцу под горячую руку, она осознала реальное положение дел. И всё равно побоялась уйти от тирана-мужа.

– Получить знание, что люди не совершенны, – дорогого стоит. Я вот до сих пор этого не осознала, если честно, и всё стремлюсь быть отличницей во всём. Но раз вы уже знаете, пусть Бог завершит для вас этот урок с сохранением всех полученных знаний, а вы за это простите всех участников тех непростых событий: отца, мать, жену, сына и, конечно, себя. Чувствуете в себе эту готовность – завершить урок, простить и отпустить обиды?

– Да, – ответил Савелов.

И Виктория опустила на него энергию из божественного источника, а ещё увидела, как она заструилась куда-то вдаль – в сторону Дмитровского шоссе и на четвёртый план бытия.

– Ваши родители уже умерли?

– Да.

– А Елизавета сейчас в загородном доме где-то по Дмитровскому шоссе?

– Да. Откуда вы всё это знаете?

– Вижу, – пожала плечами Пятницкая.

– Почему, обладая такими способностями, вы не спасли Тимофея? – искренне удивился Пётр.

– Он захотел уйти. Вот вы сейчас были готовы простить

и понять то, что было. А он просто захотел уйти. Тимофей не шёл вам по судьбе. Он пришёл изменить ваше будущее, чтобы вы смогли стать счастливыми.

– Как можно стать счастливее, потеряв ребёнка?

– Пётр, вы любите свою жену как вашу мать, как мать вашего ребёнка или как женщину?

– Не понял вас.

– Вы любите свою жену как женщину? Хотите её? Хотите встретиться с ней старость рука об руку?

Пётр молчал.

– Не хотите – не отвечайте мне на этот вопрос. Себе ответьте. И когда честно ответите, то поймёте, что для вас сделал Тимофей, а ещё поймёте, почему ваша мать не уходила от отца.

– Если мы расстанемся, всё может быть иначе?

– Может, – подтвердила Пятницкая. – Мне подсказывают, что вы можете создать новую семью, у вас будут дети: мальчик и девочка, а прошлых ошибок не будет.

– А что будет с Лизой?

– У неё тоже всё сложится хорошо. Она уедет в Швейцарию, уже там снова выйдёт замуж и родит сына.

– И нет никаких вариантов нам остаться вместе?

– Есть. Возможно, лет через пять вы сможете снова восстановить свои чувства, если будете много работать над собой. Хотя это будете уже не вы.

– Я не могу сейчас в это поверить.

– Я вас об этом и не прошу. Я прошу вас слушать себя и быть честным перед собой. Своё дело я уже сделала.

– Не сделала, – в коем-то веке подсказал ангел в синем. – Он не слышит подсказок от своего ангела.

– Хотя есть у меня для вас ещё одно предложение, – быстро сориентировалась Виктория. – У каждого из нас есть ангел-хранитель, который помогает нам верным словом на пути. И у вас он тоже есть, только вы его не слышите. Можно я вам верну эту способность – слышать вашего ангела?

– Звучит странно. И как я его буду слышать?

– Как внутренний голос. Кто не знает или не верит в ангелов, могут спутать их голоса с внутренним голосом.

– Ладно, доверюсь вам, – согласился Пётр.

И Пятницкая исполнила свою работу.

– Теперь точно всё, – выдохнула она.

– Я вроде ничего не чувствую и в то же время чувствую облегчение.

– Это хорошо. Если что, позвоните мне или лучше напишите. А сейчас мне пора. Время позднее.

– Может, вас подвезти? У меня недалеко машина.

– Нет, спасибо! Я рядом живу. Пройдусь и подышу свежим воздухом.

– Когда я приходил, был дождь.

– Ничего! Мне будет полезно освежиться.

– Как знаете. Спасибо вам!

– Удачи!

Пятницкая вернулась домой уже в одиннадцать. Виктор сидел на подоконнике и смотрел на улицу, как обычно это делала она.

– Я тут подумал, – сказал он, оборачиваясь, когда Вика зашла в комнату, – ведь это я сделал из тебя эдакую боевую подругу. Женщину, умеющую решать проблемы и руководить людьми, а не варить борщи.

– Ты как-то слишком много думаешь в последнее время, – отшутилась Пятницкая.

– У меня много времени, да, – согласился Виктор. – И всё же...

– Ага, ты сегодня второй человек, который вдруг сваливает на себя вину за мою неудавшуюся жизнь, а я так не считаю.

– Я не про неудавшуюся жизнь, а про твой лайфстайл.

– Знаешь, если я ещё готова поспорить с мамой о моём, условно говоря, несчастном детстве, то тебе я просто скажу: ты не прав. Мы познакомились, когда мне было двадцать четыре года. Так что ответственность за то, как я живу и кого слушаю, на мне. Лучше порадуйся за меня: я сегодня попала в серьёзную переделку – вышла на правление, не имея одной из виз согласующих подразделений, – и почти уладила этот вопрос, не позвонив тебе ни разу и не прося помощи у Николая. Кажется, девочка выросла.

– Да, раз так, моя малышка выросла, – улыбнулся Виктор. – В вашем напрочь зарегламентированном банке – это серьёзная провинность. Но для меня ты всё равно останешься той, о ком я буду заботиться.

– Я только за. Поэтому налей виски, милый, а? – усмехнулась Вика.

– И это тоже. Хотя... мне кажется или ты стала чаще пить?

– Это ты стал меньше работать и пить реже, – засмеялась Пятницкая.

– Возможно, – улыбнулся Пospelов и пошёл за бокалами.

– Я сегодня ещё встречалась с отцом Тимофея, и с Тимофеем, и со своим тотемным животным. Я очень устала. Мне кажется, что последние недели – это один бесконечный день, – пожаловалась Вика, присаживаясь на подоконник.

– Я уже принёс виски, можешь перестать оправдываться за своё желание выпить, – усмехнулся Виктор, подошёл к окну и поцеловал жену в макушку. – Я люблю тебя как без виски, так и с ним внутри.

– Всё же есть то, что не меняется, – наша любовь, – расплылась в улыбке Виктория. – Это здорово! Я тоже тебя люблю, милый.

* * *

– Привет! Полина звонила. Можешь зайти и забрать ваш документ. Борисов всё подписал. Он сегодня с семи утра на

работе, и Поля тоже, – сообщила Наталья, позвонив Вике утром во вторник, когда та только выходила из метро.

– Это невероятно приятная новость! И прямо с утра! Бежим забирать документ! – обрадовалась Пятницкая. – Ещё раз спасибо!

Вика сразу позвонила Елене Подольской, попросила сходить в приёмную главного казначея, забрать бумагу и отнести секретарям правления, только предварительно зайти в её кабинет, взять коробку конфет со средней полки в шкафу и подарить в знак благодарности Полине. Ключ от кабинета она предложила взять у Лесковой, а сама отправилась покупать презенты для остальных помощников.

Наталье достался лавандовый раф-кофе, который та очень любила, и пышная булочка с корицей. Сложнее было угодить Образцову, который предпочитал мятные конфеты «After eight». Пришлось обойти несколько магазинов Москва-сити в поисках, а ведь можно было просто заказать конфеты в интернете с доставкой на утро, если бы подумать заранее.

«Вы можете зайти сейчас», – ответил Георгий на сообщение Виктории с просьбой о встрече.

Вика зашла в кабинет Образцова, немного смущаясь. Поздоровалась и поставила перед ним на стол его любимые конфеты.

– Это в знак благодарности за помощь мне на правлении.

– Я вполне бы обошёлся простым спасибо, – чуть улыбнулся он. – Хотя мне приятно получить эти конфеты, даже

если вы преувеличили уровень моей помощи.

– Не думаю, – покачала головой Вика, а потом вновь смущённо спросила: – Почему вы мне помогли? Вы же сразу поняли, что подписи нет?

– Сразу не понял. Помог, потому что и мне когда-то помогали и не судили при незначительных ошибках.

– И это всё? – удивилась Вика.

– Не ищите подвоха там, где его нет. Мне помогали, я помогаю, когда это возможно и целесообразно. Зато теперь вы будете работать ещё лучше и эффективнее.

– Вы правы, я уже думаю, как усилить контроль.

– Предпочтительнее за счёт улучшения процессов или перестановки сотрудников, отвечающих за контрольные функции, а не за счёт дополнительных контрольных действий.

– Я возьму на заметку, спасибо! – искренне поблагодарила Вика, попрощалась и вышла.

Смысла продолжать разговор не было: он бы стал или излишне личным, или затянулся бы, доставив неудобства и Георгию, и ей. Вике совсем не хотелось сегодня засиживаться на работе, а дел было много.

Когда Пятницкая всё же добралась до своего кабинета, она написала Краснову:

«Вопрос правлением одобрен. Теперь всё хорошо».

«Хорошая работа!» – ответил Николай, но Вике показалось, что он в курсе произошедшего и пишет не об одобрении вопроса правлением, а о том, как она решила проблему.

Вика запустила пальцы в свою шевелюру, поправляя причёску, и с ужасом увидела, сколько волос осталось в руке после этой манипуляции. Только сейчас она поняла, в каком стрессе провела эти сутки.

* * *

Не успела Вика вернуться в свой кабинет, как к ней на аудиенцию попросилась Татьяна Лескова.

– Привет, Вика, – поздоровалась она, присаживаясь на стул напротив.

– Привет, – ответила Пятницкая и замолчала, ожидая, что Таня объяснит ей причину своего визита.

– Я хочу с тобой поговорить о Вере Кузнецовой. Почему ты на неё так взъелась? Неужели отсутствие подписи на документе, которая и вовсе была не нужна, это так страшно? Да и в целом – почему?

Вика решила действовать как Михайлов: объяснить всё подробно, но один раз.

– Первое. У меня нет личной антипатии к Вере. Если бы была, то я бы не стала давать ей шанс исправиться. А второе вытекает из первого: она меня не слышит, хоть и слушает. Если бы слышала, то у неё не возникло бы мыслей, что я на неё взъелась, как ты говоришь. Я не её руководитель, а она не мой сотрудник, и у неё нет лояльности к моим методам работы. А если человек – бунтарь, то он как минимум

должен быть гением, чтобы прощать ему его вольнодумие. В Кузнецовой я гениальности не вижу. А свободомыслие её сводится к тому, чтобы сетовать на свою судьбу и перекладывать ответственность за свои неудачи на кого-то ещё. В текущий момент – на меня. И ещё чужими устами донести до меня эту информацию, бросая тебя на амбразуру. А если бы у меня было плохое настроение и плохая выдержка? Скажу честно: мне твой вопрос не понравился. Я даже не представляю, что я такое могла бы сказать Краснову, хоть у нас и прекрасные отношения. А гонцов, между прочим, иногда убивали. Так что Вера тебя подставила, а ты и не заметила, думая, что помогаешь человеку. Между тем она использует весь коллектив нашей службы, паразитируя в ней.

Татьяна слушала молча: иногда явно соглашаясь с чем-то, иногда – нет, что было заметно по её мимике.

– Я объясню, не переживай. Мы недавно обсуждали с тобой, что твой функционал вырос, а зарплата нет. И я признаю, что в твоём случае, как ты говорила, на фоне зарплат других сотрудников это несправедливо. Так уж сложилось, что не я устанавливала размеры зарплат. И у меня нет никаких возможностей в ближайший год изменить общий фонд заработной платы. Я думаю о своих сотрудниках и обсуждала эту тему с Красновым, это я вам об этом не рассказываю, так как нечем ещё радовать. А вот в рамках общего ФОТа я могу сделать перестановки. И вот сидит Кузнецова, работу свою качественно не выполняет, частенько просит кого-то за

неё что-то сделать, а получает больше вас. И мне, глядя на всё происходящее, проще уволить её, взять на эту позицию человека с горящими глазами, мечтающего работать в ТТК-банке, развиваться, внимать и полноценно работать, может, даже почти студента за меньшие деньги, а излишек распределить между теми, кто этого реально заслуживает. Так ли тебе теперь хочется защищать Веру?

– Ты не сгущаешь краски? – осторожно и смущённо спросила Таня.

– Я анализирую ситуацию, отбрасывая эмоции. И ещё раз тебе напомню, что у меня нет личной антипатии к Вере. Просто это место работы – не её. Сама структура – не её, а следовательно, и я как руководитель не подхожу ей. Так что нам мучиться? Мы же кляtv о вечной службе и дружбе друг другу не давали.

Тут Пятницкую осенило, что она всё ещё подключена к эгрегору ТТК-банка и теперь понимает, что же такое эгрегор, а вот мама ошиблась на этот счёт. И Вика продолжила свой монолог, только уже больше для себя, чем для Лесковой, чтобы закрепить свои знания словом:

– Мы с тобой работаем в огромной структуре – это как государство в государстве. Такие структуры неповоротливы и не могут быстро изменяться в отличие от небольших банков. Причём наш банк можно сравнить с тоталитарным государством. И это не написано в регламентах. Мы говорим о негласных правилах. У нас первый вопрос, который зададут:

«Кто виноват?» А ещё: «Кого наказывать?» А вот в ГорБанке, откуда я пришла, был бы другой вопрос: «Что делать?» И вот тебе отличный пример. Казалось бы, незначительное происшествие: Вера Кузнецова из нашей службы готовила документы на правление и не убрала лишнюю строчку для визы от казначейства. Бумаг было много, чтобы не терять время, визировали всё параллельно, а значит, подписи были не на одном листе, а на разных, за суетой никто этого и не заметил – ни Подольская, ни я, ни Краснов, ни секретари правления. Внутренний контроль заметил. И что было бы, если бы я сказала, что подписи нет, и не стала бы её получать задним числом? Может, головы бы и не полетели, а вот выговор бы кто-нибудь мог схлопотать за неуважение к членам правления. Или лишили бы премии всех по вертикали за то, что потратили время важных людей впустую. Вот потом пришлось бы налаживать отношения с секретарями правления, которые своих детишек не смогли в аквапарк сводить из-за нашей оплошности, а я бы доказывала Николаю, что больше такого не повторится. Мелочь? В нашем банке – нет. В нашем банке такие законы. А в ГорБанке я бы честно пошла к сотруднику внутреннего контроля и показала ему пункт в инструкции, согласно которому эта виза не нужна, а потом его согласование отнесла бы секретарям правления, которые бы это зафиксировали и забыли, потому что там иные негласные правила. А Вера, как говорится, полезла в чужой монастырь со своим уставом: нет визы – и не надо. Это всё

равно, что в мусульманской стране, где женщины ходят в парандже, пойти в мини-юбке, потому что в нашей стране это нормально. Если ты хочешь комфортного пребывания, соблюдай правила того места, где находишься, в том числе и негласные. А если не нравится жить по этим правилам, смени местоположение, ты же не дерево.

– Почему у нас нельзя так, как в ГорБанке?

– В теории можно было бы попробовать, если бы я понимала, что сейчас набирают обороты новые веяния на упрощение схем согласования и внутренний контроль даёт подобные рекомендации в своих актах проверки, если бы понимала, что в текущий момент времени они готовы к диалогу, а не к настоятельным рекомендациям, если бы... Но тут было проще дать, чем объяснять, почему нет. Я честно признаю, что у меня не тот уровень, чтобы диктовать в банке свои правила. И я не принижаю себя, я реально оцениваю положение. У меня нет задачи сделать протестное движение, при этом, как ты видишь, наша служба всецело стоит на передовой, делая проекты, которые изменяют процессы к лучшему. Пусть это не так быстро, как могло бы быть в ГорБанке, но банк меняется. Без революции. Ведь любая революция – это кровь и слёзы. Если бы я не приняла эти правила игры, я бы ушла из ТТК, но мне нравится моя работа. А вот мой муж точно не хочет здесь работать. Ему будет здесь некомфортно. Вот и Вере здесь некомфортно, но она зачем-то держится за своё место.

– Понятно, – кивнула головой Лескова, хотя было видно, что совсем непонятно.

– А теперь третье и самое важное в нашей беседе. И я надеюсь, что после моих подробных предыдущих разъяснений, ты поймёшь, что я сейчас не придираюсь к тебе, не имею личных претензий или чего-то подобного, а даю ценный совет на будущее. Вот мы с тобой уже час разговариваем о том, почему я приняла то или иное решение. И знаешь, я не могу объяснять тебе или другим сотрудникам все свои решения, да и не хочу. Потому что тогда у меня не останется времени на работу. Прими изначально, что у меня как минимум больше сведений, чем у вас, для принятия этих решений. Я не твой учитель, я руководитель. Либо ты доверяешь мне, либо нет, а если нет, то конструктивного и взаимовыгодного сотрудничества не получится. Если тебе не хватает каких-либо знаний, посмотри, какие есть семинары в корпоративном институте, пришли мне то, что тебе интересно, и мы обсудим с тобой, куда тебе лучше пойти и когда это возможно по времени. Это не значит, что я запрещаю тебе задавать мне вопросы. Это значит, что перед тем как задавать их, попробуй найти ответ сама. По текущему вопросу с Верой все исходные данные у тебя были. И с твоей головой ты и сама до всего могла прийти.

– Хорошо, – несколько угрюмо сказала Татьяна, всё же принимая на свой счёт третий пункт.

Лескова вышла из кабинета, а Пятницкая призадумалась,

почему она так любит ТТК-банк с его заглавным вопросом: «Кого будем наказывать?» И ответ, пришедший ей в голову, совсем её не обрадовал, потому как получалось, что не избавилась она ещё от жертвенной позиции внутри себя: хотя та и не была видна другим со стороны, но довлела над ней, как довлеют негласные правила эгрегоров.

Вика не знала, что с этим делать, поэтому решила плюнуть и забыть. Она открыла ежедневник, чтобы посмотреть задачи на день, но тут же отложила его и потянулась к телефону.

– Привет, мам! – сказала Вика.

– Привет! Рада тебя слышать, – ответила Анастасия Георгиевна.

– Помнишь, я когда-то спрашивала тебя о копировании чувств? А это всё-таки плохо или хорошо?

– Это как имплантат – может прижиться, а может и нет. Тут правильнее говорить о том, насколько ты осознанно это делаешь и убираешь ли потом умения или убеждения, которые противоположны новым навыкам. Иначе может быть аллергическая реакция, причём на физическом уровне. Но у тебя вроде всё прижилось.

– Может, и так, – немного отрешённо согласилась Вика. – Заеду сегодня?

– Будем рады.

– Вите скажу, может, тоже приедет.

– Прекрасно! До встречи!

– Пока.

С среду в обеденное время Елизавета Савелова сама позвонила Виктории, хотя ещё вчера не ответила на три её звонка.

– Добрый день, Виктория! Это Елизавета, мама Тимофея.

– Добрый.

– Вы хотели встретиться со мной. Не знаю, что вы сказали моему мужу, но теперь я тоже хочу с вами встретиться.

– А знаете, нам вовсе не нужно встречаться. Я недавно разговаривала с Тимофеем, как бы это странно ни звучало, и он пожелал сам с вами поговорить. Я могу это устроить: отвести вас туда, где он сейчас обитает. Я могу повести вас голосом по телефону.

Елизавета молчала, явно не понимая, как это будет происходить.

– Вы сядете в удобную позу и закроете глаза в комфортном месте, где вас никто не будет беспокоить в течение получаса. И наденете наушники, чтобы не держать телефон в руках, так будет удобнее, – пояснила Вика.

Елизавета всё молчала.

– Вам даже ехать никуда не придётся, что вы теряете?

Молчание.

– Не хотите – не надо, – Виктория применила приём, который часто срабатывал, когда она уставала уговаривать че-

ловека.

– Хочу, – тут же отозвалась Елизавета. – Просто боюсь и не очень-то в это верю.

– Не верьте. Следуйте за моим голосом – и всё.

– Если я вам перезвоню через пятнадцать минут, вы сможете это сделать?

– Смогу, – сказала Пятницкая, понимая, что остаётся без обеда.

Но дело откладывать было нельзя. Она позвонила Татьяне и попросила принести ей что-нибудь из буфета перекусить.

Мать Тимофея осталась под впечатлением после визита на четвёртый план бытия, а Виктория слушала её благодарности и удивлялась, что последнее исцеление было вовсе и не исцелением, а телефонным разговором. Внутри у неё было пусто.

Глава 18

Через пару недель в конце рабочего дня Виктории позвонила Тамара, бывшая помощница её мужа.

– Привет! – весело поздоровалась она. – Я теперь работаю рядом с тобой, почти в соседней башне. Ты свободна? Может, прямо сейчас зайдёшь выпить кофе и поболтать?

– Привет! – порадовалась факту звонка Пятницкая, хотя сама информация её смутила. – Ты не дождалась, пока Виктор найдёт новую работу, и ушла из ГорБанка?

– Ушла, – снова весело подтвердила Тамара. – Предложение было заманчивое. Остальное расскажу за чашкой кофе.

– Интригуешь, – усмехнулась Вика.

– А как иначе занятого человека уговорить встретиться?

– Ладно тебе, для тебя я всегда найду время.

– Приятно слышать! Так что? Зайдёшь? Информацию, как пройти, сейчас скину в сообщении. Пропуск уже заказала.

Пятницкая полчаса назад заглядывала в свой ежедневник, поэтому знала, что волею судеб срочных дел у неё нет, так что ей ничего не оставалось, как согласиться на предложение Тамары. Отправляясь на встречу, она захватила с собой сумку, решив не возвращаться на работу – на часах уже было полседьмого.

Перед входом красовалась синяя вывеска: «Банк «Мир»».

«Вполне достойное место, – подумала Пятницкая, заходя внутрь. – Входит в десятку крупнейших банков страны».

Тамара встретила её у лифта на четвёртом этаже и повела коридорами в приёмную.

– Кто твой новый начальник? – спросила Вика, пока они шли.

– Я вас познакомлю, – улыбнулась Тамара. – Прекрасный человек.

– Даже так? – смутилась Пятницкая, хотя отказываться не стала. Банковский мир был так тесен, что новые знакомства не могли быть лишними.

– Вот, – сказала Тамара, открывая дверь в приёмную. – Заходи в кабинет, а кофе я сейчас принесу.

– В кабинет? – снова удивилась Вика.

– Да, – заулыбалась Тамара. – Познакомьтесь, пока мой босс не ушёл. Рабочий день уже закончился, вдруг он захочет вовремя уехать домой к любимой жене.

– Ага, – кивнула головой Пятницкая. – Может, ты нас представишь друг другу?

– Он ждёт, проходи. Я предупредила его, что пошла тебя встречать.

– Ну ладно, – махнула рукой Вика и зашла в дверь.

В просторном кабинете за большим тёмным столом сидел Виктор, читая что-то с монитора ноутбука.

– Витя?! – удивилась Пятницкая.

– Как тебе мой новый кабинет? – улыбнулся он, поднима-

ьясь ей навстречу.

– Мрачноват. И бурная стройка прямо за окном. И всего четвёртый этаж. А так – очень даже. Но как ты мог мне ничего не сказать?!

– Хотел сделать сюрприз.

– У тебя получилось! – выдохнула Виктория.

В этот момент в кабинет зашла Тамара с подносом и поставила чашки на стол переговоров.

– И себе принеси, раз обещала выпить со мной кофе, – поддела её Пятницкая.

Поспелов кивнул в знак согласия.

– Хорошо, – заулыбалась Тамара, радуясь такому предложению. – Кстати, принесли таблички на дверь. Сейчас покажу.

Она быстро сходила в приёмную, принесла таблички и положила их перед Виктором и Викой.

– Член правления Виктор Константинович Поспелов, – прочитала вслух Пятницкая.

Виктор лишь довольно улыбнулся.

– А шампанское у вас есть? Это повод отметить!

– Нет, – смутилась Тамара. – Не было такого распоряжения.

– Пейте кофе, ещё успеем отметить в более подходящей обстановке, – сказал Виктор. – Тома, завтра займись организацией этого. Я дам список, кого пригласить на встречу, и пожелания по месту.

– Есть! – ответила довольная Тамара, отхлёбывая кофе.

– Как в старые добрые времена, – улыбнулась Вика. – Кого ещё перетащил за собой?

– Сейчас расскажу...

* * *

Не успел водитель отъехать от Москва-сити, как метров через триста остановился.

– Пойдём, я покажу тебе кое-что, – сказал Виктор, помогая Виктории выйти из машины.

– Мне кажется или здесь за забором тоже стройка?

– Не кажется.

– Ты так полюбил вид из своего нового кабинета на стройку, что теперь жить без этого не можешь? Переезжаем сюда? – пошутила Вика.

– Да, милая, как раз сюда мы переедем через годик, когда этот дом достроят. Я уже забронировал квартиру на двадцать первом этаже с видом на реку. Если ты скажешь «да», то я её оплачу.

Пятницкая так расчувствовалась, что не могла вымолвить ни слова. Виктор не торопил её, лишь взял за руку и продолжил рассказывать:

– План квартиры покажу дома. Они предлагают планировку, но можно сделать свою, если мы захотим. Наймём дизайнера-проектировщика. У меня точно будет кабинет, осталь-

ное можешь решать сама.

– Мне нравится место, – наконец сказала Вика. – На работу можно будет ходить пешком.

– Да, с учётом московских пробок – это прекрасно! Ещё здесь недалеко детский парк и пруды. Есть где погулять или побегать.

– Поехали скорее домой, хочу посмотреть план квартиры.

– Конечно! Рад, что тебе понравилось.

* * *

Вика стояла у окна в своём кабинете и улыбалась: вид на гостиницу «Украина» и Москву-реку не переставал восхищать. Это был редкий момент, когда все дела по работе приведены в порядок и можно было расслабиться и ничего не делать до конца дня. Вике было комфортно работать лишь в банке и никого не исцелять: оставалось достаточно времени и на мужа, и на друзей, и даже на автошколу хватало. Пятницкая чувствовала себя счастливой.

Запиликал мобильный телефон. Она приняла звонок.

– Вика! Вика! Беда! – сразу закричала Тамара. – Она влетела в окно! Сорвалась и влетела! Я несла чай! Беда!

– Что случилось? Что влетело? – не успев ничего понять и испугаться, спросила Пятницкая.

– Балка! Груз сорвался с крана! – продолжала судорожно и быстро тараторить Тамара. – Она влетела в кабинет. Заде-

ла Виктора. У него кровь, Вика! Струится изо рта. Я вызвала скорую, местных врачей. Но он лежит. Я не знаю, что делать. Прямо в спину! Это ужасно! Вокруг осколки. Я в ужасе! Я как-то случайно подслушала вас. Ты?! Ты... можешь? Ты можешь его исцелить?

Мир рухнул. А потом резко возник вновь, активизировав невероятные силы внутри Вики.

– Закажи мне пропуск, я бегу к вам! – закричала Пятницкая и бросилась к двери. Но резко остановилась.

«Расстояние не важно!» – осекла она саму себя, мгновенно опустилась на пол и вошла в состояние видения.

– Только будь жив, милый. Только будь жив... – умоляла она мужа, устремляясь мыслями к источнику за чистой энергией безусловной любви.

* * *

Пятницкая сидела прямо на земле. Отрешённая и молчаливая.

– Время лечит, – услышала она голос матери.

– Лечит? – вздрогнула Вика. – Это лечит?! – закричала она, тыча в крест с фотографией Виктора.

– Всё лечит, – спокойно ответила Анастасия Георгиевна.

Папа подошёл к Вике, присел рядом и положил руку ей на плечо.

– А я не буду. Я больше никогда не буду лечить. Пусть

Он сам исцеляет... – начала тихо Пятницкая, а потом снова сорвалась на крик, поднимая глаза к небу: – Не буду, слышишь! Как ты со мной, так и я! Не вернусь!

Вика отстранила руку отца, встала и пошла прочь, не оборачиваясь.

– К чёрту все ваши исцеления, учения, видение! К чёрту! – бросила она напоследок.

– Сколько у тебя тогда длился кризис веры? – тихо спросил Анастасию Георгиевну муж, смотря, как Вика бредёт среди могил.

– Три года, – ответила Анастасия Георгиевна.

– Может, у неё быстрее пройдёт?

– Три года... – эхом повторила она, и глаза её наполнились слезами.

А небо мгновенно посерело, затянулось тучами и заплакало мелким дождём.